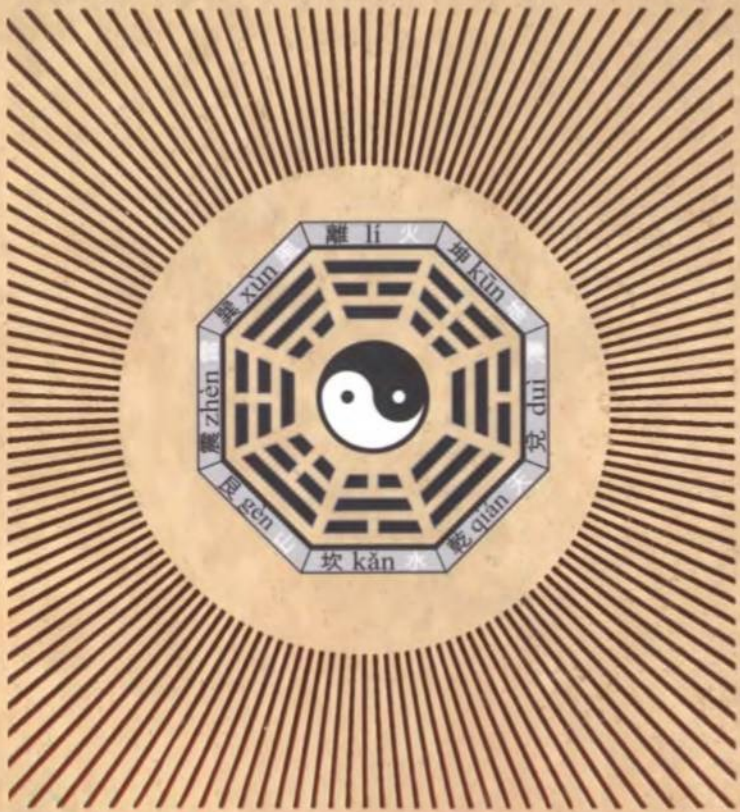
МАТЖИОИ

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПУТЬ



LA VOIE MÉTAPHYSIQUE

MATGIOI

Матжиои (настоящее имя — Альбер Пюйу, граф де Пувурвиль) автор множества произведений — в том числе и художественных — о Китае и французских колониях в Азии. Книга «Метафизический путь» является первой частью трилогии, в которой, по замыслу автора, европейскому читателю должны были быть представлены основные положения даосизма. Матжиои являлся весьма заметной фигурой в религиозно-философских и эзотерических кружках Европы первых десятилетий XX столетия, и неслучайно Густав Майринк в романе «Вальпургиева ночь» изобразил его под именем Манджу, посланника Срединной Империи, а Рене Генон считал самым авторитетным знатоком дальневосточной традиции. Древнейший памятник письменности Китая — знаменитую книгу И-цзин — Матжиои рассматривает как элемент изначальной, примордиальной традиции, источника сверхчеловеческих знаний, из которого в конечном счете берут начало все известные человечеству религии.

Сегодня, когда особенно остро ощущается потребность диалога между Востоком и Западом, между приверженцами различных религиозных конфессий, книга Матжиои может представлять особый интерес.

ISBN 978-5-93615-136-1

МАТЖИОИ

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Перевод с французского
В. Ю. Быстрова

Санкт-Петербург
«Владимир Даль»
2014

УДК 14
ББК 87.21
М 33

Матжиои
М 33 Метафизический путь. — СПб.: Владимир Даль, 2014 — 255 с.
ISBN 978-5-93615-136-1

Матжиои (настоящее имя — Альбер Пюйу, граф де Пувурвиль) автор множества произведений — в том числе и художественных — о Китае и французских колониях в Азии. Книга «Метафизический путь» является первой частью трилогии, в которой, по замыслу автора, европейскому читателю должны были быть представлены основные положения даосизма. Матжиои являлся весьма заметной фигурой в религиозно-философских и эзотерических кружках Европы первых десятилетий XX столетия, и неслучайно Густав Майринк в романе «Вальпургиева ночь» изобразил его под именем Манджу, посланника Срединной Империи, а Рене Генон считал самым авторитетным знатоком дальневосточной традиции. Древнейший памятник письменности Китая — знаменитую книгу И-цзин — Матжиои рассматривает как элемент изначальной, примордиальной традиции, источника сверхчеловеческих знаний, из которого в конечном счете берут начало все известные человечеству религии.

Сегодня, когда особенно остро ощущается потребность диалога между Востоком и Западом, между приверженцами различных религиозных конфессий, книга Матжиои может представлять особый интерес.

УДК 14
ББК 87.21

© Издательство «Владимир Даль», 2014
© В. Ю. Быстров, перевод, предисловие, 2014
© П. П. Лосев, оформление, 2014

ISBN 978-5-93615-136-1

У ИСТОКОВ УЧЕНИЯ О ТРАДИЦИИ

Настоящее имя автора этой книги — Альбер Пюйу, граф де Пувурвиль. Он родился 7 августа 1862 года в Нанси, и умер в 1939 г. в Париже. Альбер Пюйу был родом из семьи с давними воинскими традициями, принимал участие во многих французских экспедициях в Китае и занимал там различные административные и военные должности. Его длительное пребывание в Тонкине и в иных провинциях позволило ему глубоко проникнуть в дух Китая, в его культуру и традиции. В это время он встретил даосского учителя, который подготовил его к инициации в одно тайное китайское общество, и немного позже эта инициация состоялась. Альбер де Пувурвиль принял инициатическое имя Матжиои, которое означало «око света». Затем Альбер де Пувурвиль вернулся на Запад и приступил к распространению (в той мере, в какой это было возмож-

но) учения даосизма среди европейцев, сталкиваясь, между прочим, с некоторым сопротивлением со стороны официальных ученых-ориенталистов. В рамках этой «просветительской программы» он издает книги «Метафизический путь» и «Рациональный путь», в которых излагаются даосские доктрины, излагаются как с точки зрения их принципов, так и с точки зрения различных вариантов их применения.

Начало этой «просветительской деятельности» Матжиои приходится на первое десятилетие XX столетия. Вернувшись в Европу, Матжиои примкнул к оккультистскому движению во Франции, только еще делавшему первые шаги, и, помимо литературных занятий, принимал в нем, вероятно, и активное практическое участие. Вначале он сближается с Леоном Шампрено (более известным под именем Седир) и входит в состав оккультистской организации, помпезно именуемой Высший Совет Ордена Мартиниста. Участвует в издании бюллетеня инициатических исследований «Наставник», предназначенного для мартинистов, издания, которое ограничилось 7 номерами, с января 1904 по март 1905 года. Однако вскоре, возможно под влиянием Матжиои, Леон Шампрено отверг западный оккультизм, который казался ему зашедшим в тупик, и обратился к изучению восточных

доктрин, которыми он уже некоторое время интересовался. Именно в это время Шампрено основал вместе с Матжиои журнал «Путь», выходивший с апреля 1904 по март 1907 года. Известно, что в этом журнале Шампрено публиковался под именем Теофана, а псевдонимом Матжиои было имя Симон. Они в соавторстве публикуют книгу «Тайные учения Гнозиса», однако в свет выходит лишь первая часть этой книги, тогда как планировавшиеся две остальные части так никогда и не были опубликованы. В 1910 году Леон Шампрено, под тем же самым именем Теофана, издал исследование «Матжиои и его роль в тайных китайских обществах», сопровождаемое кратким изложением метафизики даосизма. Сам факт появления такой книги свидетельствует о той весьма заметной роли, которую играл Матжиои в среде мистиков и оккультистов во Франции начала XX века.

Кроме этого, Матжиои — автор множества исследований о Китае и о французских колониях в Азии. Вот его неполная библиография: «Дао Лао цзы», 1984 (переиздана в 2004); «Дух желтых рас. Трактат о блуждающих влияниях Куп цзы», 1896; «Срединная империя», 1900; «Китайские рифмы», 1904; «Метафизический путь», 1905 (переиздана в 1956, 1991); «Рациональный путь», 1907 (переиздана в 2003); «Китай книжников»,

1910; «Тайные учения гнозиса» (издание 1999), «Книга об опиуме» под псевдонимом Нгуен Те Дук (переиздана в 2002); «Индокитайское искусство», 1894; «Французские дневники», 1931.

В 1925 году на русский язык был переведен роман Матжиои «Китайские тени», ставший в наши дни библиографической редкостью. На alib.ru за эту сравнительно небольшую, чуть более 100 страниц, книгу просят около 3000 рублей.

Таким образом, перевод книги «Метафизический путь» — это не первое знакомство отечественного читателя с литературным наследием Матжиои. Хотя сама эта книга непосредственно посвящена «И-цзин», одному из самых древних памятников письменности Китая, с точки зрения современной ицзинистики она вряд ли может представлять собой значительный интерес. В гораздо большей мере книга Матжиои интересна тем, что является первым произведением, написанным в рамках формирующегося в начале XX столетия идейного течения, которое несколько позже начали называть традиционализмом. За два последних десятилетия отечественный читатель получил возможность познакомиться со многими книгами самых ярких представителей этого течения — Рене Генона и Юлиуса Эволы. Оба они весьма высоко оце-

нивали Матжиои, хотя эта оценка и не оставалась неизменной. И эта высокая оценка наряду с тем обстоятельством, что в книге «Метафизический путь» можно обнаружить, пусть еще в свернутой форме, весь тот комплекс идей, который характеризует традиционализм, позволяет выдвинуть предположение, что именно Матжиои и является основателем этого течения, его инспиратором.

Известно, что традиционализм возникает как движение, ставящее перед собой цель реставрации священных ценностей традиционной цивилизации. Но исходной точкой этого движения становится горькое признание, что современный мир оторван от этих ценностей раз и навсегда. Возникает парадоксальная ситуация. Все, что касается обоснования традиционных ценностей, традиционных институтов, было создано тогда, когда сакральная основа бытия никем не ставилась под сомнение. В конечном счете любая традиционная доктрина опиралась на самоочевидные для всех принципы, которые не было необходимости подчеркивать и разъяснять. Более того, самоочевидность священного сообщает любому дискурсу о священном особую, фактически неартикулируемую семантику. Действительно, такое заманчиво крамольное высказывание, как «Бог существует», в традиционной цивилизации неизбежно

будет вызывать подозрительные ассоциации, как если бы сейчас кто-то вполне серьезным тоном начал бы доказывать существование денег или нефти.

В рамках традиционализма понятие традиции употребляется в соответствии с определениями, используемыми Р. Геноном. «В этом особом значении культура или общество является „традиционным", если оно руководствуется принципами, превосходящими просто человеческий и индивидуальный уровень; если все его сферы образованы влиянием свыше, подчинены этому влиянию и ориентированы на высший мир. Следует отметить, что мир традиции, несмотря на все разнообразие своих исторических форм, отличается сущностным тождеством или неизменностью... и его ... можно определить как нормальный, то есть вертикально ориентированный и напрямую связанный с истинным смыслом».[1]

Следует заметить, что интерпретация Генона принципиально отличается от принятого в современной социологии обычая рассматривать традицию как коммуникативный механизм. Социологи, начиная с М. Вебера, противопоставляют традицию рациональным формам коммуникации. «Традиция ... тер-

[1] *Эвола Ю.* Оседлать тигра. СПб., 2005. С. 6—7.

мин нейтральный, употребляемый для обозначения трансляции, передачи, как правило, устной, благодаря чему оказываются возможными разные способы имитации оценки и понимания того, что передается из поколения в поколение и что тем самым эти способы сохраняют».[2] Для социологов это механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором содержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом. Действия и отношения внутри традиции ориентированы не на достижение определенной цели (что характерно для рационального действия) и не на реализацию специально зафиксированной нормы, но на повторение прошлого образца. В конечном счете традиция имеет чисто формальное значение, так как ей безразлично, что передавать и воспроизводить. Несомненно, традиции социологов не исчезли и в современном мире, и, строго говоря, обращение Р. Генона, а вслед за ним и Эволы к термину «традиция» является в определенной мере случайным. Действительно, когда речь идет о «традиционном обществе», то за этим термином скрывается содержание, кото-

---

[2] *Gold J., Colb D.* The Conseguences of Literacy // Comparative Studies in Sociology and History. 1963. Vol. 5. № 3. P. 334.

рое его этимология, в сущности, не позволяет передать. Для самого «традиционного общества» термин «традиция», если можно так выразиться, феноменологически недостоверен. В том смысле, что то или иное общество «традиционного типа» называет соответствующую реальность как-то иначе. Например, слово «каббала» в рамках иудаизма, или выражение «Священное Предание» христиан, или буддийское «кагью», или «тарикат» суфиев, или «смрити» индусов — все это служит для обозначения собственной традиции и соответствующего ей содержания. И когда в книгах традиционалистов встречается слово «традиция», то читатель вправе отбросить все представления социологов и заменить его одним из вышеуказанных понятий.

В традиции важна не форма, а содержание. Традиция «в самом общем значении этого слова, может быть как письменной, так и устной, хотя изначально она почти всегда является устной. Как бы то ни было, но в наши дни традиция, будучи религиозной по своей форме, или какой-либо иной, всегда включает в себя две дополняющие друг друга ветви, письменную и устную, и мы без всякого колебания говорим о „традиционной письменности“, что показалось бы очевидным противоречием тому, кто слово „традиция“ использует

только в его более узком и специальном смысле; кроме того, этимологически слово „традиция" обозначает просто какую-то вещь, которая „передается" тем или иным способом. Вдобавок ко всему, в содержание понятия „традиции" необходимо включать, хотя и в качестве вторичных и производных элементов, но тем не менее очень важных для того, чтобы составить об этом понятии окончательное представление, и целый ряд разного рода институтов и организаций, принцип существования которых находится в том или ином традиционном учении».[3] Такое широкое значение понятия «традиция» фактически совпадает со значением понятия «цивилизация» при одном важнейшем условии, что речь идет именно о традиционных обществах, а не о современных, которые имеют совершенно иную природу. Содержание же традиции представляет собой сумму знаний сверхчеловеческого уровня, которые становятся доступными человеку в порядке инициации. Важно заметить, что таким образом понимаемая традиция является сугубо интеллектуальной конституцией, и ее инициатическая инъекция не подразумевает никакого иррационализма. Напротив, эзо-

---

[3] *Guenon R.* Introduction generale a l'etude des doctrines Hindoues. Paris, 1921. P. 87.

терический характер инициации связан, прежде всего, с деградацией интеллекта в современных обществах.

В традиционном обществе все производно от традиции и является приложением суммы этих сверхчеловеческих знаний к какой-либо частной области общественной или индивидуальной жизни. Сама же традиция имеет непростую внутреннюю структуру, и при самом первом приближении ее можно разделить на традицию эзотерическую и экзотерическую. Последняя появляется в истории человечества всегда как попытка сохранить неизменной хотя бы форму традиции, когда уже невозможно сохранить содержание. Одним из способов такого «внешнего», «формального» сохранения и является религия, оказывающаяся, таким образом, в лучшем случае оболочкой традиции. Эзотерическая же составляющая традиции также, в свою очередь, может иметь свою собственную структуру, ядром которой является метафизика, а периферией — совокупность так называемых традиционных наук, к которым относятся не только астрология, алхимия и магия, но и традиционная математика, традиционная география, традиционная лингвистика и многие другие.

Именно такое понимание традиции мы обнаруживаем в книге Матжиои. Эта традиция в своей сущно-

сти едина, и ее подлинное содержание исключает какое-либо противоречие между Востоком и Западом, между восточными доктринами и христианством. Точнее, там, где такого рода противоречия устанавливаются, там имеют дело только с экзотерическими концепциями, остающимися на поверхности вещей. *Любите Религию: опасайтесь религий* — именно в этом заключается смысл одной из главных максим, которая, хотя Матжиои и обнаруживает ее на вратах всех даосских храмов, тем не менее, не является каким-то особым положением дальневосточной метафизики, но непосредственно следует из содержания примордиальной традиции. Различие Религии и религий соответствует различию эзотерической и экзотерической сторон традиции. Опасения, вызываемые религиями, связаны с тем, что экзотерическая сторона традиции появляется в истории человечества всегда как попытка сохранить неизменной хотя бы форму сверхчеловеческого откровения, когда уже невозможно сохранить содержание. Одним из способов такого внешнего, формального сохранения и является религия, оказывающаяся в лучшем случае оболочкой традиции, а в худшем — ее необратимым искажением. Аналогичные представления почти в то же самое время можно обнаружить и у Р. Генона: «Мы говорили, что религии

являются лишь отклонениями от примордиальной Религии, одним из искажений традиционной Доктрины, и что в силу смешения с последней рассуждений нравственного и социального порядка они устанавливают прискорбную путаницу между метафизической областью и областью чувственной и в конечном счете наделяют последнюю преобладающей ролью, полностью сохраняя ее доктринальные претензии, которые ничем уже не оправдываются. Так как чувство — это нечто, в сущности, относительное и индивидуальное (см.: *Матжиои.* „Метафизическая ошибка религий в чувственной форме"), то из этого следует, что религии являются частными проявлениями Доктрины, по отношению к которой они образуют ереси различной степени, поскольку все они в той или иной мере отвергают Универсализм (можно сказать, католицизм, если это слово сохраняет свой этимологический смысл, а не берется в том особом значении, которое всем известно)».[4]

Для Генона Матжиои в первую очередь авторитетен во всем, что связано с дальневосточной традицией: «Следует признать, что ничего действительно серьез-

---

[4] *René Guénon.* La Priere et L'Incantation // La Gnose. Janv. 1911. P. 16.

ного с этой точки зрения до трудов Матжиои не было; до него китайская метафизика была полностью неизвестна в Европе, можно даже сказать, без риска обвинения в преувеличении, что о ней никто совершенно не подозревал. Перевод двух книг «*Дао*» и «*Дэ*», сделанный Матжиои, был известен на Дальнем Востоке и одобрен мудрецами, хранящими наследие даосской науки, что гарантирует нам совершенную точность».[5] В то же время и в своих построениях метафизического плана Генон также опирается на наследие Матжиои: «Форма, геометрически выражаясь, это контур: это видимость Предела» (*Матжиои.* «Метафизический путь»). Можно определить ее как совокупность тенденций в определенном направлении, по аналогии с тангенциальным уравнением кривой; само собой разумеется, что эта концепция на геометрической основе, переносится на качественный уровень. Укажем также, что мы можем применить эти рассуждения к тому, что касается не индивидуализированных элементов (но не сверхиндивидуальных) «промежуточного мира», которым дальневосточная традиция дает общее название «блуждающих влияний», а возможности их временной и мимолетной индивидуализации,

[5] *René Guénon.* Mélanges. Paris, 1976. P. 218.

при определении направления, связана с вступлением в связь с человеческим сознанием».[6] Генон констатирует почти полное совпадение своих взглядов с воззрениями Матжиои, упрекая последнего лишь в некоторых недостатках индивидуального порядка: «Я знал Матжиои... он был, к несчастью, слишком „рассеянным" и увлекался многими вещами, которые не имели никакого отношения к дальневосточным доктринам и которые мешали ему продолжить то, что он начал. То, что вы говорите о его стиле, является совершенно точным; ему главным образом недостает точности, что иногда вызывает тягостное ощущение».[7]

Традиция связывается с изначальным, райским состоянием человечества, в силу чего уже Матжиои называет традицию примордиальной. Это означает, что в рамках любой цивилизации вещи, связанные с примордиальной традицией, будут, во-первых, окружены особым почитанием, а во-вторых, будут осознаваться как нечто чуждое, постороннее. Книга «И-цзин» у Матжиои, ее положение в китайской культуре наделяется именно этими признаками. Хотя китайцы

---

[6] *Генон Р.* Множественные состояния бытия // Волшебная гора. М., 2007. № XIV. С. 189.

[7] *Генон Р.* Неопубликованное письмо Гвидо ди Джорджио от 9 июня 1928 г.

получили «И-цзин» от первопредка Фу-си, то есть, в те доисторические времена, которые являются изначальными для китайской цивилизации, Матжиои подчеркивает, что «И-цзин» имеет еще более древнее происхождение. «Когда Фу-си, этот загадочный император, записал, за три тысячи семьсот лет до Иисуса Христа, то есть за две тысячи триста лет до Моисея, те метафизические и космогонические арканы, которые послужили основой для „И-цзин", он заявил, что получил свое учение из прошлого, и заявил, что это прошлое было весьма мудрым, весьма благоразумным, и его границы очень трудно точно определить».[8]

Любопытно, что этому представлению созвучны некоторые концепции современной ицзинистики. Общеизвестна трактовка значения иероглифа И как «перемен», откуда и наиболее распространенный перевод «И-цзин» как «Книги перемен». Но некоторые исследователи, как в самом Китае, так и на Западе,[9] выдвигали предположение, что в действительности. И — это топоним, обозначающий некое древнее государство. Существует также версия, что иероглиф И изначально

---

[8] Данное издание, с. 42.

[9] См.: Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 5. Мифология. Религия. М., 2007. С. 147.

являлся этнонимом, обозначающим северных варваров. Эти географические и этнографические интерпретации подтверждают версию Матжиои об инородном для китайской цивилизации происхождении «И-цзин».

Что касается особого почитания «И-цзин», то известно, что «во время династии Шань-Инь (1776—1122 гг. до н. э.) мы встречаемся с интересным явлением — существованием гадательных центров регионального или общекитайского значения. Предположительно один из таких центров располагался на территории вблизи современного города Аньян. При раскопках здесь были найдены целые «архивы» гадательных записей на костях животных и панцирях черепах. Подобные записи обнаружены на каменных «барабанах» и бронзовых треножниках. Характер дешифрованных записей говорит о том, что гадательные центры были регуляторами хозяйственно-экономической, политической, военной и семейной областей жизни... Исходя из общей структуры китайской Поднебесной, можно предположить, что в переходную эпоху существовала целая сеть гадательных центров. Они выполняли две функции — космологическую и социальную. В структуре космоса Поднебесной гадательные центры заполняли собой телесно-духовно-идеальные пустоты, которые возникали между небом и землей в пределах

сторон света после крушения мировых опор родового космоса. Они сами становились этими опорами. В социальном плане гадательные центры соединяли эти две эпохи — родовую и послеродовую. Род уходил, а вместе с ним уходили родовые формы саморегуляции жизни, а государство с его законом еще не пришло. Вот этот промежуток между родом и государством заняла гадательная форма регуляции переходным обществом».[10]

Впрочем, хотя гадательной стороне «Книги перемен» Матжиои и отводит особый раздел, очевидно, что этот аспект ему малоинтересен. В первую очередь «И-цзин» — элемент изначальной, примордиальной традиции, которая «заставляет признать себя лишь благодаря своей ясности и всей могущественной силе своего прошлого».[11] Религии, более или менее чисто ее передающие, не обладают и не могут обладать той степенью достоверности, которая свойственна этой традиции. В этом, возможно, и обнаруживается ключ к разгадке тайны религиозно-философского концепта примордиальной традиции, концепта, создаваемого Матжиои и развиваемого в дальнейшем Геноном, Эво-

---

[10] *Лукьянов А. Е.* Дао «Книги перемен». М., 1993. С. 26—27.

[11] Данное издание, с. 48.

лой и их единомышленниками. Здесь на первом плане приоритет традиции над любой религиозной формой, основанный на более высокой (или наивысшей) степени достоверности, и такая особенность личной биографии Матжиои, как его длительная дипломатическая деятельность. Неслучайно в среде традиционалистов столь часто появляются профессиональные разведчики и дипломаты (которые, как правило, также оказываются разведчиками) — именно им требуется найти в чуждой среде платформу для осуществления общей деятельности самого разного рода. И если признать, что ничто так глубоко не разделяет людей, как религия, то нельзя не согласиться, что концепт единой традиции, скрывающейся за самыми разнообразными религиозными оболочками, может этих разделенных людей теснее всего сблизить.

Концепт традиции претендует на роль такой же универсалии, какой ранее мог быть только западноевропейский ratio, разум, рожденный в ретортах экспериментальной науки и философии Нового времени. Традиция — это исток общечеловеческого единства, скрепленный райской оградой. Этот исток должен быть по меньшей мере столь же самоочевиден, как и cogito Декарта. Поэтому в структуре традиции главная роль отводится метафизике как цар-

ству чистого мышления и вечной справедливости, которое настойчиво противопоставляется в традиционализме современной западноевропейской рациональности. Ratio и исторически и логически начинается с разрыва и противопоставления собственного содержания миру «вечности». Само понятие рационального — ratio — этимологически означает обоснование как таковое, и это исходное значение данного понятия еще не позволяет выделить какой-то один особенный способ обоснования и противопоставить его всем остальным. Однако в европейской философии Нового времени «мышление, называемое разумом, лишается всякого определения, освобождается от любого авторитета. Главное действие, оказанное ... философией, состояло в том, что она пробудила сознание абсолютно внутреннего характера разума, который, хотя и не может в силу своей абстрактности развиться из себя в нечто определенное, не может породить никаких определений, никакого познания или моральных законов, все же решительно отказывается допускать и признавать в себе что-либо носящее характер внешнего. Принцип независимости разума, его абсолютной самостоятельности в себе должен отныне рассматриваться как всеобщий принцип философии и как одно из основных убеждений

нашего времени».[12] Нет необходимости добавлять, что этот всеобщий принцип и это убеждение находят отражение и в области частных наук.

На основе противопоставления внутреннего и внешнего разум, понятый как способ обоснования, опирающийся на собственное внутренне содержание, в свою очередь противопоставляется некоему гипотетическому способу обоснования, опирающемуся на внешнее содержание. Этой гипотезе как нельзя лучше подходит понятие схоластической метафизики, конституируемое, таким образом, тогда, когда конституируется и сама западноевропейская рациональность. Действительно, внутреннее может оказаться таковым только в том случае, если есть нечто внешнее, и поэтому образ оторванной от живого опыта метафизики оказывается совершенно неизбежным горизонтом, внутри которого разворачивается ноэма западноевропейского ratio. Метафизике вменяется скорее слепое следование внешним нормам, чем знание, полученное как результат открытия внутренних связей между вещами.

Дело в том, что на момент появления книги Матжиои в западноевропейской культуре господствовало

---

[12] *Гегель Г. Ф. В.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975. С. 183.

негативное отношение к метафизике, которое находило свое выражение в различных философских концепциях. Так, например, позитивистская философия отталкивается от представления о трех стадиях, которые человеческий разум проходит на протяжении столетий, — о «теологической», «метафизической» и «позитивной» стадиях. В рамках первой стадии природные явления объясняются вмешательством сверхъестественных сил; на второй стадии они связываются с силами естественными, а не трансцендентными, то есть с силами, свойственными самим вещам; наконец, для третьей стадии характерен отказ от поиска «причин», вместо которых теперь речь идет о «законах», то есть о постоянных связях между явлениями. Эта последняя стадия совпадает по времени с началом развития современной науки; все то, что связано с двумя другими стадиями, является не более чем нагромождением различного рода ошибок.

Согласно позитивистской философии, на каждой стадии различные элементы объяснения соответствующего типа координировались друг с другом постепенно, и лишь в последнюю очередь возникала самая общая концепция, которая включала бы в себя уже все, то есть все те элементы, которые ранее существовали разрозненно: поэтому, например, на «теологической

стадии» различные сверхъестественные силы, первоначально воспринимаемые как независимые одна от другой, затем включаются в определенную иерархию, которая в свою очередь постепенно преобразуется в общую идею Бога. Эти три фазы «теологической стадии» названы основателем позитивизма, О. Контом, «фетишизмом», «политеизмом» и «монотеизмом». Также и на так называемой «метафизической стадии» понятия первоначальных естественных сил все в большей и большей степени растворяются в одной-единственной силе, именуемой «Природа». В любом случае типы объяснения, характерные для двух первых «донаучных» стадий человеческой истории, приводят к так называемым «неверифицирумым» высказываниям, то есть к высказываниям, которые не могут соотносится ни с каким опытом, будь это опыт, доступный человеку в действительности, или же только некий гипотетически возможный опыт.

«Метафизика», таким образом, относится к преднаучному прошлому человечества, а «метафизические» высказывания с точки зрения научной рациональности лишены смысла. Однако для успешного завершения всеобщего перехода людей на «научную» стадию их существования «метафизика» представляет даже бóльшую опасность, чем религия и миф, по-

скольку «метафизические» высказывания отличаются от «теологических» в первую очередь своим внешним подобием научным суждениям и умозаключениям. Различие можно установить только при помощи специальной процедуры верификации, и поэтому «метафизика» в общественном мнении легко может подменить собой истинную науку.

Другую, не менее простую и схематичную форму отрицания метафизики можно обнаружить в философии марксизма. Здесь под метафизикой понимается, как правило, «противоположный диалектике философский метод, отрицающий качественное саморазвитие бытия через противоречия, тяготеющий к построению однозначной, статичной и умозрительной картины мира».[13] Здесь борьба с метафизикой направлена в первую очередь против распространения последней в области естествознания, а, следовательно, против тех форм домарксистского материализма, которых в своем мировоззрении придерживалось большинство естествоиспытателей. «До конца прошлого столетия и даже до 1830 г. естествоиспытатели более или менее обходились при помощи старой метафи-

---

[13] *Доброхотов А. Л.* Метафизика // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 362.

зики, ибо действительная наука не выходила еще за пределы механики, земной и космической. Однако ... теперь все это обстоит иначе. Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории, представляющие собой как бы низшую математику логики, ее применение в условиях домашнего обихода... Несмотря на это, естествоиспытатели в своей массе все еще крепко придерживаются старых метафизических категорий и оказываются беспомощными, когда требуется рационально объяснить и привести между собою в связь эти новейшие факты, которые, так сказать, удостоверяют диалектику в природе».[14] В марксизме диалектика представляет собой тот способ мышления, который необходимо связан с науками о природе, поскольку сама природа «подчиняется» диалектическим законам. Метафизика же неизбежно устаревает с развитием естествознания в той мере, в какой последнее уже не может ограничиваться поверхностью вещей, и устремляется в познании природы «от сущности первого порядка» к глубинам и тайнам мироздания. Легко заметить, что в этой пер-

[14] *Энгельс Ф.* Диалектика природы, М., 1952. С. 160.

спективе «донаучное» существование метафизики не представляет собой особого интереса.

Специфически марксистское отрицание метафизики было основано на гегелевской диалектике. Для Гегеля метафизика представляет собой «наивный образ мышления, который, не сознавая еще противоположности мышления в себе самому себе, содержит веру, что посредством размышления познается истина и что она обнаруживает перед сознанием то, что объекты суть поистине. В этой вере мышление приступает прямо к предметам, репродуцирует из себя содержание ощущений и созерцаний как содержание мысли и удовлетворяется этим содержанием, видя в нем истину. Все начальные ступени философии, все науки и даже повседневная деятельность и движение сознания живут в этой вере».[15] Этот исторически первый тип отношения мысли к объективности у Гегеля, с одной стороны, совпадает по своему предмету с логикой, так как последняя только тогда оказывается действительной логикой, когда ее определения мысли совпадают с определениями самих вещей.[16] С другой

---

[15] *Гегель Г. Ф. В.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. С. 133.

[16] Там же. С. 120—121.

стороны, метафизическая философия является чем-то вроде проекции собственно метафизики на ту ступеньку самодвижения абсолютной идеи, где располагается в гегелевской системе сама философия. Поэтому вместе с метафизической философией существует также и метафизика как форма рассудочного мышления, и именно эта последняя чаще всего и оказывается объектом критики со стороны Гегеля.

Несколько позже на почве западноевропейской культуры, вероятно, из тех же самых корней, вырастает еще один весьма характерный способ отрицания метафизики. М. Хайдеггер рассматривает метафизику так же, как определенный способ мышления, но сам этот способ совсем не является противоположным диалектике, или научному мышлению. Более того, эти два последних способа мышления являются, согласно М. Хайдеггеру, не более чем модификациями метафизики, и вся их специфичность имплицитно предопределена метафизическим способом мышления о сущем. Вообще почти весь интеллектуальный арсенал современного европейца порожден экспликациями метафизического способа мысли, и поэтому определить, что же представляет собой метафизика, пользуясь результатами этих экспликаций, практически невозможно. Но мы можем «застать» метафизическое

мышление в тот момент, когда оно осуществляется, и попытаться описать существенные черты этого способа мысли. «Название метафизика идет от греческого μετα τα φύσικα. Этот удивительный титул был позднее истолкован как обозначение такого исследования, которое выходит μετα — trans — «за» сущее как таковое. Метафизика — это вопрошание сверх сущего, за его пределы, так, что мы получаем после этого сущее для понимания как таковое в целом. В вопросе о Ничто такой выход за сущее в целом имеет место. Тем самым наш вопрос оказывается «метафизическим». Вопросам подобного рода мы дали в самом начале двоякую характеристику: каждый метафизический вопрос охватывает, во-первых, все целое метафизики. В каждый метафизический вопрос, кроме того, всякий раз включается также и вопрошающее человеческое бытие».[17]

С другой стороны, такой способ мышления о сущем является ограниченным, поскольку является именно мышлением о сущем, а не о бытии. Метафизика и есть «забвение бытия», то есть тот способ мышления, при котором мысль всегда остается при сущем и не обращается к бытию. Но было бы ошибкой представлять

---

[17] *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 24.

мышление о сущем и мышление о бытии как противоположные друг другу способы мысли. «Мысль, думающая об истине бытия, конечно, уже не довольствуется больше метафизикой; но она мыслит также и не против метафизики».[18]

Следует обратить внимание на то, в чем все рассмотренные выше способы отрицания метафизики сходны между собой. Первое сходство обнаруживается сравнительно легко в стремлении провести границу между метафизикой и подлинной наукой, то есть наукой, какой она должна быть. В конечном счете, метафизика должна быть отделена и от философии, если последняя может серьезно рассчитывать на реализацию своих собственных проектов. Можно, не соглашаясь ни с одним из современных представлений о сущности и природе метафизики, тем не менее, согласиться с этими негативными определениями, придав им совершенно иное значение. Тем не менее, проводя демаркационную линию между метафизикой как царством чистой мысли и современной наукой и философией, которые искажены вмешательством социальных и национальных интересов и слишком прочной связью с практикой, Матжиои уверенно переходит на

[18] *Хайдеггер М.* Введение к «Что такое метафизика?» С. 26.

сторону метафизики. Между метафизикой и традицией ставится знак равенства. Создается образ метафизики как царства чистой мысли как единственного источника достоверности. «Человек Запада стремится быть понятным; человек Востока стремится к истине; и в теогонии, и в метафизике и в любой трансцендентальной науке эти два стремления исключают друг друга».[19]

Есть один характерный признак этого образа метафизики как царства чистой мысли, который будет постоянно подчеркиваться в традиционализме и который уже отчетливо осознает Матжиои. Чистая метафизика неизбежно исключает всякую систематизацию, поскольку любая система не может не являться закрытой и ограниченной концепцией, полностью содержащейся внутри более или менее строго определенных границ, и в этом своем качестве она совершенно несовместима с универсальностью традиции. Кроме того, каждая система неизбежно возводится на каких-то специальных и относительных по своему характеру предпосылках и поэтому в действительности является не чем иным, как определенным развитием некоторой гипотезы, в то время как метафизика, об-

[19] Данное издание, с. 78.

ладающая характером абсолютной определенности, не допускает ничего гипотетического. Это не значит, что какая-то система не может содержать в себе определенный элемент, который является истинным в отношении того или иного частного положения; но совершенно неправомерно утверждать то же самое в отношении системы в целом, и ложь свойственна именно самой систематической форме любой рассматриваемой в целом концепции. Здесь можно обратиться за поддержкой к Лейбницу, к его известному высказыванию, что «каждая система истинна в том, что она утверждает, и ложна в том, что она отрицает», и это на самом деле означает, что система ложна настолько, насколько узко и строго она ограничена, или, иными словами, насколько она является системой, так как любая концепция такого рода скрытым образом ведет к отрицанию всего того, что лежит за ее пределами. Что же касается утверждения о том, что всякая система истинна в том, что она утверждает, то оно просто означает, что некоторая система истинна в той степени, в какой она оставляет открытой возможность развить при случае те элементы своего содержания, которые не столь строго определены, как система в целом. На самом деле это вполне очевидное и допустимое условие, которое на практике почти всегда выполняется в исто-

рии философии, хотя оно и предполагает отрицание системы как таковой. С другой стороны, метафизика, область применения которой находится за пределами вещей относительного характера, за пределами всего индивидуального, именно по этой причине избегает любой систематизации, и по той же самой причине она не может быть выражена никакими логическими или лингвистическими формулами.

Именно в этом смысле название книги Матжиои «Метафизический путь» указывает не на систематическое постижение мудрости Востока, а на раскрытие тех человеческих способностей, которые в актуальном состоянии человечества пока еще оставались нереализованными.

В. Ю. Быстров

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Это ни в коей мере не предисловие, в котором я, будучи готов к словопрениям, представляю восточную Традицию на суд западной критике; ибо, в том, что касается духовных вопросов, было бы более правильным, логичным и нормальным представить Запад на суд Востока в том случае, если последний на это бы согласился.

Еще менее я желал бы противопоставить две доктрины, или, лучше сказать, два различных воззрения человечества на одну доктрину. — Я просто полагал, что в эпоху, когда вновь пытаются подняться к истокам человеческих наук с целью найти там еще не оскверненную истину, я полагал, что было бы неплохо изобразить извечный и традиционный исток всякого знания, изначальный поток, в котором берет свое начало все человечество; я приобрел этот исток там, где его до-

вольно трудно получить: прежде всего потому, что вынужденное пребывание на Дальнем Востоке совершается сегодня чаще ради того, чтобы рубить там головы, а не разгадывать и постигать тексты; затем потому, что идеографическое письмо, в котором укрывается Традиция, непонятно или почти непонятно белой расе; и наконец потому что, если я могу правильно подсчитать, есть только пять европейцев, и один из них только что умер, которые приобрели как материальную возможность прочесть эти тексты, так и интеллектуальную возможность понять основы прочитанного. Мне пришлось разделить этот труд на три части: одна — которую я и представляю на суд читателей — связывает под заглавием «Метафизический путь» принципы Традиции и ее философское и космогоническое выражение; вторая под заглавием «Рациональный путь» будет связывать систематизацию Традиции с даосизмом, или «Путем и добродетелью Разума» Лао-цзы; — третья под заглавием «Социальный путь» свяжет адаптацию Традиции с политической и коммунистической философией Кун-цзы (называемого христианскими миссионерами Конфуцием). Эта весьма сложная задача, с которой я справляюсь, если и не успешно, то по крайней мере добросовестно, несомненно, не принесет плодов, приятных вкусам европейцев.

И тем не менее я должен признаться, что с целью скорее практической, чем, заслуживающей похвалы, непосредственно понять священные тексты желтой античности я часто использовал западную фразеологию и опирался скорее не на доказательства, адекватные этим текстам, а на рассуждения, соответствующие уму читателей, опирался всякий раз, когда и те и другие приводили к тождественному выводу. Я признал за собой право так поступать, потому что учение о «Метафизическом пути» было бы непонятно без комментариев; и я, следовательно, сразу же адаптировал к западной ментальности те комментарии, которые я делал, вместо того чтобы утруждать себя переводом, всегда утомительным, на западные языки тех теорий на языке желтой расы, которые мне лично было бы легко изложить.

Я не буду этого делать в «Рациональном пути», и тем более в «Социальном пути»; так как нет рассуждений, которые следовало бы добавить к учениям Лао-цзы и Кун-цзы, есть лишь несколько разъяснений. Помимо моего природного вкуса к такому строгому разделению меня приводят наблюдения над совершенно комичным результатом, достигнутым теми недавними псевдопереводчиками, которые верили, что смогли приукрасить и усовершенствовать «Книгу

Пути», и которых за то, что они это сделали, не прощает даже то, что они являются вполне респектабельными учеными. И если после изнурительного прочтения или простого отклонения этих трудных, но чудесных учений мне откажут в достоинствах изящности, занимательности и любезности, то по крайней мере я буду вправе засвидетельствовать, что я не переставал быть почтительным истолкователем традиции и одним из аккуратных и благоговейных сыновей тех учителей, которые меня ей обучали.

Это свидетельство освобождает мою совесть. Именно это меня всегда заботило и продолжает заботить. Ибо успех такой незначительной случайности, какой является локальное изложение доктрины, не имеет значения для глагола, знающего, что он вечен.

Матжиои

Примечание издателя. Третья книга, заявленная автором, «Социальный путь», никогда не была опубликована, и мы даже не знаем, была ли она написана.

I. ПРИМОРДИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

Современные религии желтых народов образованы скоплением разнородных элементов. В них следует видеть лишь мешанину, порожденную общим действием трех очагов: примитивной религии, даосизма и конфуцианства. Эти три движущие силы, веками соединяемые в той или иной мере случайно, образуют собой традиционную религию империи: этим трем движущим силам соответствуют три литургии, формирующие совокупность официальных и народных церемоний.

Путешественники, миссионеры, все, кто не принадлежит к желтой расе, кто оценивает традиционный китайский статус по этой внешней стороне, принимают видимость за реальность; впрочем, если бы они, будь у них на то время и желание, попытались проникнуть вглубь, они были бы остановлены хранителями При-

мордиальной Традиции, которая не распространяется среди народов Китая и которая в еще большей степени скрывается от далеких варваров.

Легко недооценить того, кто желает оставаться неизвестным. Именно это и происходило с белыми учеными Запада в отношении желтых мудрецов Востока, и происходило с еще большей безнаказанностью, поскольку не было никого, кто мог бы им ответить; то, мимо чего можно пройти, игнорируют: именно так весьма почитаемая западная традиция с целью дойти до начала времен взобралась на Лестницу Иакова и за неимением лучшего ухватилась за тот иудаизм, который является лишь кровавой пародией древних индуистских культов, и за ту мозаику, которую представляет собой египетская адаптация, смытая в Красном море.

Мы знаем сегодня и о лучших и более благородных истоках; и если бы колониальные завоевания Европы не имели таких последствий, они тем не менее были бы достойны благодарности человеческого разума, которому они раскрыли, разумеется, ненамеренно традиции, тщательно укрываемые за Великой Стеной, под защитой самых закрытых и самых противоречивых для нашей ментальности цивилизаций.

Здесь я должен попытаться открыть западному двадцатому столетию это сокровище, скрываемое уже

пять тысячелетий и неведомое даже для некоторых его хранителей. Но вначале я хочу установить главные признаки этой традиции, благодаря которым она и является первой и, следовательно, истинной Традицией, и главным образом определить посредством тех доступных человеку осязаемых доказательств, которые оставили нам ее авторы, каким образом памятники этой традиции восходят к той эпохе, когда в лесах, покрывавших тогда Европу и даже запад Азии, волки и медведи почти не отличались от людей, облаченных, как и они, в шкуры и пожиравших грубую плоть.

Когда Фу-си, этот загадочный император, записал за три тысячи семьсот лет до Иисуса Христа, то есть за две тысячи триста лет до Моисея, те метафизические и космогонические арканы, которые послужили основой для «И-цзин», он заявил, что получил свое учение из прошлого, и заявил, что это прошлое было весьма мудрым, весьма благоразумным, и его границы очень трудно точно определить.

И он сказал, что понимает, что однажды для будущих народов его эпоха будет также непонятной, и ее границы также будет трудно точно определить.

Он поэтому датирует свое творение не условно установленной эпохой и не именем правителя, славу которого время сотрет в памяти, но положением звезд

и солнца, которое он описал в деталях, и по которому, исключая возможную ошибку, астрономы будущего смогут установить хронологию. Таким образом, если еврейские патриархи в своих самых больших книгах и в своих путаных трудах предоставляют массу бесполезного для бенедиктинцев, то для того, чтобы узнать точную дату Фу-си и его «И-цзин», достаточно вручить подзорную трубу одному из бесчисленных учеников Камиля Фламмариона. Несомненно, Фу-си не опасался ни контроля со стороны потомства, ни опровержений. И мы настаиваем на этой удивительной предосторожности не только для того, чтобы показать, до какого совершенства в ту эпоху дошла наука астрономии, но и чтобы дать представление, одним штрихом, о том практическом, изобретательном, логическом и незамутненном разуме, каким уже обладали китайские маги пять тысяч лет тому назад, о разуме, который отличает их от всех реформаторов, которые, появившись на земле позже, жили лишь легендами, а писали только притчами.

Для половины миллиарда индивидов, населяющих Дальний Восток, какой бы ни была внешняя форма их верований, в том, что касается истоков вещей, не было божественной сущности, а в том, что касается отношений неба и земли и людей, не было, какую бы эпоху

мы ни брали, историческую или легендарную (а история Китая является подлинной уже пять тысяч лет), ни божественного откровения, ни вмешательства свыше. В книгах, в толкованиях, в традициях нет ничего «сверхъестественного»; эта идея еще не появилась; это слово еще не произнесено. Ни один патриарх не видел Господа, как Моисей; ни один человек не имел беседы с ангелами, как Магомет; ни один святой не достиг при жизни вечного совершенства, как Будда; ни один Бог не спустился на землю, как Мессия.

Если рассуждать, следуя строгой логике, с целью понять неоспоримую ясность китайской традиции, то необходимо установить следующее различие, выделив его крупными буквами: между тем, что она называет человеческим, и тем, что она объявляет только человеческими знаниями, исключающими любую божественную тайну и даже любой метафизический постулат.

Несмотря на одну весьма распространенную ошибку лингвистики, откровение является как раз противоположностью объяснения: получать что-то в откровении — это противоположность разоблачения, подобно тому как «покрывать» противоположно «раскрывать»; откровение — это облако, окутывающее истину, облако, формы которого обусловлены духовной эстетикой момента; это, грубо говоря, ложь, соответ-

ствующая чувствам и потребностям того часа, когда она формулируется, и обреченная в будущем быть опровергнутой, отрицаемой и замененной, по мере того как преобразуются чувства, ее породившие.

Есть ли в этом работа Бога? И, наоборот, нет ли необходимости отметить, что предположение об «откровениях», создаваемых богом, который разговаривает, который ходит и который живет, является следствием неосознанного антропоморфизма, бывшего и еще остающегося главным учителем теогонических концепций у большей части человеческого рода?

Но учителя дальневосточного мышления не нуждались в содействии неба, чтобы рассеивать заблуждения и создавать символы.

Их народам, довольствующимся истиной, которую они никогда не теряли, не требовалась мишура, чтобы ее скрывать; им не требовалось открытое проявление Бога, так как они были еще слишком близки к нему, чтобы о нем позабыть или уже утратить о нем знание. В неповрежденной Традиции и в словах тех, кто ее передавал, они ясно видели само небо и его творение; и удовлетворенные тем, что могут понять Отца, от которого они происходили, они не испытывали необходимости в том, чтобы божество появлялось перед их глазами в более или менее осязаемой форме, и им

не нужна была доктрина, созданная людьми и тем не менее переполненная тайнами, поражающими человеческий здравый смысл и переворачивающими человеческую логику. Именно потому, что среди желтых народов, которым мы обязаны первыми памятниками письменности и науки, примордиальная традиция смогла сохраниться, не нуждаясь ради своего триумфа в насилии бога или небесного вмешательства, именно поэтому мы обязаны признать ее наиболее подходящей для человеческого рода и, как следствие, неповрежденной и истинной.

Эта традиция, которая не раскрывается богом и не передается им в откровении, которая не превращается в догму или в декреты официальными представителями божества, не имеет никаких свойственных вещам признаков, которые априори были бы выше человеческой природы и, тем самым, выходили бы за границы обсуждения.

Установим далее практические следствия в повседневной жизни желтых народов, этого неоспоримого источника Примордиальной Традиции; и признаем, что даже за пределами удовлетворительной логики и ставшего возможным рационального изучения китайцы пользовались необычным счастьем, дарованным скромностью их первых мудрецов, которые были так-

же и их первыми императорами и которые, чтобы быть знаменитыми, чтобы все им подчинялись, не считали необходимым издавать свои декреты в пещерах предсказателей или спускать их с покрытых облаками гор. Счастливы на самом деле те народы, которые не были вынуждены вести постоянную борьбу между своим разумом и своим сердцем, которые всегда слышали голос неба и которые всегда могли обратиться к нему за помощью, которые находили в своей священной традиции средства для своего непосредственного процветания и грядущего счастья, которым никакая загадочная сила не внушала страха перед грозным и карающим верховным правителем и для которых мысль о смерти, естественной и неизбежной, не отравляла их земную жизнь муками неизвестности.

Действительно, эта Традиция, с которой любой представитель желтой расы, даже не понимая этого или не углубляясь в это, так же связан, как со своей семьей, со своей землей и со своей собственной кровью, потому что она в конечном счете и есть все интеллектуальное и духовное наследие предков, эта Традиция не обращается к божественному истоку (по крайней мере непосредственно свойственному этой расе); она игнорирует навязываемую ей теократическую доктрину;

она не образует религиозных догм. Непосредственное следствие: все религии, все литургии, в той или иной мере расцветающие на Дальнем Востоке, не имеют традиционного происхождения; они не причастны к абсолютному и неразрушимому характеру передаваемого наследия; они являются лишь «*свойствами*»: они не могут претендовать ни на то повиновение, которое оказывают наследуемым вещам как чему-то несомненному, ни на почтение, оказываемое этим наследуемым вещам как древним. Сама Традиция заставляет признать себя лишь благодаря своей ясности и всей могущественной силе своего прошлого. Каким же образом религии, более или менее чисто передающие эту традицию с целью более легкого ее освоения народом, осмелились бы обрести тот характер обязательной достоверности, которая ни в коей мере не навязывается самой Традицией?

«*Любите Религию: опасайтесь религий*». Эта максима, записанная на фронтонах храмов и в умах людей, является единственным советом, данным желтой расе; и этот совет не представляет собой приказа. Но он определяет со всей лаконичностью, которая равна только его ясности, каким образом Религия и есть Примордиальная Традиция, исключительно челове-

ческая, и каким образом Религии вместе с небесными вмешательствами являются наиболее легкими, но наименее точными средствами возвыситься до Религии.

И из этой столь логичной, столь простой, столь естественной или, лучше сказать, столь анти-сверхъестественной системы сразу же видны глубокие следствия, вытекающие для всей интеллектуальной, духовной и даже материальной жизни народов, достаточно разумных, чтобы ее придерживаться.

Религия не является обязанностью; так как с того момента, когда, применяемый для познания Сущности и Пути всех существ чисто человеческий разум первых мудрецов вывел из нее символы и ритуалы, невозможно заставить людей в них поверить и их практиковать: что получено из одного человеческого мозга, априори не является обязательным для другого человеческого мозга. Наиболее почитаемые учителя стремились осветить традиционные догмы самым ярким и окончательным образом; но тот, кто не понимает, ничем не ограничен; но тот, у кого нет времени понять, ничего и никому не обязан. И так же, как и самые мудрые и самые прилежные эрудиты, он тоже вовлечен в общий ход перемен, которого он не может, к счастью, избежать, поскольку он существует.

В Религии нет наказаний; так как только от имени Бога, более или менее логично упоминаемого, люди могут угрожать себе подобным наказаниями или репрессиями, если им не верят во всем том, что они говорят, какими бы маловразумительными они ни были; и для того чтобы эти угрозы возымели действие, необходимо, чтобы эти люди объявляли себя и считались эхом отсутствующего и строгого Бога. Никто здесь, следовательно, не ограничивается: каждый обязан только достичь просветления, следуя своим наклонностям и своим средствам, и, каким бы ни был результат предпринимаемого таким образом интеллектуального труда, никакое наказание, ни в земной жизни, ни в других, не возлагается на тех, кто не последует в своем сердце за традиционными учениями.

В Религии нет однообразия. В полной мере допустимо, лишь бы не нарушался закон, открыто практиковать даосизм, буддизм, конфуцианство или какой-то иной внешний культ; позволено их менять; позволено не принадлежать ни одному: никто не подвержен анафеме.

Небо, созидающее с целью перемен универсальность существ; задерживать эти перемены (допуская, что это возможно) — значит отвергать или осуждать необходимую часть этой универсальности.

В ней нет, следовательно, ни религии Государства, ни культа Государства, ни чиновников-священнослужителей: государство не защищает и не запрещает ни один культ; прозелитизма не существует. Изучение Религий происходит по воле добровольных слушателей, у бесплатных учителей; все культы существуют рядом друг с другом, под безразличным взором Государства, при том единственном условии, что они существуют в области сознания, что они не ссорят своих приверженцев и что благодаря амбициям и непоседливости их приверженцев они не возбуждают в Империи ни волнений, ни мятежей против закона. Нет преследований: меры, принимаемые в ходе истории против таких новых культов, были возражениями, а не нападениями.

Нет оплачиваемого культа: каждая секта или каждое верование поддерживает свои храмы и своих священников, в зависимости от числа и щедрости приверженцев: никто не беспокоится о том, что происходит внутри этих зданий — в которых вообще ничего не происходит, — религии являются прежде всего метафизическими, а литургии не принадлежат в исключительном порядке ни одной из них. И если Государство устанавливает место и время конфуцианских чество-

ваний в поминальных пагодах, то дело в том, что церемонии, устанавливаемые в честь Конфуция, всегда были не религией, но гражданским Ритуалом.

Религия, по крайней мере в том, что касается тех проявлений, которые называют религиями, и главным образом в том, что касается внешнего культа, не является также и семейным делом; рождение, брак, смерть ни в коей мере не являются делом религии, потому что все это — дело природы; и именно глава семьи является единственным жрецом. Между пагодой бонзы и семейным очагом поднимается во всей своей законной высоте суверенная власть отца и вместе со всем его древним могуществом семейный культ Предков, образ извечной и общей для человечества Традиции. Следовательно, Религия — это дело личного сознания и индивидуальной свободы; принципы метафизики и традиционной философии передаются в семьях теми просвещенными, которые являются их частью. Из-за стены, которая закрывает отцовскую ограду, ничто не проникает наружу; и ни у кого не нашлось бы смелости, впрочем, бесполезной, преодолеть тот духовный барьер, который таким образом защищает независимость и достоинство граждан.

Литургии не требуют никакого внешнего признака. Ритуалы, определяемые рядом законов и правил,

образуют часть политических принципов империи: и религиозная практика сводится таким образом к чему-то не имеющему значения, теории, среди наблюдателей внешних культов, являются лишь объектом учтивых и приятных дискуссий, где ни в одном взоре не вспыхивает гнев и не разгорается никакое пламя.

Что касается нравственного поведения народов, которое, кажется, является непосредственной земной целью религий, то близкий к природе философ Конфуций берет ответственность за него на себя, без всякого божественного вмешательства; и известно, каким наставительным тоном этот сладкоголосый мудрец обучал своих учеников и как он завоевал дух своего народа, чего никогда не смогли сделать пророки Иудеи и Ислама, являвшиеся среди резни и проклятий.

∴

Итак, первый из людей, Фу-си, *кристаллизировал* Примордиальную Традицию,[1] Лао-цзы воплотил ее в доктрину, Конфуций вывел из нее учение о нрав-

[1] Теперь важно сказать, что Фу-си не был ни человеком, ни мифом, но был обозначением интеллектуальной функции, чем был, между прочим, и Гермес.

ственности. Можно ли утверждать, что одно из этих наследий или их сплав сформировал Религию в том смысле, какой человек Запада дает этому слову? Это невозможно; ничего более противоречащего истине и быть не может. И тем не менее у желтых народов нет ничего другого, что связывало бы человека и Бога; и нет в мире такой страны, где вера в Высшее Существо была бы более универсальной и казалась бы более рациональной, чем в странах желтой расы. — Откуда берется это очевидное противоречие? Оно исходит из самой сущности Традиции. Нет необходимости в религии, чтобы связать человека с Небом,[2] достаточно традиции: она является метафизическим звеном, через которое Человечество всегда связано с Сущностью; ничто это звено не разорвало; ничто его не ослабило; и так будет во все времена. Никогда Человечество не перестанет рождаться: и, если оно перестанет рождаться, оно как раз и станет тогда тем, Кто его породит. Вот краеугольный камень Традиции. Защищаемые самыми лучшими законами и самой спокойной историей желтые расы никогда не теряли из виду этот крае-

---

[2] Слово «Небо» — это перевод метафизического иероглифа «Тянь», которым идеографическая письменность изображает ту общую идею, которую Запад называет Богом.

угольный камень; небесное вмешательство их ничему бы не научило: и именно поэтому это вмешательство и не происходило, и ни один мудрец, ни один император не считали полезным его изображать. Поэтому вера в Небо является универсальной, естественной и логичной. Для китайца верить в Бога — значит верить в самого себя. При таких условиях нет атеистов.

В повседневной практике следствие заключается в том, что если Высшее Существо заинтересовано в переменах творений и, в частности, Человечества, то оно весьма безразлично к тому, как Человечество к нему относится. Теперь нет ни жертвоприношений, ни страха, ни подаяний и даров, совершаемых во имя этого страха: Повелитель Неба венчает это творение, вышедшее из него, ожидая, что оно усовершенствуется настолько, что к нему возвратится. Тот, кто является тем источником, из которого рождается река, и морем, в которое она втекает и в котором исчезает, не может быть врагом тех течений, что его образуют, ни на одно мгновение. И таким образом, не отвергая несовершенства, которое является неизбежным сопровождением разделения, человек желтой расы находит в себе самом, в своем разуме и в своих представлениях идею достоинства, которая возвышает его как небесного преемника и которая нисколько не похожа на то гре-

хопадение, на которое религии откровения обрекают человеческое существо.

Не является ли для желтых рас отсутствие религиозного идеала в мотивах их действий причиной вековой стагнации, в которой их цивилизация застывает? Никто об этом ничего не может сказать. Но это отсутствие религиозности, устраняющее мощный фермент раздора, избавило от множества потрясений в их истории. И это отсутствие сентиментализма, сообщающее им практическое равнодушие к потустороннему и обращающее их взоры и их желания к питающей их отеческой земле, сделало их более непосредственными и более счастливыми.

В любом случае следует всегда хранить в памяти в тот момент, когда изучаешь и когда проникаешь в Примордиальную Традицию, следующие две формулы, являющиеся основанием всей дальневосточной науки: падение человека не является необходимым элементом величия неба; страдание человека не является необходимым элементом его развития.

II. ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ПОЗНАНИЯ

Не только в силу хронологического довода мы вынуждены искать у народов желтой расы самый древний памятник познания; благодаря психологическим и логическим доводам мы также должны с большой степенью точности констатировать у них памятник такого познания.

Поскольку народы желтой расы были исключительно традиционными, то сущность их философии должна корениться в самых давних книгах: написанные в далекие времена, когда потребности человека были самыми малыми, и когда пыл его желаний не мог, намеренно или бессознательно, затмить собой истину, эти книги должны были быть источником всех более поздних учений. Детское благочестие китайцев основывалось, следовательно, на убеждении, что все то, что может интересовать человека, потенциаль-

но содержалось в первых книгах, и что все ответы на все вопросы потенциально были в них включены: решения и разъяснения, необходимые для новых наук, должны были в зародыше обнаруживаться в древних законах, и должны были разворачиваться в направлении, аналогичном решениям, которые они давали наукам той эпохи, в какую эти книги были составлены. Убеждение в таком синтезе, настолько мощном, что он включал в себя в свернутом виде все мыслимые усилия человеческого духа, послужило основанием достоверности всей азиатской философии и развило разум народов желтой расы, опирающийся на аналогию и дедукцию.

Такой склад ума, поклоняющегося учреждениям и доктринам прошлого, — до такой степени, что им подчиняются действия в настоящем и рассуждения о будущем, — также является способом почитания, даже на своем клочке земли, общего Предка, от которого происходит народ. Оно должно иметь двойной результат: прежде всего сохранить через все вековые перемены книги самой глубокой древности во всей их целости и в совершенной точности; затем воспрепятствовать разделению умов, антагонизму систем и создать в рамках единого направления учения единственную школу, опирающуюся на одного и того же автора, применяю-

щую к одной и той же цели, одними и теми же средствами, все изобретательное упорство народа. Такой двойной результат был достигнут; мы увидим, какие последствия он должен был иметь для интеллектуальной, политической и исторической жизни народа.

Первая книга Китая — которая также является и первой книгой в мире — восходит к императору Фу-си, первому из правителей исторического цикла желтых народов. Его существование, какими бы легендами, добавленными наивным народным почитанием, оно ни окружалось, никем не оспаривалось и не оспаривается. Он царствовал в той стране, что сегодня называют Китаем, начиная с 3468 года до христианской эры. Эта хронология, должны мы сказать, основывается не на современных, в той или иной мере фантастических, расчетах, но на точном описании состояния неба в ту эпоху, когда царствовал Фу-си.[3]

Скажем затем, что не следует приписывать лично Фу-си доктрины, вошедшие позже в историю под его именем. Фу-си, как и все правители далеких эпох, был мудрецом, магом, главой школы; именно поэтому

---

[3] Китайцы в этом имеют много общего с индийцами, египтянами и всеми народами, которые, как хранители Традиции, желают сохранить ее серьезную хронологию.

он и был избран в качестве правителя своего народа (Китай на самом деле имел наследственные династии лишь начиная с 2199 года до н. э.). У Фу-си были друзья, ученики, министры. Все они создавали к доктринам Фу-си комментарии, давали им интерпретации, в которых императорские гексаграммы, между прочим, нуждались; и весь этот багаж, переплавленный и перемешанный, стал «Учением Фу-си»: «Фу-си» — это социальный разум метафизической школы на протяжении нескольких веков человеческого мышления.

Творение Фу-си состояло из трех трактатов, два из которых были потеряны; современные сочинения упоминают лишь их названия; это были «Ляньшань» (цепи гор), то есть «Книга Неизменных Принципов», над которыми ничто не может преобладать; «Гуйцан» (возвращение), то есть «Книга, в которой должны быть приведены все вопросы», с целью найти их решение.

Третий трактат, который и «является первым памятником человеческого познания», носит заглавие «И-цзин» («Перемены в круговороте»). Это заглавие напоминает, что все видимые модальности творца в творении были изучены в шестидесяти четырех символах (гексаграммах), образующих круг, и последняя из них внутренне связана с первой (здесь можно отметить, что народы желтой расы часто используют ри-

сунок вместо слова, чтобы оставить за определенной идеей всю ее синтетическую полноту).

Уточним далее, что нет сомнений, что были и письменные памятники, предшествующие тем трактатам, из числа которых «И-цзин» является третьим. Эти памятники были написаны, или нарисованы, или высечены, на «Крыше Мира», единственной колыбели человечества, с помощью знаков, которые все человечество понимало еще до того, как оно разделилось в разнообразных миграционных потоках, и до того, как оно утратило знание о своей целостности. То, чем является эта уникальная письменность, можно будет узнать лишь с помощью приблизительных оценок; палеограф не сможет восстановить письменность по одной прямой черте подобно тому, как Кювье восстановил мамонта по одной ноге. Но именно из этой уникальной письменности проистекают в соответствующие эпохи и посредством параллельных искажений китайские иерограммы и халдейские (или шумеро-аккадские) иероглифы. Возможно все же определить влияния, целиком физические, которые направляли эти искажения.

На этом Памире, который был нашей общей колыбелью, царил один и тот же язык, одно и то же графическое начертание, полностью утраченное. Однажды

либо катаклизм привел на эти высоты воцарившийся там холод, либо сила любопытства заставила человеческий род преодолеть головокружительный страх перед неизвестностью равнин, но настал день, когда люди потоками, зарождавшимися на первоначальных плоскогорьях, спустились вниз. На Юг, через Джангбо и Синд, спускалась будущая красная раса, на Запад, через Сир и Аму, спускалась будущая белая раса, на Восток, через Хуанхэ и Янцзы, спускалась будущая желтая раса. Все они, не оглядываясь назад, покинули гору предков, бывшую пупом земли. В их рядах старики и мудрецы несли Мудрость и Традицию.

Так, на плодородных речных берегах, под благосклонным теплым солнцем Дальнего Востока, народы желтой расы, постепенно приспосабливавшиеся, нашли бак-чи (кэй гио, фаон-мок), волокна, из которых они получали тонкую гибкую бумагу и кисти нежнее шелка, чудесные инструменты в их ловких пальцах художников. Благодаря этим тонким средствам выражения первоначальные линии приобрели форму рисунков, украшенных, посредством легкости кисти и ловкости руки, полнотой и легкостью объемов.

Так, на извилистых пространствах к западу от Тяньшаня, под ненасытным солнцем Месопотамии, люди обнаружили на поверхности почвы гранит, ди-

орит, мрамор, блестящие и твердые камни, которые, сваленные насыпью, установили на почти нерушимых основаниях памятники халдейского могущества и науки. Тогда, держа в руках молоток, народы этого Востока вырезали с помощью стальных резцов первоначальные знаки, которые, появляясь на поверхности мрамора, рассыпались острыми треугольниками и растягивались несгибаемыми линиями.

Вскоре эти различия, вызванные вначале только графическими затруднениями, встречающимися в природе, обрели сущность иероглифов и образовали посредством последовательных искажений знаков по мере расхождения цивилизаций несхожие виды письменности. Но, несмотря ни на что, существенный признак изображений остался тем же самым; дух синтеза восстанавливает первоначальный тип и обнаруживает под покрывалом самых различных явлений один и тот же иероглифический знак, светоносный и победный.

Итак, именно потому, что Фу-си знал, что иерограммы 35 века до эры Христа были лишь искажениями первоначальной письменности и были, следовательно, изображениями, неудовлетворительными для общих и абстрактных мыслей, он и использовал, чтобы зафиксировать Традицию единственным подходя-

щим способом, то есть синтетическим и универсальным, линейные символы Триграмм.

Письменность «И-цзин» двух видов: триграмма для самого текста Фу-си; иерограмма (изначальный знак или *Коту*) для комментариев и толкований Школы Фу-си.

Основа «И-цзин» состоит из шестидесяти четырех гексаграмм, или двойных триграмм; эти шестьдесят четыре типа происходят посредством вращения в обратном направлении двух концентрических кругов от восьми триграмм; эти триграммы происходят от четырех диграмм; а эти диграммы — от различных положений полной черты — и прерывистой черты ----.

Эти две черты являются наиболее простыми символическими изобразительными формами, которые когда-либо существовали. Откуда император Фу-си взял этот столь наивный символизм? Здесь, как и в другом случае, как для письменности, передающей мысль, так и для самой мысли, Фу-си обращался не к небесному вмешательству, не к невидимым силам, но к самой природе, которая его окружала и которая восхищала его народ. Со своей бесспорной логикой именно на уровне человека он взял посредника Традиции, который должен был просветить человечество и руководить им. Действительно, историческая книга

«Ритуалов Чжоу» говорит, что «прежде чем начертить триграммы, Фу-си посмотрел на небо, затем опустил глаза на землю, соблюдая условности, рассмотрел знаки на теле человека и на всех вещах внешнего мира». То есть две черты указывают на двойственное состояние или, лучше, на равенство двух состояний, общих для всякого творения. Необходимо сопоставить с этим символом прямой линии такой же символ круговой линии, известный всей восточной древности и обновленный даосистами, *инь-ян*, изображение двойного принципа, активного и пассивного, мужского и женского, светлого и темного, положительного и отрицательного и т. д., который, когда он разделяется на две своих части анализирующими его наблюдателями, порождает роковую ошибку Добра и Зла, но который, нерасторжимо единый в своей сущности (несмотря на видимость, которую материальное изображение вынуждено ему придавать), образует *Тайцзи* или Великий Предел, энергичный и абсолютный символ, высеченный на фронтоне всех Храмов, символ, который Лао-цзы поставил во главе всех восточных доктрин.

Непрерывная черта изображает активное начало; прерывная черта изображает пассивное начало; в этих чертах, рассматриваемых в качестве принципов, Фуси видел сущность и единство совершенства, аспек-

тами которого они являлись. Здесь еще более, чем в каком-либо ином месте мира, будем остерегаться смешивать саму вещь с ее поврежденной формой, в которой мы ее только и можем представить, а возможно, даже и понять: так как самые худшие метафизические заблуждения, самые худшие духовные катастрофы происходят от недостаточного понимания и ложной интерпретации символов. И будем всегда помнить о боге Янусе, который изображается с двумя лицами и который тем не менее имеет лишь одно, которое не является ни первым, ни вторым из тех, что мы можем видеть.

Такой является интерпретация символизма черт гексаграмм Фу-си; она прекрасно показывает, что «И-цзин» — это универсальная книга, а не трактат по астрономии, как утверждали японцы и изучавшие японский язык латиняне.[4]

---

[4] Хотя в какой-то степени таким же было и мнение г-на Филастра, воспользуемся случаем, чтобы порекомендовать сделанный им перевод «И-цзин», который является уникальным в силу имеющегося у автора знания китайских иероглифов и национального характера китайцев. Глубокая причина, принесшая г-ну Филастру огромную эрудицию, — это причина, разрушившая его дипломатическую карьеру (Анналы музея Гиме. Т. VIII и IX). См. часть IX. «Инструменты предсказания».

Иерограммы, образующие комментарии и истолкования Школы Фу-си (главными из которых являются «формулы» Вэнь вана), были написаны первоначальными знаками, называемыми *Коту*; эти знаки являлись источником тех «ключей», которые существуют и сегодня в идеографической письменности желтых народов. В письменных документах Дальнего Востока у нас уже нет самой письменности Школы Фу-си; и можно было бы поставить под сомнение ее значимость и ее формы, если бы эта письменность, которая не существовала занесенной кистью в манускриптах, не возвышалась подобно скале и, высеченная на скале, не сопротивлялась бы времени и переменам. Обсуждаемые иерограммы встречаются в знаменитой надписи Юя на горе Хэн-Чан и сохраняются в Сиане, первой столице китайской истории, городе, который остается не только самым эпическим воспоминанием китайской древности, но который еще и в настоящее время является священным убежищем, успешно укрывающим правителей современного Китая от воинственных покушений объединенной Европы.

Помимо своей скульптурной ценности эта надпись весьма интересна для нас, и мы не можем не привести ее текст, по меньшей мере частично. Она на самом деле является современной еврейскому потопу, и она

об этом и говорит. Она относится точно к 2276 г. до Рождества Иисуса Христа, то есть она на пять столетий предшествует самым древним египетским иероглифам.

«Помогите мне, мои советники, в управлении моими делами. На западе, за горами, большие и малые острова, заселенные равнины, жилища птиц и четвероногих, покрыты наводнением. Предупредите об этом, заставьте воды уйти и постройте плотины, чтобы помешать новому половодью». И далее: «Уже давно я полностью позабыл о своей семье, чтобы исправить зло наводнения; но сейчас я могу отдохнуть: смута в природе исчезла, большие потоки, пришедшие с Юга, ушли в море».

Уже давно известно, что библейский потоп был частичным наводнением и катастрофой средних масштабов; но каждый оценивает вещи по тому благу или злу, которые они производят, и император видел лишь провинциальное половодье там, где еврейский историк видел уничтожение природы и, как следствие, указующий перст своего Иеговы; несколько плотин должны были предотвратить аналогичное наводнение, и министр общественных работ заменяет здесь голубя с ковчега. Надпись Юя еще раз напоминает нам, что не следует принимать буквально напыщенные утвержде-

ния маленьких наций, и напоминает нам, что в 22 веке до Иисуса Христа не требовалось много воды, чтобы утопить еврейский народ и его властителей.[5]

Комментарии, сопровождающие гексаграммы Фуси, — которые сегодня полностью переписаны на современной идеографической письменности — включают в себя: формулы принца Вэнь Вана, основателя династии Чжоу (1154 года до рождества Иисуса Христа); формулы Чжоу-гуна (1122 года до рождества Иисуса Христа); «Десять взмахов крыла» Кун-цзы (Конфуция: около 500 лет до рождества Иисуса Христа); «традиционный комментарий» Чжэн-цзы (около 1150 лет до рождества Иисуса Христа); и «изначальный смысл» знаменитого Цу-хи (1182 года до рождества Иисуса Христа). Каждый из комментаторов объяснял текст Фу-си и Вэнь Ванна, предпочитая свет своего разума. И поскольку это текст синтетический и универсальный, мы увидим, как в нем друг за другом возникают метафизический, политический, магический, нравственный, социальный и предсказательный

---

[5] Надпись Юя содержит нечто иное: если суметь ее прочесть так, как это необходимо сделать, — последовательно, на трех уровнях. Мы вернемся к ней позже в специальной статье, где проанализируем, не обращаясь к замечаниям о библейском потопе, наставления императора Юя его советникам и ученикам, в трех мирах.

смысл, в зависимости от частных склонностей толкователей.

Одна лишь их спокойная отвага равна простоте их рассуждений. Напомним, что Фу-си и Вэнь Ван — особенно Фу-си — считались посредниками Вечного Слова, без необходимости воображать промежуточное божество между этим Словом и ними.

Именно поэтому «И-цзин», непосредственный анализ которой мы собираемся начать, открывается явным и осязаемым изучением Единства и Совершенства, то есть человеческим изучением неба. И мы повинуемся не любви к парадоксам, но любви к правдивости, размещая в самом начале этого изучения «Графические изображения Бога».

Не вызывает сомнений, что смысл формулы окутан мраком: этот мрак вызван главным образом привычкой китайцев к синтетическим рассуждениям и идеограмматическим характером их графики. Я цитирую здесь г-на Филастра: «Китайские буквы никогда не имеют абсолютно определенного и ограниченного значения; их смысл следует из положения во фразе, а также из их использования в той или иной книге и из принятой в данном случае интерпретации. Слово имеет ценность лишь в силу его традиционных значений». Здесь темнота текста и комментариев является чем-то

вроде застывшего желания сообщить одному и тому же ансамблю знаков подобные и одинаково вероятные значения, которые могли бы быть прочитаны и поняты таким же количеством способов, сколько существует уровней понимания, сколько имеется у человечества наук, и сколько существует миров в интеллектуальной вселенной. По этим особым знакам мы узнаем, что «И-цзин» является «Книгой», без эпитета, что она является одновременно и синтетической и абстрактной, логической и предсказательной, политической и метафизической, онтологической и нравственной, и что школы Китая не ошибались, обращаясь к ней за советом и цитируя ее в таком множестве аспектов.

Путь изучения китайской философии не прочерчен столь же ясно, как в случае с западной философией; и невозможно освободить китайскую мысль от определенной двусмысленности; наш разум видит в этом не столько умышленную двусмысленность, сколько некоторую проблему, признак неспособности к рассуждению. Нет ничего более неверного, чем такая точка зрения. Восточная наука отличается от нашей не только из-за расы и страны, но также и из-за эпохи. Не стоит надеяться обнаружить у потомков Фу-си и у современников Лао-цзы такие ясные и открытые утверждения, относительно которых мы испытываем

что-то вроде тщеславия, утверждения, которые, несомненно, являются точными, но которые в силу своей узости и строгости заключают в себе лишь самую малую часть истины; все эти бесконечно малые доли, утверждаемые рядом друг с другом и независимо друг от друга нашими аналитическими умами, скрывают от наших изнеженных и близоруких глаз истину в целом. Так же, с самыми худшими искажениями, воспроизводится лицо в зеркале, разбитом на тысячу осколков, разбросанных на различных плоскостях. Микроскопические дискуссии сделали нас неспособными ценить и понимать широкие синтезы. Я охотно сравню чувства человека Запада, перенесенного в Китай, с чувствами крестьянина с равнины, внезапно поднятой на вершину Монблана; эти чувства, непривычность глубин и далеких горизонтов, неведомая дрожь головокружения, помешали бы ему оценить великолепие пейзажа. Как раз аналогичное чувство беспокойства и охватывает нас перед китайскими системами и способами рассуждений, плохо предрасположенными для того, чтобы мы, за неимением привычки, смогли уловить в этом неизменном порядке, управляющем вселенной что-то иное, кроме сложной теории, в пространствах и глубинах которой наши едва ли проницательные умы теряют терпение, приходят в уныние

и впадают в заблуждение прежде, чем начинают что-либо понимать.

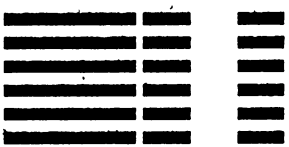
Тот, кто желает приобщиться к Примордиальной Традиции, которая предоставляет нам первый памятник познания, должен быть предупрежден; он будет чувствовать себя охваченным неясной и странной тревогой не только из-за универсальности синтеза, но также и из-за общего характера используемых терминов, вынужденного несоответствия интерпретаций и общей нехватки готовности, характерной для людей Запада, читать и описывать на аналитическом языке то, что имеет свой окончательный смысл и свою полноценность лишь в идеограммах. Тому, кто пожелает глубоко проникнуть в сокровенное содержание этой науки и этого мышления именно в оригинальных книгах, а не в схоластических резюме, и еще меньше в чужеродных адаптациях следует искать необходимой помощи и ясности. Именно в этом главная ошибка работ самых выдающихся синологов, таких как Станислав Жюльен, и многих других, которым долгое пребывание в Китае, в среде китайских ученых, дало бы, бесспорно, те решения, которых они тщетно ищут в неблагодарных трудах в Сорбонне или в Коллеж де Франс; как раз такое долгое пребывание позволило г-ну Филастру завершить его работы об «И-цзин»; и

именно пребывание на Дальнем Востоке позволило бы миссионерам, в том числе Пересу Хуку и Премару, дойти до глубины в понимании самых темных загадок, если бы римская религиозная идея, ради которой они только и трудились, не вела их разум по единственному пути и не вынуждала бы их сделать из своих трудов странные выводы, над которыми у них не было времени размышлять, если в их положении не было в этом крайней необходимости.

По этим причинам и при таких условиях невозможно объяснить «И-цзин» иначе, нежели обращаясь к философам желтой расы и к их рассуждениям. Необходимо также понять, каким способом требуется применять эту помощь. Не следует делать это тем способом, каким западные комментаторы посредством прямых формул и невозмутимых выводов выявили все значимые аспекты греческого гения, например, именно потому, что греческий гений, от которого происходит и гений латинских народов, прекрасно подходит для наших средств аргументации и интеллектуального препарирования. Но именно в силу той причины, что гений китайцев кажется нам, на первый взгляд, туманным и непонятным, китайский широкий синтез оказывается благодаря таким средствам не разделенным и разъясненным, но раздробленным и разрушенным, и перед

нами остается лишь израненное и раздавленное тело. Применение одной книги к разъяснению другой нельзя поэтому трактовать как абсолютное ни в отношении идеи, ни в отношении терминологии. Объяснять текст контекстом было бы здесь верхом наивности, а также ошибкой. Но, после того, как мы поняли основу учения одного философа — например Лао-цзы, — следует проникнуть в значение, сообщаемое им терминам Древнего Учения, а затем, расположившись перед непонятным текстом, во множественные интерпретации одного из первоначальных Царей ввести тот способ, каким Лао-цзы их понимал — таков единственный надежный способ объяснять одни восточные тексты посредством других и наделять их мысль множеством символов. Они кажутся разнородными; они только отличаются друг от друга. Но они все идут к одной-единственной истине, так же как морские волны, которые кажутся несхожими между собой по высоте, цвету и направлению, движутся тем не менее к одной и той же цели, под постоянным влиянием муссонов и приливов.

III. ГРАФИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ БОГА



Подобно ребенку, которого лучше всего научить плавать, неожиданно бросив его в воду, а не утомляя длительными уроками искусных ныряльщиков, нам лучше всего сразу же, рискуя потерпеть неудачу, приступить к священной метафизике желтой расы. После некоторого удивления и при необходимой внимательности любой размышляющий ум обнаружит свой путь.

Различие между западной и восточной концепцией Бога и происхождения Богов, а также между представлениями о Боге является извечным и абсолют-

ным. На Западе наши основанные на алфавите языки дают, что касается темы нашего исследования, имя из четырех букв — Dieu, — которое является настолько удивительно конкретным и точным, что границы его очевидны повсюду; и неудовлетворенные таким обозначением люди Запада иллюстрируют его образом бородатого старика, держащего в руках пучок молний, или фигурой треугольника, в середине которого находится глаз. Здесь то, что мы называем Богом, не имеет имени; он изображается иероглифом, называемым *Тянь* (который на разговорном языке мандаринов переводится: небо); этот иероглиф предполагает и включает в себя определенное количество особых свойств, характерных не для неба, а для того, что есть на небе или за небом. Таким образом, Бог желтых народов в том, что касается его названия, — это не частное имя, это общая идея. И тем не менее Фу-си, первый исторический маг Китая, считал, что эта «общая идея» была совершенно неудовлетворительной, неточной и порождающей ошибки; и он заменил иероглиф геометрическим рисунком, не имеющим в себе ничего особенного, настолько общим, насколько это возможно, рисунком, форма которого была подходящей для тех рассуждений, которые могли бы приблизить к такой идее, какую только можно представить; таким обра-

зом геометрический рисунок приобрел значение метафизической тайны.

Человек Запада стремится быть понятным; человек Востока стремится к истине; и в теогонии, и в метафизике и в любой трансцендентальной науке эти два стремления исключают друг друга. Мы можем постичь истину лишь в том случае, если она окружена, окутана заблуждениями. Наш долг в том, чтобы всегда отделять эти заблуждения, неосознаваемые и неизбежные, от истины, которую они за собой скрывают; следует также уменьшить их плотность и их количество, чтобы через эту становящуюся все более и более тонкой оболочку засияла наконец сама истина.

Как раз в таком состоянии духа маги желтой расы и создали графические изображения Бога. Эти изображения носят определяющее название «Совершенство». Перечисляются два совершенства (и, следовательно, два графических изображения Бога): совершенство активное и совершенство пассивное.[6]

---

[6] *Тянь* и *Кунь*. Эти два обобщенных термина используются для обозначения идеи Бога; мы продолжим пользоваться термином Совершенство. Но нас отталкивает насыщение трансцендентальной метафизики новой терминологией, напоминающей нам, что терминология является предметом дискуссий, ошибок и заблуждений; те, кто создают новые термины, думая, что тем самым

Но на самом деле есть лишь одно-единственное совершенство; избавим китайскую метафизику от упрека в дуализме, который в связи с этим выдвигают недостаточно осведомленные умы.

Есть лишь одно единственное совершенство, одна-единственная идея Бога, одна-единственная «изначальная причина всех вещей». Такое совершенство, называемое «активным», является порождающим и сохраняющим в себе любую активность; но само оно бездеятельно. Оно пребывает в самом себе, без какой-либо возможности проявления; оно, следовательно, непостижимо для человека, в настоящем состоянии человеческой природы.

Когда это совершенство проявляется, оно, не переставая быть самим собой, подвергается изменению, которое делает его постижимым для человеческого ума; не имеет значения, будет ли это проявление простым актом воли или настоящим действием; в силу самого факта, что совершенство действует, оно способно становиться доступным пониманию; и тогда оно называется пассивным совершенством (*Кунь*). Совершен-

---

облегчают понимание своих доводов, часто увлекаются новой терминологией до такой степени, что эта терминология, бесплодная и бесполезная, оказывается в конечном счете единственной новизной предлагаемой системы.

ство едино и непостижимо для человека: чтобы о нем можно было говорить, необходимо, чтобы оно стало, или по меньшей мере могло стать, постижимым. И поэтому оно изображается двумя различными графическими изображениями. Но тем не менее имеется лишь одно-единственное совершенство и лишь одна-единственная изначальная причина.

Напомним, что наш разум постигает лишь число, что он неспособен постичь Единство и тем более нуль, который является единством до всякого проявления. Напомним также, что можно говорить лишь о дуализме там, где имеется два различных или противоположных принципа; и что два или сто аспектов одного-единственного принципа не могли бы образовать ни дуализма, ни множественности. — Здесь, как и везде, Великий Принцип един, и именно для того, чтобы расположить его непроявленное единство над всеми возможными попытками человеческого понимания, мудрец и предлагает нашему созерцанию и нашему рассудку не принцип сам по себе, который не мог бы быть обозначенным, не будучи искаженным, но аспект Великого Принципа, проявленный и отраженный в человеческом сознании.

Выше я выделял одно исключение, и я вновь сделаю его для инь-ян, или символа Великого Предела. Потому что удивительно и даже забавно наблюдать, как блестя-

щие умы делают метафизической системе или оккультной традиции упрек в дуализме, который вводится туда лишь по причине актуального несовершенства человеческой ментальности, для того чтобы сблизиться с этой ментальностью. Упрек действительно необходимо сделать: но как раз самим себе блестящие умы и должны его адресовать, высказывая недовольство, что они все еще остаются людьми. Здесь нам необходимо уступить: мы никогда не узнаем, как люди, истину, и то, что мы считаем истиной, истиной не является именно потому, что мы понимаем, что она ею является и что она может ею быть.[7] Поэтому с бесконечной предосторожностью можно сказать, что Традиция содержит в себе аспект истины — или Бога — который, наконец, мы способны постичь нашим пониманием. И чтобы этот аспект не произносился (и не давал места, как следствие, для ложной фразы или для обманчивой интерпретации), этот аспект не является буквой и не является даже идеей: это рисунок. Такова загадка, линейная и метафизическая, пассивного Совершенства (*Кунь*).

---

[7] Так как, если истина совершенна и то, что мы считаем истиной, делает нас причастными совершенству, тогда мы все боги: такое предположение кажется смешным; либо, если мы несовершенны и если мы обладаем истиной, то тогда и истина несовершенна; на этот раз предположение действительно является смешным.

И чтобы основательно проникнуть в этот вопрос и более к нему не возвращаться, этот аспект не является отражением. Пассивное отражение не является отражением активного совершенства, каким было бы на воде отражение звезды, то есть наполовину воображаемое. Пассивное отражение является абсолютной сущностью, идентичной сущностью, или, лучше, той сущностью, которая должна быть идентичной сущности активного Совершенства, за исключением того обстоятельства, что мы можем к ней приблизиться. Иными словами, активное Совершенство, постигаемое нашим несовершенным рассудком, — это и есть пассивное Совершенство; тем не менее оно остается Совершенством, и именно в этом обнаруживается его удивительная абстрактная реальность.

Если мы переместим исчисляемую истину на божественный уровень (или метафизический и трансцендентальный), то мы сможем сказать, что пассивное Совершенство относится к активному Совершенству как *единица* к *нулю*, которые, будучи различными *цифрами*, являются лишь одним-единственным *числом*, и первым из чисел, и *единственным числом*.

Не следует слишком активно бороться с этой инстинктивной и огромной ошибкой человеческого разума, принимающего за Истину то множество, без

которого он ничего не понимает и которое для него является единственным примером универсальности. В своей бессознательной гордыне разум проецирует свое ментальное несовершенство на лик божества. Этот дуализм является основой всех метафизических заблуждений. Человеческий разум, забывающий принять во внимание неизбежное расположение рядом друг с другом двух абсолютно идентичных принципов (неизбежное расположение рядом друг с другом с тем, чтобы посредством понимания второго можно было бы допустить, не понимая его, существование первого), человеческий разум, склонный к делению и различию, вскоре сообщает этим расположенным рядом друг с другом принципам различные свойства, несходную внешность, а затем и противоположный смысл и враждебные следствия. И теперь зло совершено; оно неисправимо и оно питает корни наук и религий. И еще хуже: человек, неспособный оставаться постоянно метафизиком, логиком и резонером, скоро становится сентиментальным, чувствительным. Он приносит с собой в эту новую область то заблуждение, которое он создал на ментальном уровне и за которое он несет ответственность. И на этом низшем уровне он создает в чудовищном образе своего метафизического дуализма относительность Добра и Зла; и он выдвига-

ет законы; и он устанавливает условности; и он мучает сам себя своими предрассудками; и со слезами и с кровью, им проливаемой, он укрепляет свое отвратительное творение: он ставит этот духовный дуализм под защиту метафизического дуализма, изобретенного его невежеством и его гордыней; так, охранник своей собственной тюрьмы, он сооружает своими неразумными руками непостижимый, глупый и лживый ад, которым и является современное социальное состояние.

Графическое изображение совершенства, как оно представлено в начале этого раздела, осмысливается в соответствии с самым простым символизмом. Рисунок бесконечной идеи, являющейся неопределенной, не содержит в себе ничего, кроме элемента без начала и без конца; таким образом, это прямая линия, бесконечно продлеваемая и в одну и в другую сторону: она разумеется в графическом изображении пределом материальной необходимости, но она ни в коей мере не ограничивается ни в мышлении, ни в предположении. Именно в этом, несмотря на видимость, символизм прямой линии превосходит символизм замкнутой кривой линии, или окружности: последняя подобно змее, кусающей свой хвост, популярной и ложной видимости Вечности, кажется, не ограничивается, бесконечно делая круг над самой собой; но в реальности

она как раз замыкает пространство, она определяет площадь, которой является круг, которая имеет измерение и которая, следовательно, конечна. И ничто не может помешать этому определению, то есть этой неполноценности и этой общеизвестной недостаточности символа.

Наоборот, прямая линия по мере того, как она продолжается, посредством постоянного предположения обезличивается и являет собой собственный образ бесконечности, поскольку она ничего не определяет, не замыкает и не ограничивает. Еще лучше: если я предполагаю некоторую плоскость, порожденную этой прямой, я имею неопределенность пространства; и если я одновременно предполагаю все плоскости, порожденные этой неопределенной прямой, то я имею «универсальный объем», то есть символ бесконечности. И именно поэтому очевидно превосходство, почти всегда недооцениваемое, прямой линии над окружностью, в качестве символического изображения.

Если теперь мы мыслим Совершенство, то есть если наше мышление делает из активного Совершенства Совершенство пассивное, то мы признаем абсолютное тождество этих сущностей в том, что касается их основы, если не формы; и мы привязываемся, в силу одного

только факта нашего мышления к пассивному совершенству, к идее нашего множества и нашей делимости (к особому характеру человеческой модификации и мышления, свойственного человеческому состоянию).

Таким образом, символ пассивного совершенства должен быть в любом отношении символом активного совершенства, и плюс к этому должен порождать идею множества (определитель «плюс» есть метафизический «минус»). Именно поэтому символ пассивного совершенства будет прямой неопределенной линией, с неопределенным рядом разрывов непрерывности. Таково значение разорванной черты с точки зрения делимости Бытия, то есть с точки зрения множества действий и форм. И мы, следовательно, обладаем двумя типами точного, богатого и простого символизма: именно на его основе создаются триграммы Фу-си, гексаграммы И-цзин и шестьдесят четыре тайны Перемен.

Как мы об этом уже говорили, активное Совершенство не действует, но оно «больше» любого действия, а с точки зрения человека принцип действия является доказательством его совершенства и началом возможности его осмысления. Именно поэтому, обращаясь к человеческим существам и желая, чтобы они поняли самое высшее человеческое значение метафизики, ки-

тайский маг ставит в первый ряд активность:[8] и высшим признаком активности для совершенства является способность совершенного порождения, то есть воспроизведения самого себя без посторонней помощи. Эта идея совершенно естественная, которую без всякой игры словами можно назвать идеей-матерью, — передается в графическом символизме, удваивая знак совершенства (активного или пассивного, непрерывной чертой или чертой прерывистой), двойной чертой. Так образуется диаграмма. Эта диаграмма как раз и является символическим представлением Отца и Матери, то есть средств постижения; таким образом, две черты подразумевают третью; Отец и Мать порождают ребенка; и в символизме триграмма непосредственно происходит от диаграммы, которая не является устойчивым состоянием, но олицетворяет переход от Единого к Триаде. Таково происхождение триграмм Фу-си.

Подчеркнем тот имеющий глубокие духовные и метафизические следствия факт, что состояние диаграммы существует лишь как момент. В великолепном произведении «И-цзин» и во всех его комментариях существование диаграммы упоминается один раз —

---

[8] Иероглиф *Тянь*, изображающий Совершенство в идеограмматике, передается в языке следующим выражением: Активность Неба.

относительно типографского значения ряда западных букв. Этим намеренным умолчанием уточняется, что это не логическое состояние, но только необходимый момент между Единством и Триединством. Только Отец заслуживает существования, и вечный андрогин разделяется лишь для того, чтобы оплодотворить самого себя. И момент является математическим; отец и мать существуют лишь для того, чтобы творить: в момент творения они едины и образуют единицу; в момент, когда они разделяются, существует зародыш, и их уже трое.[9] Может быть интересным продвижение этого принципа во все миры: так, например, не существует добра и зла вне человеческой относительности; так, не существует союза души и тела вне разума; так, если говорить о католиках и о Каббале, не существует Отца и Сына без Святого Духа: христианское таинство Троицы становится аксиомой; и общества, и религии, которые пренебрегают Глаголом Святого Иоанна и Параклета, являются лишь неразумными и чудовищными нагромождениями. Мы оставляем нашим читателям, очевидно, осведомленным обо всех этих вопросах, одновременно и изысканное, и легкое

[9] На практике народы желтой расы считают его возраст таким образом, что ему десять месяцев в час его рождения.

удовольствие извлечь из этой метафизической теоремы все выводы, которые она содержит.

Естественно триграммы, состоящие из тех же самых черт, являются триграммами Совершенства. Соединяя вместе, во всех возможных положениях, непрерывную и прерывную черту, получаем восемь триграмм, являющихся «Триграммами Фу-си» и основой всего метафизического символизма желтой расы.

От этих триграмм образуются гексаграммы, формирующие структуру «И-цзин». На практике они, если можно так сказать, механически «изменяют» друг друга. Удваивая изначальные триграммы, то есть записывая их дважды друг над другом, и записывая их так, как вписывается восьмиугольник в круг, получаем магическую таблицу, называемую в народе: *Хэдо*. Если вокруг единого центра повернуть слева направо круг внешних триграмм и одновременно справа налево круг триграмм внутренних, то получим шестьдесят четыре положения шести черт, отличающихся друг от друга, которые образуют шестьдесят четыре тайны Перемен, а шестьдесят пятое положение будет первым, воспроизводящим две гексаграммы Совершенства. Объяснение, формулы и комментарии этих рядов как раз и образуют «И-цзин», название которой обосновывается таким образом даже графически: «Перемены

в круговороте», что в то же самое время символизирует во всех модификациях и в конечном преображении фундаментальную догму дальневосточной Традиции. Мы в свое время раскроем этот весьма простой и весьма совершенный символизм.

Имеется более глубокая причина удвоения триграмм и их превращения в гексаграммы; эта причина одновременно и человеческая, и метафизическая, близка каждому. Триграмма — или, если обобщить, идея троичности, которую она изображает, — это образ реально существующей метафизической сущности, но до бесконечности далекой от человечества и полностью превосходящей его интеллектуальный горизонт. Она отражается в нашем рассудке, как объект отражается в воде, омывающей его основу, или, как в открытом море, луна в океане, в который она погружается. Так небесная триграмма и ее отражение в нашем разуме производят гексаграмму. И здесь также раскрывается принцип троичности; так как небо отражается на земле лишь через сердце человека; так как монумент отражается в воде лишь благодаря дневному свету; так как душа влияет на тело лишь при посредничестве Разума; так как сын передает милосердие Отца, а Отец проявляет достоинства Сына лишь в силу Святого Духа — Трое создают одно вследствие

мимолетных и скрытых двух. И гексаграмма — это эннеаграмма, небесная триграмма которой реальна, человеческая триграмма является ее отражением, а духовная триграмма записывается в столь тонкой и столь летучей среде, что она не оставляет ни следа, ни свидетельства, и только логика указывает на неизбежность ее существования.

Теперь можно отметить, насколько универсальным мыслям дальневосточная традиция, какой бы далекой и давней она ни была, дает рождение. В каждый момент в ходе этих исследований которые кажутся более трудными, чем они являются в реальности, применение древнего принципа будет ясно и неоспоримо раскрывать в наших собственных методах и наших западных традициях то, что столетия белой цивилизации преобразовали, полагая, что они это или вычеркнули, или усовершенствовали. И будет одновременно и большим облегчением для постижения доктрины, и мощной опорой для синтетического интеллекта, к которому мы хотели бы обратиться, увидеть, что связь не разорвана и что этого никогда и не произойдет, что мы связаны с общим истоком, от которого мы произошли так же, как и сам Фу-си, и к которому мы возвращаемся так же, как и самые почтительные его приверженцы. Нам не нужно ничего создавать, ничего

изобретать и даже ничего объяснять новыми средствами: мы должны лишь полностью утратить то, что в нас остается, и обнаружить то, что мы потеряли. И пусть нам позволят назвать здесь наивысшим то, что считается самым низшим, о чем знали все метафизики и оккультисты всех стран. В затмении и забвении священных наук не последнюю роль играет вопрос о расе и климате. Мудрецы Китая и Индии ничего не забывали, но мы были отделены от них варварами. Одни только ниневиты, уничтожившие ведические науки, и семиты, неспособные и грубые подражатели египетским наукам, создали пропасть между древностью и современностью, между восточной наукой и западными исканиями. Обходя стороной эти расы посредников или возвышаясь над ними, мы и обнаружим наш путь, а современное человечество достойно присоединиться к своим предкам цикла Рамы. Если продолжение этих исследований будет способно доказать эти утверждения большинству людей, то мы лучшим образом начнем нашу работу.

Но сегодня, после этого простого определения «графических изображений Бога», уточним, насколько восхитительная наука, за которой мы следуем, насколько прост метод, который мы используем. Мы заявили, что Божественное Существо, или Совер-

шенство, непостижимо для человека. И на самом деле это так. Мы констатировали, насколько религиозные системы, почитаемые большей частью человечества, стремились исказить Бога, приблизить его к нам, чтобы сделать его доступным нашему рассудку. Эти системы намеренно разрушают метафизическую идею, и нам, следовательно, предлагается лишь заблуждение; так, устанавливая антропоморфизм, они предоставляют нам такую же грубую концепцию, как и фетишизм неразвитых рас. И несмотря на эти искажения, им не удается нас удовлетворить.

Следуя за Примордиальной Традицией, мы не желаем подражать этим уничижительным преобразованиям. Мы, впрочем, и не могли бы этого желать. Бог — Совершенство — остается и будет оставаться для нас непостижимым, пока мы сами будем оставаться людьми. Но это совершенство, которое мы не можем понять, которое мы не можем ни обсуждать, ни назвать, о котором мы не можем рассуждать, — это совершенство мы изобразили рисунком; создавая его рисунок, *мы не наделили его контурами*; мы его *не закончили*; но мы знаем о нем благодаря нашим глазам. Продолжая логические и метафизические рассуждения, не установив ни одного предположения *а приори*, не требуя подтверждения ни одного *постулата*, не навязывая

веры в самую малую тайну, мы в шести линиях, символизирующих в совершенстве, не разрушая его и не преуменьшая, имеем то понятие Бога, которое никто, за исключением самого Бога, не смог бы определить и понять. Этот простой чертеж, эта линейная абстракция, эта метафизическая тайна дает нам глубокое чувство, что такое понятие у нас есть, и оно не может быть иным, чем оно здесь представлено. И мы держим в руках этот чудесный инструмент, посредством которого мы можем уверенно установить идеальное, целостное и аксиоматичное представление о непостижимом. Мы его не понимаем; мы его не называем; мы его не описываем. Мы его видим.

И именно он, этот символ, более восхитительный, чем самые великолепные идеи, мыслимые человеческим мозгом, будет здесь основанием и исходным пунктом всех наших предположений, в той же мере, в какой то, что он изображает, является неминуемой целью нашего существования и наших усилий.

IV. СИМВОЛЫ СЛОВА

Как мы уже говорили, дух обобщения, который и был философским духом человечества, до изобретения анализа и методов препарирования современным прикладным научным разумом и современной механикой, этот дух обобщения оставался неповрежденным среди народов восточных рас; и именно синтетический метод, математический и логический, и создает основу наиболее древних традиционных книг, а почтительность хранивших их народов передала нам их нетронутыми и неповрежденными даже в наши до крайней степени просвещенные и индивидуалистические эпохи.

Этот дух обобщения создает неопределенное множество применений одной и той же аксиомы или одного и того же принципа ко всем наукам, ко всем социальным состояниям, ко всем интеллектуальным

мирам, ко всему тому, что может быть сделано, сказано или осмыслено в любых местах и в любые эпохи вселенского и человеческого стазиса.

И чем более фундаментальной кажется аксиома, чем более вечным и незыблемым предстает принцип в его понимании и даже в его графической передаче, тем с большим пылом разыскиваются применения и тем с большей точностью они определяются.

Именно поэтому «Графические изображения Бога», установленные с заботой об универсальном синтетизме в мышлении и с математической строгостью в исполнении, рассматриваются комментаторами Традиционных Книг как ключ ко всем идеям и всем человеческим ситуациям, как начало и конец всех наук и как тайна, в которой необходимо найти в одно и то же время и объяснение всех неизвестных величин, и общее решение всех проблем, и правила любой политики, и предписания для всех видов экономики и любых индивидуальных нравов.

«Графические изображения Бога» в своем использовании не являются уже теперь только совершенным «Чертежом» общей абстрактной идеи и сущности, непостижимой для актуально существующего человека. Своими шестью неопределенными линиями они образуют что-то вроде метафизической сферы, в которой

устанавливается вечная гармония и в которой располагаются, чтобы получить свое точное значение в симфонии вселенной, аккорды, свойственные каждому элементу знаний человеческого разума. Если воспользоваться более легким и более грубым сравнением, но таким же точным с графической точки зрения, то каждый элемент знаний человеческого разума подобен одному из тех дипломатических писем, в которых, помимо пустяков и хлама, предназначенного для того, чтобы сбить с толку надоедливого простолюдина, покоится решение проблем, от которого зависит жизнь и слава народов. Попавшие в руки невежд, эти письма останутся непостижимыми: они будут иметь смысл и последствия лишь для тех, кто их пишет, и для тех, кому они предназначены. Таким образом, человеческие познания непонятны даже тем, кто их глубоко изучает, если они продолжают свои исследования индивидуально и если они в своих усилиях замыкаются на самих себе.

И «Графические изображения Бога» являются «*сетью*», которая, накинутая на бесформенный текст, очищает его полезные части, разрушает его безжизненные части, и между этими интервалами, всегда устроенными одним и тем же способом во всех текстах, для взора, наделенного знанием, раскрывает необходимые

истины, тайны, руководящие всеми науками и движущие всеми человеческими действиями.

Обратимся непосредственно к символизму желтых рас. «Графические изображения» Бога окажут нам в этом огромную помощь, если мы сможем все связать с этим принципом, и если мы вспомним, что все интерпретации, все образы, все точные определения являются узорами, нанесенными на эту вечную ткань, на ту метафизическую канву, без которой никакое полотно не было бы соткано, без которой никакая система не смогла бы устоять.

Сопоставляя друг с другом «положения» «Графических изображений Бога» изучая по отдельности, а затем параллельно черты, которые их образуют, получаем все идеи рассудка и весь свет познания. В применениях, которые из них составляются, эти положения меняются, эти черты меняют воплощение и объект; в них и между ними обнаруживается вечное движение, которое является результатом извечной активности и следствием потенциальной активности Совершенства. Так это непрерывное движение в совершенстве изображает ряд преобразующихся модальностей, которые образуют поочередно существование осязаемой и воспринимаемой вселенной, модальностей,

тетраграмматическая формула которых (которую мы будем изучать в следующей части) показывает глубокую причину и дает формальное объяснение. Таким образом, каждая из идеограмм и каждая черта идеограмм, причастная к Принципу Активности, обладает собственной активностью, посредством которой она свободно движется в соответствии со свободно согласованным путем, одним из выражений которого она и является (и единственным непосредственным выражением в тот момент, когда о ней идет речь).

Из этого следует, что каждая из черт тогда, когда ее рассматривают, приобретает свою индивидуальность, вызванную проявлением ее своеобразной активности. Следовательно, представляется логичным и разумным (позже мы рассмотрим основание этих расположенных рядом прилагательных), что интеллектуальный и фонетический символизм сообщает ей выразительный образ Всемогущества и Вседеяния, то есть образ Дракона, «всеведущего повелителя правых и левых путей» (Фэн-Хуан, I).

Легенда о Драконе. «У драконов и рыб одинаковое происхождение; но насколько у каждого из них разная судьба! Рыба не живет вне своей стихии; но как только легкое облачко спускается к земле, мы видим, как дракон устремляется в воздух». Так звучит одиннадцатая

строфа этой знаменитой баллады: счастливая Жизнь, при звуках которой на всем Дальнем Востоке старые мудрецы улыбаются, а маленькие дети засыпают.

В ней есть намек на легенду о Драконе, которую мы цитируем, потому что в ней будет обнаружен исток происхождения мозаики, древнекитайское вымышленное представление о законе и, может быть, даже символ алхимического синтеза.

Вода, стекающая на землю, рассказывают старики, подобна облаку, плывущему в небе: природа их обоих сходна; отличается лишь их внешний вид. И это важно, так как влага оплодотворяет вселенную подобно тому, как путь неба оплодотворяет мысль людей. Нет ничего лучше воды, нет ничего более мимолетного, более деятельного, более универсального; но если бы ее действия не были едины, небесная вода не могла бы быть над землей, а земная вода не могла бы быть над небесным облаком. Так, в земной воде рыба, в небесной воде журавль Хэ[10] живут отдельно, и они несовершенны. Но если буря поднимает воды или дневная жара их испаряет; и если легкий туман спускается на землю, или если сильный ветер прижимает тучи к земле, тогда возникает союз небесных и земных вод: пти-

[10] Символический и легендарный журавль.

ца Хэ спускается к земле подобно облаку, рыба поднимается к небесам под видом речной воды; когда они встречаются, птица Хэ дает свои крылья рыбе, а рыба дает птице свое тело и свою чешую; посреди раскатов грома и посреди ревущих вод возникает Великая Рыба, на спине которой записаны тайные предписания Закона. И как только ее спина касается снизившихся облаков, она становится Большим Драконом и исчезает в небе вместе с покрывающими ее и уносящими вдаль облаками.

Я был бы раздосадован, если бы стал давать объяснение этой народной легенде, наиболее ясной из всех мозаичных притч, и более ясной, чем иудео-христианская легенда о яблоке. Самые юные ученики в дальневосточных школах комментируют ее и раскрывают ее смысл с большой легкостью. Я думаю, это будет легкой игрой и для внимательных западных исследователей, которые будут мне гораздо более благодарны за приглашение предпринять небольшие личные усилия в рамках аналогичного подхода, чем за проявление в такого рода праздных объяснениях оскорбительного сомнения в их проницательности.

Я тем не менее подчеркну некоторые пункты, достойные размышления; небо и земля в действительности едины. Перед нашим взором они объединены

универсальным растворителем; и Китайский Мудрец берет в качестве символа этого растворителя то, что может показаться самой тонкой материей, то есть испаряющуюся воду. До бесконечности тонкий, но всегда материальный — такова характеристика универсального растворителя; и Китайский Мудрец встречается здесь с теософской догмой (что нисколько не удивительно, поскольку доктрины являются близкими сестрами), а также с доктриной платонизма и с утверждениями школы гностиков и Св. Климента Александрийского о материальности человеческой души.

Уточним также, что «Совершенство» существует лишь благодаря союзу Неба и Земли, что только при этом союзе Дракон себя и обнаруживает, и что как только он обнаружил себя, он сразу же исчезает в воздухе. Этот символ объясняется двумя способами: первый заключается в том, что вселенная всегда пребывает в состоянии крайней активности; другой — в том, что Совершенство остается невидимым для человеческих глаз и непостижимым для человеческого разума; оно исчезает, если мы его видим или понимаем, оно уже не является Совершенством. Таким образом, Дракон — это символ, который изображает для себя человек, но который для него не существует. Но он реально существует во всеобъемлющем союзе,

осуществляемом благодаря универсальному растворителю.

Возьмем этот символ Дракона таким, каким мы его обнаруживаем, если угодно, в детских рассказах; но сохраним его как превосходное изображение и как аббревиатуру, удобную для метафизических положений. Я говорил выше, что это был совершенный интеллектуальный и фонетический символ. Объяснение легенды применимо к его интеллектуальной стороне: фонетическая еще более любопытна, так как она обобщает и разъясняет все предыдущие данные. Чем же, в сущности, в метафизике желтых рас является этот символический Дракон? Чем, следовательно, является этот универсальный растворитель, который подобен *Ауре* символа? Этот как раз и есть Слово не только для разума мудрецов и комментаторов, но и для выражения, используемого в самой филологии.

На самом деле известно, что такое ЛОГОС у учеников Платона и александрийцев. Корень ЛОГ произносится с сильным ударением и в долгом слоге. Это как раз и есть название идеограммы Дракона. Этот Дракон — Большой (LONG),[11] с долгим О и коротким

---

[11] Ссылка на эту любопытную филологию в тексте самой «И-цзин» обнаруживется в переводе Филастра (Анналы музея

и глухим N, и это слово произносится LOGUE (с немым E) в провинциях центрального Китая. Так филология добавляет свое свидетельство, раскрываемое в метафизике. Есть лишь одна истина; символы этой истины отличаются, но произнесение ее имени повсюду одинаково. И платоновский Логос, и Слово апостола Иоанна, которое христиане, не углубляясь в его значение, прославляли в конце всех своих жертвоприношений, не были во всем человечестве ни самыми прямыми изображениями, ни самыми точными символами, в отличие от этого универсального и невидимого Дракона, с небесных высот покрывающего все восточные философии своей таинственной тенью.

Цянь: действие неба, это деятельность. Одаренный человек ему подражает в своих постоянных стараниях («И-цзин»: традиционный комментарий Чжэн-цзая и Конфуция на первую гексаграмму).

Одаренный человек, о котором упоминается на протяжении всей книги «И-цзин», и для пользы которого

Гиме) и в графических изображениях, и в грамматике Отца Кувре, С. Ж., миссионера из Чжоу-ли, напечатанных в Хо кьен фу в 1884 г., и которые довольно легко найти в Париже.

формулируются ее предписания, образует собой особое выражение, характерное для народов желтой расы. Было бы легко — и другие это и делают — собрать целые тома комментариев этого выражения, чтобы определить его точное значение. Так в других языках и обнаруживаются Посвященные, Маги, Великие Жрецы, Вольные Судьи, Святые, Блаженные, Махатмы и другие термины. Будем в том, что касается *одаренного человека*, придерживаться простого и мудрого определения китайской традиции. *Одаренный человек*, говорит она, — это термин схоластики, соответствующий состоянию, более низкому, чем совершенство, и более высокому, чем мудрость. Признаем, что по крайней мере с точки зрения выразительности нас удовлетворяет это эластичное определение; согласимся, что существует множество стадий в состоянии *одаренного человека*; и будем лишь в зависимости от обстоятельств говорить в каждом частном случае, до какого этапа, интеллектуального и психического, дошел *одаренный человек* на пути совершенства.

Смысл существования, говорит Чжэн-цзай, не имеет видимой формы, и поэтому используется образ, чтобы объяснить его значение. Таким образом, как гласит легенда, Дракон на вселенской колеснице поднимается по шести чертам Цянь, где он занимает шесть

различных позиций и дает при своем прохождении смысл каждой из черт точно так же, как акустический ряд, в тот момент, когда его записывают музыкальными нотами, дает гармоничный аккорд, который, как выражение этого ряда, является его единственным владельцем, а линии нотного ряда его передают и служат его *носителем*.

Следовательно, существует столько стадий человеческого существования, сколько существует гексаграмм, то есть шестьдесят четыре. Изучим подробно «прохождение Дракона» через Цянь, гексаграмму совершенства в себе. Это будет не только пример хорошей аналогии, служащей для метафизического объяснения других гексаграмм; но прежде всего это первая гексаграмма, из которой китайские маги и философы во всех областях человеческой мудрости извлекали свои принципы и свои самые лучшие учения.[12]

Дракон — «разум, возможности которого безграничны, символ преобразований рационального пути (Дао) предельной активности Цянь» («И-цзин», часть I, § 8, комментарий Чжэн-цзая) — размещается на первой черте (нижней и положительной черте, поскольку

[12] Каждое положение Дракона напоминает собой путешествие из Легенды.

он, как и все остальные черты гексаграммы, не имеет разрыва непрерывности); и он изображает «исходный пункт начала всех существ». Это *скрытый Дракон.*

Предельная активность Совершенства еще не производится, еще не обнаруживает себя ни в одном акте воли, даже ни в одной мысли; она является скрытой, то есть непостижимой для человека. Это период недеяния. И под словом «период» следует понимать идею метафизического состояния, подобно тому как под словом «положение» следует понимать «геометрическое пространство», и все понятия здесь должны быть независимыми от относительности времени и пространства.

Размещенный на второй черте, Дракон проявляется: активность начинает ощущаться на поверхности земли: это «Дракон на рисовом поле». Предельная активность неба еще себя не обнаруживает, но человек ощущает, что она существует так же, как какое-то создание на рисовом поле скрывается за побегами риса, и его не видно, но известно, что оно там есть в силу колыхания поверхности при его передвижении. Отметим здесь, что вторая черта — это средняя черта нижней триграммы, которая, если можно так сказать, представляет собой резюме ее общего выражения: отметим также, что есть определенный смысл, извлекаемый из ее сравнения со

средней чертой верхней триграммы, которая является ей дружественной чертой (система соответствий). Этот смысл задает общую тенденцию гексаграммы. Обе соответствующие друг другу черты являются здесь положительными, из чего следует, что смысл Цянь усиливается и что Небо не мыслится вне идеи его активности. Этот вывод мы уже сделали в предыдущей части; и здесь значения символического понимания шести черт еще раз подтверждают уже известные метафизические и экспериментальные принципы.

Это второе положение совершенным образом резюмируется следующим сравнением Ши-цзе: «Начинает зарождаться положительный эфир так же, как солнечный свет начинает освещать все вещи еще до того, как появится на горизонте».

Размещенный на третьей черте Дракон себя обнаруживает; он находится на верхней позиции первой триграммы: это тот момент легенды, когда, поднимаясь к вершине ревущих вод, он бросается вперед и оказывается в реальности тем, что он есть. Если чешуя Дракона выходит из воды, тогда человек знает науку и закон. Это *видимый Дракон.* Непрерывная активность, нисходящая с верхней триграммы, вновь воздвигает пропасть, которая отделяет ее от второй триграммы. Это повод для большой осмотрительности. И мы неза-

медлительно воспользуемся этим советом в том виде, в каком он дается. Есть особая тонкость и опасность в том, что мы «видим спину Дракона», то есть знаем Науку о Законе, если мы недостаточно подготовлены к этому предшествующими состояниями. (Ср. Состояние в Эдеме и легенду о запретном плоде). Здесь есть *желание расширения красок бытия*, весьма совершенное, поскольку оно является увенчанием деятельности, но и весьма опасное, поскольку оно может привести к множеству, то есть к многообразию форм и к разладу.

Размещенный на четвертой черте, Дракон стремится покинуть мир, то есть исчезнуть, поскольку, будучи обнаруженным, он стал бы, если бы остался в мире постижимым для человека, не был бы уже самим Совершенством; но он еще не совсем улетает; он подобен рыбе, выпрыгивающей из воды, желающей исчезнуть, но не имеющей для этого средств: это *прыгающий Дракон*, также готовый раствориться в эфире небесных пространств и в глубоких безднах, где находится место его покоя» («И-цзин», глава I, § 14; комментарий Чжу-си).

Непрерывная активность до конца прыжка может обрести крылья Дракона и исчезнуть наверху или сохранить плавники рыбы и исчезнуть внизу: имеется, следовательно, свобода идти вперед или отступать. Здесь перед нами символ *свободы и независимости*,

вместе с которыми мир движется и вступает на свой путь (Дао). Ситуация является неопределенной; но каким бы ни было решение, очевидно, что истинная цель движения и активности — абсолютный покой, который находится за пределом человеческих усилий (это Нирвана, постижимая, но недоступная человеческому существу, каким мы его знаем).

Размещенный на пятой черте Дракон, полностью себя обнаруживший, действует в полной мере и управляет миром. Он оставил землю, чтобы исчезнуть, но в точке приближения к границам он еще не исчез, и его благотворное влияние распространяется повсюду; это *летящий Дракон*, который в это мгновение одним лишь своим взором подготавливает золотой век человечества. Это *счастливое расширение Вселенной в то Целое, которое не перестает быть Единым*. Предельная активность создает это целое: присутствие Дракона создает это единство; и если говорить на менее метафизическом языке, творение существует в целом, но у него еще нет форм.

Напомним здесь, что пятая черта — это средняя черта верхней триграммы, которая является дружественным соответствием второй черты: отметим, что вторая черта — это желание неоформленного действия, и что пятая черта и есть это неоформленное действие.

Размещенный на шестой черте Дракон исчезает; «надлежащая черта, — говорит Чжу-си, — преодолена, крайнее единство достигнуто, имеется чрезмерное возвышение». Разумеется, этот комментарий не следует понимать лишь по отношению к видимой вселенной. Это *парящий Дракон*, который начинает исчезать; и вместе с ним начинает исчезать также и та стадия абсолютного совершенства, которая принесла с собой это сожаление о невозможности его сохранения (одновременно и из-за относительного совершенства и из-за предельной активности неба). «То, что полностью завершено, говорит Конфуций, не может длиться долго». И поэтому человек является настолько несовершенным, что сама идея совершенства приносит с собой и страх его потерять. Здесь перед нами осязаемое творение, или лучше, делимость единства посредством умножения форм, и установление относительной двойственности пассивного совершенства, постижимого человеком благодаря исчезновению Дракона, который символизирует Единство как его универсальный носитель. Именно эту актуальную стадию мы проходим в том цикле, к которому принадлежит наше человечество. И сожаление об этом человечестве порождает то единственное желание, которое психологи могут назвать по-

требностью в идеализме и которое в конечном счете есть желание возвратиться к состоянию единства, заменить пассивное совершенство активным, которое мы не понимаем, но о неизбежном существовании которого мы знаем, желание, одним словом, *вернуть Дракона*.[13]

Такова метафизическая гармония, запечатленная на стороне, сформированной первой гексаграммой И-цзин. Понадобился бы целый том, чтобы вывести из нее все данные соответствующих наук, Генезис, Творение, Космогонию, Теогонию, Теологию, Онтологию, универсальный Синтез, происхождение человеческих Законов и т. д. и т. п. Мы остерегаемся приступать к этим продолжениям и к этим комментариям. Такой труд, который, поскольку уже дана основа знаний, относительно легок, следует предоставить в качестве любопытного упражнения и достойной похвалы гимнастике, интеллекту исследователей, мышление которых станет при помощи этих исследований более соответствующим мышлению, требующемуся для по-

---

[13] Остается понять, что символизм Дракона, как мы его здесь объяснили, вне времени и пространства, выше индивидов, и применим только к высшим синтезам. В следующей части будет указано на символизм их движения по отношению к тому, что на Западе называют творением видимого мира.

нимания всей сути вопроса, и в большей степени способным при помощи его синтетического метода сделать надлежащие выводы.

Но, как мы уже говорили в начале, дело не в том, что метафизическую согласованность приходится прибавлять к значению гексаграммы совершенства. Все науки существуют вне метафизики и ее младших сестер; существуют политика, социальная экономия, мораль, предсказания; и каждая из этих наук посредством аналогичного труда находит в продолжении этого значения и, следуя «ходу шести Драконов», решения, способные удовлетворить все интеллектуальные потребности нашего человечества.

Посмотрим, например, как посвященный обнаруживает здесь правила поведения мага, правила своей особой аскезы.

Скрытый Дракон. Одаренный человек должен управлять своим поведением в соответствии с активностью неба; одаренный человек еще не наставлен, воля неба скрыта от его неспособных к ви́дению глаз: он остается, следовательно, замкнутым в своей оболочке несовершенного смертного. Одаренный человек, следовательно, должен размышлять, молчать и пытаться развиваться в обучении о созерцании. Если бы он действовал, когда дракон является скрытым, он

не показал бы, на что он способен, и впал бы в заблуждения, которые принесли бы ему вред в будущем.

Дракон в рисовом поле. Одаренный человек осознает свою добродетель, но еще не может оставить землю.[14] Он постепенно своим учением делает все существа лучше; но ему еще не дозволено ни командовать ими, ни обнаруживать себя. Он должен стремиться следовать лишь за судьбой и за примером Магов, которые ему предшествовали.

Видимый Дракон. Одаренный человек, поставленный в положение ниже своих заслуг, подвергается опасности; он должен действовать осмотрительно; так как он своей добродетелью привлекает дружелюбие вселенной и из-за этого дружелюбия ненависть вышестоящих. Но уйдет он или останется, он всегда будет заботиться о том, чтобы следовать нормальным путем (Дао).

Прыгающий Дракон. Когда одаренный человек действует, это всегда связано с тем моментом, когда он действует. Он, таким образом, увеличил свои заслуги и свою добродетель, чтобы отличиться в точно определенный момент; он свободен идти вперед или

---

[14] Можно сообщить этому высказыванию какое угодно психическое значение.

отступать; он сохранил всю свою свободу; он может созидать, блистая добродетелью, как он может и вновь снизойти до похвальной скромности; в таком положении он должен руководствоваться обстоятельствами.

Летящий Дракон. Одаренный человек занимает высокое положение, которое ему и подобает; достигнув высших вершин понимания, он с радостью взирает вниз, на человека, в равной мере одаренного добродетелью, чтобы помочь ему своим примером и присоединить его к своему могуществу. Когда в полной мере располагаешь средствами, необходимо действовать.

Парящий Дракон. Бесконечную красоту трудно сохранить. Так и одаренный человек должен уметь вовремя выйти вперед и вовремя отступить, чтобы никогда не подвергаться опасности ее утратить. Никогда не следует допускать излишества в действиях, даже добрых.

Таким же образом, следуя за движением Дракона, определяется в политике путь Принца и путь подданного. Мы оставим объяснение для последующих рассуждений. И чтобы закончить изложение, которое можно продолжать до бесконечности, дадим без комментариев шесть кратких апофтегм, простых и насыщенных смыслом, посредством которых Конфуций с обычной для себя ясностью и лаконичностью опре-

деляет, основываясь на пути Дракона, нормальное поведение простого гражданина. Эта цитата даст совершенное представление о способе, каким китайские мудрецы понимали нравственный закон.

1. Не меняйся вслед за веком; не стремись к славе; избегай мира; не печалься, что люди тебя не ценят и не знают.

2. Добрая вера в немногих словах; осмотрительность в действиях; остерегайся лжи; улучшай, не хвалясь этим, свой век своей преобразующей добродетелью.

3. Занимая высокое положение, не гордись этим; занимая низкое положение, не жалуйся.

4. Совершенствуй свои способности; пользуйся благоприятным моментом.

5. Действуй и своим действием спасай мир.

6. Воздерживайся быть слишком благородным, чтобы чем-то заниматься, и слишком высокомерным, чтобы иметь друзей.

V. ФОРМЫ ВСЕЛЕННОЙ

Я не могу не учитывать, что при своей предельной общности «Символы Слова» могут показаться не только абстрактными, но и туманными. Но помимо того, что их блеск обнаруживается лишь в том случае, если он вызван обращением к общему тексту, с целью частной и точной адаптации,[15] мы можем непосредственно объяснить *Тянь* и символ движения Дракона благодаря той формуле тетраграмматона, которую принц Вэнь Ван, зять Фу-си, поставил во главе «И-цзин», под самой идеограммой *Тянь*.

---

[15] Следует задержаться на этой фразе, высказанной здесь намеренно. Ибо она является началом все предсказательной науки «И-цзин», рассматриваемой естественным образом с магической точки зрения, а не с точки зрения «гороскопа», с использования которого практики Дальнего Востока, так же как их коллеги с Запада, умели извлекать выгоду.

Тетраграмматон Вэнь Вана дает с искусной лаконичностью ключ к универсальному феноменализму, который условились называть: сотворение мира. Такое название, выражающее определенный факт (творение, то есть, грубо говоря, происхождение из ничего), подготавливает у тех народов, которые его используют, бессознательную логическую ошибку и огромное количество метафизических и логических затруднений. Изобретение этого слова еще до того, как доказано, что оно соответствует определенной интеллектуальной концепции или какому-то материальному событию, — это характерный симптом арийского ума, искаженного семитским обманом. (И один Иегова знает, насколько сильным был этот обман!)

Будем прямо готовы к тому, чтобы не приносить нашу логику в жертву этому неслыханному и абсолютно спорному априоризму. Тетраграмма Вэнь Вана, общий характер которой не уступает ее абстрактности, не отрицает (как, впрочем, и не подтверждает) факты сами по себе; кажется, что материальное осуществление или неосуществление идеи имеет чрезвычайно малое значение в традиции; но тетраграмма располагает событие вне времени и пространства; то есть она поднимает его над любой объективностью и удерживает в той области, из которой мы, люди За-

пада, не имели права его выводить: в области чистой идеи и метафизической логики.

Возможно, все космогонии, и даже иудаистская, могли бы кратко быть изложены в одной-единственной доктрине, если бы мы не позволяли себе увлекаться на уровне вселенского творения тем антропоморфизмом, которым мы осквернили сферу божественного, и если бы под предлогом отдать дань творцу, которого мы делаем человеком, мы не установили бы самый конкретный материализм в самом сердце наших современных и весьма странных религий.

Нам, следовательно, надо стараться позабыть о той банальной посредственности, которая была колыбелью западных наций. И если мы теперь последуем этому совету, то кажется несомненным, что мы получим в свое распоряжение самый крупный плод восхождения Дракона через Графические образы Бога.

Но прежде всего мы будем готовы постичь во всей ее метафизической абстрактности тетраграмму Вэнь Вана, изначальную причину, видоизменение и окончательное преобразование Вселенной.

Тетраграмма, тайна Вселенной, имеет еще и иное значение. И оно, возможно, не менее важно с точки зрения упорядочивания философских систем Востока. На самом деле, именно из тетраграммы Вэнь Вана,

то есть из самой сердцевины «И-цзин», и происходит весь даосизм. Когда мы будем изучать эту замечательную систему логики и чистой морали, мы вернемся к этой родственной связи. Сегодня нам будет достаточно этого утверждения, а также уточнения, что при формулировании своей тетраграммы Вэнь Ван был предшественником Лао-цзы. В ней содержится вся космогония даосизма и все то, что следует из самого даосизма.

Мы уже трижды обращали внимание на эту загадочную иерограмму Дао, которая так долго оставалась непонятной. Скажем прямо, не вдаваясь в те обзоры, которые будут уместны в другой части этого труда, что мы должны понимать под Дао (что обычно и довольно точно переводится как Путь) ряд, сумму и результат всех видоизменений Вселенной, или, как теперь предпочитают говорить, различные состояния проявленного Тянь, независимо от всех объективных связей.

ЯН—ХЭНЬ—ЛИ—ЧЖЭНЬ: Изначальная причина—свобода—благо—совершенство. Такова идеограмматическая тетраграмма Вэнь Вана. И «И-цзин» добавляет следующие простые слова, являющиеся «традиционным комментарием» формулы: «Как же она величественна, изначальная причина деяния! Все

вещи обязаны ей образующим их эфиром; это все небо. Облака движутся; дождь расширяет свои последствия; зародыши существ находят свое продолжение в форме. Вселенская жизнь действует в бесконечном движении. Конец и начало освещены великим светом. Путь — это перемена и преобразование: каждая вещь придерживается своей природы и сохраняет, согласуясь с ней, предельную гармонию; вот в чем благо и совершенство».

Традиция, объясняющая те тайны, которые мы намерены изложить, — это творение Чжоу-гуна, сына Вэнь Вана; она была собрана, иными словами, кодифицирована Чжан Цзаем и Чжоу Сю. Мы говорили: объективно преобладающее качество Тянь — это деятельность; и деятельность излучает энергию и волю, благодаря которой Бытие начинает показывать, что оно есть. В этом — вся видимая в настоящее время Вселенная, в нашем эволюционном цикле и на той стадии человечества, которую называют творчество.

Определяющая формула, уточняемая Вэнь Ваном в его четырех идеограммах, обнаруживает Вселенную и «сопровождает» ее начиная с того зарождения, которым был ее Генезис, и до ее полного расцвета.

A. Свободная причина (начало) всех существ.

B. Возможность творения (роста) всех существ.

C. Способность удовлетворения (действие) условий существования всех существ.

D. Нормальное и совершенное развитие (эволюция) всех существ.

Эти четыре идеограммы, которые открывают и вновь замыкают на самих себе циклы Вселенной, были настолько же популярны, как и полумесяц у турков или крест у христиан. Над другими символами человечества они имеют то преимущество, что содержат в себе явным образом краткое изложение всей доктрины, применимой к актуальному человечеству.

Они имеют плоскостную проекцию в графическом символе ин-янь (Тай-цзи или Великий Предел), объяснение которому мы дадим в той части, где будут рассматриваться условия человеческого существования.

Четыре состояния, указанные формулой тетраграммы Вэнь Ванна, называются *качествами субстанции* (Тянь), но качествами, внутренне присущими и интегрированными в сущность субстанции (чем они как раз и отличаются от значения, приписываемого на Западе слову *качество*, которое мы тем не менее не можем заменить никаким другим). Но мы не находим в этом никакого неудобства, так как согласно превосходному китайскому методу это интегрированное

качество берется как сама субстанция и отождествляется с ней, по крайней мере на некоторое время, для легкости понимания: такое отождествление является, впрочем, совершенно справедливым.

Мы не наделяем здесь новой терминологией ту космогоническую систему, которую здесь изучаем.

Бесполезно пытаться приблизить читателя к произнесению идеограмм; и каким бы неточным оно ни было, мы будем придерживаться их перевода на обычный язык: изначальная причина, свобода, благо, совершенство.[16]

Изначальная причина Совершенства (Тянь-ян) — это, как говорит, Чжоу Сю, Великий Принцип, из которого вытекает добродетель неба; рассматривается прежде всего всемогущество принципа; в него потенциально включаются Воля и Сила. Поскольку принцип является активным, возможность рождения всех существ образует его могущество и величие; и именно это величие образует начало. Начало Бытия — это исходный пункт его цели, то есть принцип причинности, первое проявление Совершенства, зарождение всего, и

---

[16] Всякий раз, когда эти выражения указывают на одну из сторон идеограммы, они пишутся курсивом.

особенно трех следующих терминов тетраграммы. Более того, это принцип причинности, рассматриваемый в его действительном величии, то есть Универсальная Причинность. Теперь свобода — это только свободное распространение: Благо и Совершенство — это точное следствие. Это одновременно и чистота субстанции, и универсальность причины и бесконечность следствия. С космогонической точки зрения это полагание (установление) возможности Вселенной.

Здесь — как вскоре мы увидим — можно было бы написать целые тома выводов и рассуждений. Мы не имеем для этого ни времени, ни места; у нас нет к этому и наклонности. Повторим еще раз, что эти выводы и эти рассуждения должен сделать сам читатель. Мы принуждаем его быть не обычным читателем, но прилежным и внимательным. Необходимо, как гласит традиция, для своего собственного обучения быть самому себе и учителем, и помощником. Труд, который мы охотно предоставляем ему выполнить, является верной гарантией такого неизбежного сотрудничества и чудесной плодотворности его дарований.

Таким образом, *изначальная причина* — это первый атрибут Совершенства (Тянь), и имеется тождество между Совершенством и изначальной причиной. Из изначальной причины потенциально исходят все вселен-

ные, которые в ней в зародыше содержатся. Попытаемся противопоставить друг другу эти два принципа: из этого следует метафизическая невозможность существования зла самого по себе. Мы увидим умножение, делимость, деление: отсюда недостаточность, объективное затемнение, относительное отсутствие. Нигде мы не увидим зла как принципа. И везде, как доказательство нашей метафизической данности, мы признаем, что его не существует. И, таким образом, вместе с этим позорным дуализмом, с этим пагубным заблуждением, с этим изначальным недоразумением исчезают все системы, изобретенные, чтобы его устранить, и все наказания, придуманные, чтобы его покарать.

Здесь нет парадокса. Мы верим, что видим зло в вещах, от которых мы страдаем: это доказательство нашего эгоизма; это также признак нашей несостоятельности. Зло существует лишь в том представлении, которое о нем мы составляем, лишь в том веровании, которым мы его наделяем: оно существует лишь в нас самих. И мы видим относительное зло там, где мы неспособны увидеть отдельное звено в цепи Универсального Блага. Любое заблуждение исходит от нашей несостоятельности и нашей неспособности. Эта несостоятельность исходит, следовательно, от нашей относительности, то есть от нашей формы, то есть от нашего

аналитического деления, то есть от множественности существ. Очевидно, что эта множественность постоянно меняется, что она пребывает во времени, что она объективна. Все представления, которые созданы в ее среде и на ее уровне, не являются, следовательно, ни чистыми Идеями, ни аспектами Истины.

Они мимолетны, неустойчивы, ошибочны. И среди них представление о зле является типичным представлением о недостаточном состоянии того сознания, которым мы обладаем. И чтобы метафизически уточнить ментальное состояние, которое опасно лишь потому, что является наиболее распространенным, необходимо сказать, что наше представление о существовании зла создано только той интеллектуальной бессмыслицей и тем фундаментальным заблуждением, что мы приписываем объективность свойствам, характеру и функциям субъективного и абсолютного.[17]

---

[17] Мы скажем больше по этому поводу при изучении конфуцианства. Но повторим здесь это грубое, даже поверхностное, но весьма поразительное сравнение. Свет существует; его видят; тьмы не существует. Существует только больше или меньше света. Не существует мрака. В самой глубокой ночи есть граница сравнения с не столь темной ночью. Эта граница сравнения – как раз и есть тот свет, который существует, распространяется даже в самом сильном мраке. Но абсолютной тьмы не существует; она даже невообразима, поскольку она может существовать лишь тог-

Применимая к человеческому существованию изначальная причина, которую мы только что превратили в метафизическое выражение, есть не что иное, как Жизнь, принцип, в силу которого рождаются все существа. «Идея жизни, — говорит Чжоу Сю, — это и есть человечность (*Жэнь*) в смысле «солидарности рода». Это слово *жэнь*, которое подразумевает в той же мере, что и непрерывность, совместность существования существ, является наиболее часто повторяемым словом даже в обычной беседе.

Те, кто путешествует по Китаю, с удивлением замечают, насколько прочное место это безличное, изысканное и противоречащее индивидуализму понятие занимает в уме китайцев.[18] Не следует, однако, верить, что это простое соблюдение традиционного обычая, не подтверждаемого практикой.

Вместе с привычкой строгого применения этого понятия народы желтой расы извлекают из него самое высокое непосредственное следствие, вывод о человеческой солидарности, прямым выражением

да, когда ее не видят, то есть если она ускользает от того единственного чувства, которое может ее познать; это и есть бессмыслица в области объективного.

[18] Замечательный пример есть в «Китайском городе» Ж. Е. Симона, консула Франции в Китае («Nouvelle Revue», 1885).

которой и становится *жэнь*, а братские предписания учения о *жэнь* повседневно и повсюду применяются как первая, а также самая естественная из обязанностей.

Таким образом, из метафизической догмы, низведенной на психологический уровень и осуществляемой на практике на уровне социальном — настолько постоянным способом, что такая практика становится и привычкой, и потребностью — вытекают относительное благополучие и благотворная стабильность народа и учреждений. Было бы любопытно доказать достоверность этой истины, применяемой вплоть до ее последних следствий, и показать оригинальное, но в то же время простое и насколько возможно совершенное решение тех социальных вопросов, которые сегодня так сильно волнуют Запад.

Вот что по этому поводу говорит Традиция:[19] «Если наряду с идеей жизни представить зло других идей, то сразу же возникает жалость; если речь идет об отвращении, которое внушает порок, возникает долг; если речь идет о скромности, то это благопристойность и подчинение Ритуалам; если речь идет о „за“ и „против“, то это Разум».

---

[19] *Чжоу Сю*. Темы рассуждений.

Эти чередования, таким образом располагаемые, дают объяснение тех чудесных и логичных последствий, которые естественным образом из этого следуют. Мы их будем изучать в тот момент, когда обратимся к конфуцианской философии; но мы определим далее, что общее поведение народа и граждан выводится следующим образом: к относительной необходимости существования и совместного обитания подданных, и к связи признанных интересов применяется один и тот же принцип, который преобразуется в зависимости от каждой частности в особые качества, имеющие в основе силу тетраграммы. Так мудрый человек определяет свои действия, оценивая материальные и социальные объективности через научную и метафизическую субъективность. Именно от *Жэнь* (или социального Тянь Ян), расположенного перед состояниями человеческой жизни, зависит рождение и исполнение качеств, которые делают человека добрым, то есть счастливым.

В то время как первый термин тетраграммы обозначает «Исток или дар бытия», второй термин (*хэнь*) выражает «Свободу Действия неба». Существа, гласит Великий комментарий, начинают вступать в поток форм. Между ними нет различия, но они начинают овладевать вначале единообразным существованием,

затем внешними формами, которые будут отличать их в наших глазах. Имеется, следовательно, единообразное существование, затем существование многообразное; что касается бесформенного существования, то о нем здесь не упоминается, так как оно как раз и является совершенством. И о нем может быть упомянуто лишь в связи с совершенством. Это Вечность. Само по себе существование не образует какого-то особого вида творения и логически не может быть его частью; нельзя предположить, не впадая в абсурд, «спонтанное порождение» на метафизическом уровне, а также, возможно, и на любом ином уровне. «Корень» Вселенной вечен, и, следовательно, необратим; все, что существует, существует вне форм. Здесь раскрывается как аксиома та столь часто затемненная и неведомая истина, что все, что является бессмертным, является и вечным.

Если бы это не было использованием термина, непригодного для выражения ложного образа верной идеи, то можно было бы сказать, что такая «Свобода» представляет собой момент творческой воли, непосредственно предшествующий моменту действительного творения; между первым и третьим терминами тетраграммы второй является невоспринимаемым для человека, но необходимым для логики понятий.

Одно грубое сравнение позволит лучше подчеркнуть значение символа: вода в канале, сдерживаемая с трех сторон каменными склонами, а с четвертой — воротами шлюза, уравновешена и неподвижна. Но вот шлюз внезапно открывается, вода теряет равновесие и резко устремляется к нижней ступени. Так, можно предположить, что заслонка шлюза поднимается в одно математическое мгновение; это мгновение — не то, когда вода начинает течь, но немного ему предшествует: так как вода падает лишь потому, что препятствие исчезает, и следствие никогда не может точно совпадать с той причиной, которая его производит. Имеется, следовательно, недоступный восприятию и мимолетный момент, когда вода уже не находится в равновесии: она только собирается падать. Это момент, который в тетраграмме Формирования Вселенной Свобода (*хэнь*) образует между потенциальностью творческой воли и возникновением форм.

Но на метафизическом уровне этот момент, который является одновременно и геометрическим пространством, и «состоянием универсального сознания», безграничен. Если нам он кажется кратким и неуловимым, то только потому, что сила, которая его заполняет, для нас непостижима, и наши бессильные чувства смешивают на этом уровне поня-

тия бытия и времени, освобожденные от несовершенства действия.

Третий (*ли*) и четвертый (*чжэнь*) термины тетраграммы, благо и совершенство, кажутся непосредственно связанными. Третий термин выражает видоизменение, которое форма привносит в существа: четвертый термин выражает то преимущество, которое должно последовать из этого видоизменения, если те, кто его получили, придерживаются каждый своего пути. «Путь овладения, — говорит Чжоу Сю, — это видоизменение и преображение; преображение — это совершенное (или законченное) исполнение видоизменения».

До третьего термина творение в волевом состоянии отождествлялось с Бытием (творческой волей, активным Совершенством, Тянь) и не выходило из него; после третьего термина оно все еще является Бытием (Тянь), но пребывающим в потоке форм и, как следствие, в тех различных существах, которые нам известны. Преимущество, которое следует из появления форм, в соответствии с волей неба, — это и есть четвертый термин.

«Работа творения, говорит Чжоу Сю, — это смысл жизни». Жизнь не является на самом деле неизбежным следствием творения, но только его разновидностью,

случайностью.[20] Акт творения ни в коей мере не включает в себя, по крайней мере в своей сущности, того, кто дает жизнь; так как в основании активного Совершенства (Бытия в себе) нет места для аналогичного и параллельного существования; дать жизнь — это грубый перевод выражения «создать форму». Одной из форм, в которой Бытие и все существа пребывают, может быть жизнь, какой мы, земные создания, ее понимаем. Но она является лишь одной из бесчисленных форм творения (его видоизменений). Следовательно, творение не включает в себя только всех живых существ: оно включает в себя также всех неживых, то есть все формы. И отметим мимоходом, что сознание ни в коей мере не является внутренне присущим жизни.

Форма — это прямое средство видоизменения; преображение — это окончательная цель, то есть восстановление единства вне форм. Как раз следуя этому пути и достигая его увенчания, воля неба и исполняется, а четвертый термин тетраграммы реализуется.

Мудрец Ши-Пинь-Вэнь нашел очень точное выражение, весьма редкое на Дальнем Востоке, для всего произведения, включенного в тетраграмму. «Видо-

---

[20] См. у западных интуитивистов: И зло, называемое живым, наконец побеждено (*Э. По*).

изменение, — говорит он, — это механизм, который производит все существа; преобразование — это механизм, который поглощает все существа». Здесь вся восточная Книга Бытия. Нет творения (в том механистическом и материальном смысле, который обычно связывается с этим выражением); но есть порождение существ посредством видоизменения Бытия, и ничего более; видоизменение образует настоящий момент, бесконечно малую частицу которого мы видим в земной жизни; преобразование обозначает возвращение существ, пребывающих в видоизменении, в неизменное Бытие, и это механизм, который возглавляет это поглощение. Путь неба, следовательно, включает в себя одновременно и выделение форм, и возвращение в состояние вне форм.

С человеческой точки зрения смерть — это один из моментов творения, и нельзя утверждать, является ли она преддверием преображения, или только видоизменением, которое в нормальном ряду деятельности непосредственно следует за видоизменением жизни.

С точки зрения «движения», следующего за волей неба, текст Ши-Пинь-Вэня устанавливает принцип инволюции и эволюции, но, возможно, не в смысле нисхождения и восхождения, и даже явно не в смысле разложения и восстановления, но в значении «путе-

шествия вовне и возвращения вовнутрь» посредством потока форм, источник и устье которого совпадают (и это ни в коей мере не окружность, если брать математический образ).

Итак, видоизменение и преобразование включают в себя проявление воли неба (изначальной причины) во всех феноменах творения, материальных и нематериальных: первое видоизменение является началом феноменов; завершение преобразования посредством окончания последнего видоизменения, — это цель, конец творения. Все это включается в третий термин тетраграммы; и нормальная последовательность видоизменений и преобразований (3-й термин), соответствующая изначальной причине и следующая за Свободой, производит совершенство (4-й термин), предусмотренное небесным творением.

4-й термин — это, следовательно, непосредственная и неотвратимая эманация 3-го термина, ничем не сдерживаемого, то есть на человеческом уровне человеку необходимо лишь раскрываться, следуя по своему пути, для того чтобы пришло счастье. Поэтому считается, что два последних термина формулы внутренне связаны друг с другом, и должны изучаться вместе.

Следствие изречений Ши-Пинь-Вэня является очевидным и неизбежным; оно, впрочем, объясняется

в текстах других комментаторов; после совершенного исполнения преобразования, когда поглощение видоизменений произошло, имеет место возвращение к началу формулы, то есть к изначальной причине. Итак, поскольку все существа возвращаются к активному Совершенству (тянь), а оно является, в сущности, активностью неба, Путь, прошедший через все термины формулы, существует всегда и будет существовать вечно. Следовательно, здесь перед нами начало нового цикла, который видоизменяется и преобразуется так же, как мы это видели на примере какого-либо цикла, взятого случайно; но это ни в коей мере не означает, что все существа должны проходить по одной и той же стороне потока форм. Переведенная на человеческий уровень, эта истина гласит: все формы существуют, видоизменяясь и преобразуясь посредством одного и того же механизма, но имеющие форму существа не могут пользоваться своими прошлыми и настоящими формами, чтобы предсказывать свои формы в будущем; творение не меняется, но имеющие форму части, которые мы обнаруживаем, являются объектом изменения, или, если угодно, движения вперед; существует одна сущность в различных видах, в вечной последовательности циклов так же, как она существовала одна, пока изначальная причина не открыла в формах Вселенной врата Пути.

Найдем математическое продолжение формулы и скажем, что преобразование мыслится как последний цикл, который преодолевают четыре термина тетраграммы, абсолютно не выходя из *Совершенства*. И таким образом мы прикасаемся к общей истине относительно последних судеб Вселенной и Человечества, к высшему и триумфальному применению Примордиальной Традиции.

VI. ЗАКОНЫ ПЕРЕМЕН

Некоторые рассуждения на предшествующих страницах уже могли дать почувствовать, в каком смысле должна быть решена проблема судеб Вселенной, и в том числе и судьбы нашего настоящего человечества (общей судьбы того, что в актуальном видоизменении носит имя человечества), проблема, которая не является одной из самых важных, но которая с нашей личной точки зрения наиболее интересна.

Метафизическая активность Совершенства (Тянь) распространяется на все сущее; наши судьбы вытекают из нее как прямое следствие. Так же строго, как формы Вселенной или какие-то иные понятия и сущности, наша судьба регламентируется универсальным Путем, от которого ничто не ускользает, и символическим восхождением Драконов.

Но рассмотрим далее, каким вообще способом мы должны рассматривать судьбы Вселенной, и наскольк-

ко забота о нашем земном существовании, о том, что ему предшествует, и о том, что за ним непосредственно следует, является лишь частной заботой. Специализация вопроса такова, что ни идея, ни сама граница такого существования не заслуживает того, чтобы фигурировать в общем изложении.

Это лишь детальное приложение, которое мы будем изучать отдельно, поскольку сегодня мы зависим от человеческой стадии существования; но это лишь совершенно незначительная сторона проблемы, которая не заслуживает специального изложения и которая служит здесь лишь удовлетворению естественного любопытства человеческого существа относительно непосредственного конца его актуального видоизменения, и относительно его перехода к последующему видоизменению за пределами этого человеческого состояния и выше него.

Повторим здесь с еще большей силой то, что было лишь на скорую руку набросано выше: акт творения явно и неотвратимо не содержит в себе акта дарования жизни (земной, или аналогичной той жизни, которую мы на этой земле видим). Даровать жизнь — это один из переводов выражения «пребывать в потоке форм»: одной из форм, в которых существа пребывают, может быть жизнь, какой мы, земные существа, ее знаем, но

она является лишь одним из бесчисленных ликов наших видоизменений; жизнь, следовательно, не является неизбежным следствием, но есть только случайное проявление творения.

Необходимо, следовательно, остерегаться в дальнейшем пренебрегать впечатлениями и чувствами, зависящими от нашего настоящего состояния сознания, и соотносить доводы с последовательностью форм в общем существовании, а не с частным существованием в одной-единственной форме. Только так мы полностью поймем значение системы китайских магов, и постигнем ее решение во всей его синтетической полноте.

∴

Мы видели: Совершенство активно; его активность бесконечна, свободна (то есть последовательна в своем принципе причинности) и правильна (то есть регулярна и гармонична). Таким образом, все судьбы (прошлые, настоящие, будущие, разумеется, так как слово «судьба» не подразумевает понятия будущего), все судьбы Вселенной образуются деятельностью, непрерывностью, причиной и гармонией.

Человечество — это одна из форм того потока, в котором пребывают существа, обособляясь от Бы-

тия, формально, но не по своей сущности. Оно, следовательно, является одним из аспектов пассивного Совершенства, и одним из видоизменений, посредством которого Вселенная направляется к преобразованию, то есть к механизму восстановления. Таким образом, Совершенство является движущей силой Человечества (причинностью), подобно тому, как единая материя — и, следовательно, вечная и лишенная форм — является движущей силой материи делимой, множественной и временной. Это объективные модусы субъективности.

Человечество, рассматриваемое даже до его рождения, а также после его земной гибели, — является с метафизической точки зрения одной из Форм Вселенной (а земное человечество есть одно из видоизменений этой формы). В той же мере и настолько же точно, как и все остальные, без малейшей возможности какого-то особого отношения, эта форма исходит из Совершенства благодаря Принципу деятельной причинности, проходит через все видоизменения и достигает преобразования, посредством которого она воссоединяется с Совершенством. Ни одна форма не ускользает от этого вечного закона, и это и есть Гармония; это гармония Пути, Дао, первое и совершенное определение которого мы здесь обнаруживаем и ко-

торое мы будем основательно изучать в философской системе Лао цзы.[21]

Уточним на обычном языке следующий неизбежный факт: Человечество исходит из Бесконечности; Человечество возвращается в Бесконечность. Мы должны даже сказать, что оно ее никогда и не оставляет, и что все видоизменения производятся с течением Бесконечности: это соответствует не только закону Гармонии, но и здравому смыслу. Так как если бы одна частица Человечества не следовала бы другим частицам этой формы во всех своих видоизменениях и в окончательном преобразовании, общем для всей Вселенной, эта частица могла бы лишь исходить из Бесконечности, существовать вне Бесконечности, располагаться в стороне от Бесконечности. — Так, если и можно иногда выйти на уровне чисел из математической Бесконечности, то нельзя, в сущности, выйти из метафизической Бесконечности, не опасаясь уничтожить понятие и саму идею этой Бесконечности. Такое доказательство от абсурдного может не удовлетворить проницательного человека; тем не менее, оно остается неопровержимым. Мы все подобны точкам на поверхности цилиндра, которые могут

---

[21] Было бы правильным теперь отметить, что доктрина Лао цзы прямо исходит из «И-цзин» и Примордиальной Традиции.

казаться принадлежащими какой-то прямой или плоскости, направленной по касательной к этой поверхности, но которые тем не менее являются неотъемлемой частью не только поверхности, но и объема цилиндра в качестве функций этого объема.

Мы все, видимые и невидимые формы Вселенной, являемся эманациями Бесконечности: мы никак не можем из нее выйти, мы всегда с ней, в сущности, связаны; и мы останемся и после пребывания в мире форм в этой Бесконечности, неуловимыми, микроскопическими, но непреложно необходимыми молекулами которой мы никогда не перестаем быть.

Эта доктрина обязательна для нас как аксиома, и никакое откровение не может стремиться навязать нам противоположное верование; никакая хитрость, извлеченная из значения следствий, не может преобладать над этой истиной, настолько ясной, что само ее доказательство является, так сказать, неосязаемым.

∴

Я не хотел бы здесь вдаваться в дискуссию; и тем не менее один пункт необходимо прояснить не ради тщетного усилия убедить противников, решивших для себя все и навсегда, но ради того, чтобы развеять

колебания некоторых умов. Доктрина, которую мы только что изложили, не является пантеистической. Именно это возражение западная религия, познание и наука охотно адресуют священным традициям Индии; разумеется, адепты этой традиции не утруждают себя защитой от этих страстных и безосновательных нападок. Что касается нас самих, то мы ни на мгновение не желаем задерживаться на таком обвинении в духе грубого идеализма и хотим сразу же его предупредить и разоблачить.

Мы не пантеисты; мы не имеем права заявлять, что все мы Боги, не больше, чем потерянная рука Венеры Милосской имеет право заявлять, что она и есть Венера Милосская. Вселенная ни в коей мере не обладает лишь своей собственной Сущностью; материя ни в коей мере не имеет лишь свой собственный субстрат; есть также природа и качество; и вместе с субстратом это и есть аспекты метафизической триады, которая настолько же истинна, как и существование земной Триады или ипостаси Триады небесной. — Мы еще обстоятельно вернемся к этому, когда речь будет идти о психологии. В данный момент будем знать, что метафизическая триада — это ни в коей мере не небесная Триада, и тем более не Божественное Единство, и сказать *быть Богом* — вовсе не значит *вернуться к*

Богу, без чего все христиане были бы еще более грубыми пантеистами. В метафизической триаде одна лишь Сущность обладает Совершенством; но природа и качество зависят от потока видоизменений; они точно так же временны, и они, следовательно, ни в чем не могли бы принадлежать Бесконечности; и существа, для которых они представляют собой случайные, но объективно неизбежные условия и функции, не могли бы смешаться с Бесконечностью.

Будем, таким образом, в данный момент разговаривать на западном языке; так как здесь он полностью соответствует восточной догматике и становится, так сказать, универсальным языком: то, что отличает нас от Бога, это не сущность, так как все мы принадлежим к божественной сущности (и само христианство признает и рекомендует такой вывод); это природа и качество, второй и третий термины метафизической триады. Эта природа и это качество как раз и являются уделом существ, пребывающих в потоке форм; именно эти термины в последовательности видоизменений ясно выражают форму. Можно сказать, что в наших глазах сами они и являются формой. Но что же такое, в самых общих чертах, форма? Форма, выражаясь геометрически (а также философски), это контур: это *видимость Предела*.

Предел как форма — вот что нас определяет, обособляет, *разделяет*. Эта делимость до бесконечности, которая и является пребыванием в формах, как раз и отделяет нас от Бога. *Между Богом и нами имеется Предел*, то есть определяющее свойство любого творения. И между нами и Богом нет ничего, кроме *Предела*, поскольку, если он устраняется, то и любое творение исчезает, и остается лишь Универсальное Единство.

Осмыслим глубоко эту теорему; так как она содержит целостное объяснение Вселенной, если нам угодно напомнить себе, что *Предел* или Формы, или *Поток Форм* (так как все мы говорим здесь на одном и том же языке) включает в себя не только, как думают дети, линии или контуры, но также и функции веса, объема, плотности и все понятия и перцепции, которые образуют внешние и явные дифференциации молекул Материи.

Мы намеренно используем здесь самую низкую терминологию; мы делаем это, чтобы сделать наиболее поразительным то, что является самой важной из истин, доступных пониманию человека.

Такое доказательство сразу же относит нас к разряду тех, кто повсюду желает находить классификации, роды и виды и кто считает, что ученые должны

безусловно разделяться по темам и в соответствии с формулами. Мы ни в коей мере не являемся пантеистами, еще меньше мы «натуралисты». Но находясь на одинаковом расстоянии и от чистых мистиков, для которых очевидна лишь тайна, и от материалистов, для которых очевиден лишь контроль пяти человеческих чувств, мы являемся *позитивными идеалистами.*

Мы знаем, что наш разум, что наш рассудок считает себя несовершенным; и, несмотря на это, при всем контроле, который он осуществляет над восприятиями и ощущениями, которые предоставляет нам наша человеческая форма, мы признаем, что мы не должны принимать на веру, как это делают материалисты, то, что наше чувственное познание объявляет истинным или очевидным; мы даже вынуждены заявить, что эти ограниченные истины и эти очевидности на самом деле не могут быть истинами и очевидностями именно потому, что они кажутся таковыми ограниченным инструментам и неудовлетворительным регистраторам.

Но не в большей степени, чем опыту наших чувств, мы могли бы полностью и априорно довериться и утверждениям нашего разума. Так как первое следствие нашего рассуждения заключается в том, чтобы показать нам наш ограниченный и неполно развитый разум.

И он ограничен именно потому, что он воздействует на существо, которое видоизменяется, в потоке форм, то есть в рамках предела. Мы не должны восставать против того, что материалисты называют непостижимым и в качестве такового отвергают. Нет непостижимых вещей, есть только вещи, *в настоящий момент непонятные*. И поскольку мы знаем, что мы ни в коей мере не являемся совершенными, что мы находимся на неопределенной, но не высшей ступени эволюции, мы знаем, что мы не можем быть существами, знающими все. Наш рассудок пребывает на циклическом уровне других сторон человеческой композиции; и, следовательно, вместо того чтобы отбросить непонятное, мы должны заявить, что на настоящей нашей стадии явно непонятное является философски неизбежным, и что наличие этого относительно непонятного является критерием — и самым лучшим — позволяющим нам узнать, что мы движемся к истине. — Именно в этом мы ни в коей мере не материалисты, и именно в этом мы, наоборот, являемся, по сути дела, идеалистами.

Но к этим туманным понятиям мы не испытываем слепой веры. И на эти абстракции, в настоящий момент загадочные, мы отказываемся взгромождать какую-либо психологическую систему, какое-либо нравственное правило, какую-либо сентиментальную

религию. Это неизвестное наполняет нас не надеждой или разочарованием, но только любопытством и страстью. Мы чувствуем, нет, что я говорю, мы знаем, что нет ничего угрожающего в этом неизвестном, потому что его тайна покоится не в нем самом, но в одной лишь нашей случайности, и что, как следствие, это относительная тайна, в которую нам суждено проникнуть в тот час, когда орган познания (которым сегодня является наш физический глаз) возвысится до уровня ее ви́дения. — Весь наш разум должен стремиться к тому, чтобы «сокращать расстояния», то есть видеть, как исчезают пределы. Мы не сгибаем колени перед тайной; мы возвышаем до нее наш рассудок. В этот час мы станем самой этой тайной; и сегодня мы можем лишь смеяться над ужасами и угрозами, которые возвещаются от ее имени. — И, несмотря ни на что, мы утверждаем, что такая отвага представляет собой наилучшее средство достичь знания и что даже в христианской доктрине (которую нам угодно принять за доктрину коленопреклонения) небо принадлежит лишь сильным. Пытаться проникнуть в тайну — единственный способ ее почитания, который у нас имеется. Тот не уважает своего отца, кто поворачивается к нему спиной, страшась его лица и его взгляда. Ничего не воздвигать на тайне, но заключать ее в объятия, чтобы

понять, зная, что наши усилия, неспособные на успех в нашем актуальном состоянии, зачтутся нам в наших последовательных видоизменениях ради конечного преображения — таково наше правило.

Вот в чем мы ни в коей мере не мистики, но решительные позитивисты. И такой метод не имеет ничего противоположного нашей идеалистической доктрине. Совсем наоборот, он еще сильнее укрепляет наш разум. И мы считаем, что — как это и происходит каждый день в бесконечном прогрессивном развитии науки (начиная от лягушки Вольта и до солнечных электрических волн) — бесконечный прогресс Человечества, которое изменит свое имя, природу и качество, и сохранит только свою Сущность во всех видоизменениях, к которым оно стремится, этот бесконечный прогресс возвысит его до уровня всех неизвестных, окончательное видоизменение которых состоит в том, чтобы стать аксиомами.

Так и Вселенная проходит до окончательного преобразования через все видоизменения, которые минует поток форм. Определим законы этого потока. Они соответствуют принципам активности, гармонии и блага, через которые обнаруживает себя Совершенство в формуле тетраграмматона Вэнь Вана.

И мы должны применить эти принципы к законам потока форм, чтобы уточнить его параметры и его элементы с точностью, которая зависит больше от математики, чем от философии.

Существа движутся, они меняются; таково следствие изначального принципа, причинности, которая является единственным проявлением Совершенства, то есть небесной воли. Можно ли вообразить, что существа остановятся? Нет, так как следовало бы, чтобы вызвать такую остановку, предположить, что небесная воля противоположна воле, удерживающей их в движении, и совершенно невозможно, чтобы небо обнаруживало два принципа, противоречащих друг другу. И таким образом, поскольку движение есть (а именно это даже объективно нельзя отрицать), движение будет всегда, то его можно определить: Вечное Обнаружение Совершенства. Тем самым принцип причинности удовлетворяется. Но чтобы даже на короткое мгновение не возникло возможной ошибки, скажем, что не следует смешивать Вечное Движение с «вечным творением» или с «вечным переходом в поток форм». Мы еще дадим определение тому, что такое Вечное Движение и Вечное Действие, но было бы на самом деле ребячеством пытаться придать направление всему движению в целом или найти движущую силу для

всех действий в целом. И следовательно, можно понять еще до определения ту конечную цель, к которой ведет принцип причинности.

Как же закон активности заставляет существа изменяться? Непрерывность перемен соответствует лишь причинности; деятельность требует действия; действие, каким бы оно ни было, соответствует деятельности; но повторение действия, каким бы оно ни было, разве не образует оно действия? Мы вынуждены ответить, что нет; так как с точки зрения самого действия его повторение образует монотонность; а с точки зрения движущих сил действия мы видим, что одно и то же действие порождается разными движущими силами, действующими под одним и тем же импульсом, с одной и той же силой; непрерывность действия не является, следовательно, деятельностью; это наоборот, после приведения в движение, неподвижность движущего принципа. В результате принцип деятельности удовлетворен не одним-единственным действием, не одним и тем же действием, повторяемым дважды или до бесконечности, но бесконечным рядом действий, которые вызваны различными движущими силами и которые, как следствие, не могут быть абсолютно тождественными. Следовательно, в силу принципа деятельности дважды не проходят че-

рез один и тот же поток форм. И нам абсолютно запрещено верить в метемпсихоз, по крайней мере в тот неожиданный и грубый метемпсихоз, который с большим трудом извлекается из буддистских и пифагорейских доктрин и который в действительности там не обнаруживается.[22]

Но, наоборот, исчерпав форму и все обстоятельства видоизменения, мы непреодолимо переходим к другому видоизменению с логической уверенностью, что мы никогда не вернемся к тому, что только что оставили.

Каким же образом непрерывное и разнообразное движение может соответствовать закону гармонии, которая является третьим термином в формуле тетраграмматона Вэнь Вана? (Заметим мимоходом, что закон гармонии может быть удовлетворен лишь разнообразными действиями, так как нет гармонии в повторении: гармонические отношения могут установиться как алгебраические или геометрические лишь между различными количествами). Гармония не удовлетворяется пропорциями (в математическом значе-

---

[22] Закон возрождения совершенно иной. Но теперь мы утверждаем, что он реален и логичен, включая все те счастливые следствия, которых человечество от него ожидает как с точки зрения своего конца, так и с точки зрения своей индивидуальности.

нии) изменений; то есть какая-либо форма неизменно удалена от той, что ей предшествует, и той, что за ней следует, а все видоизменения неизменно удалены друг от друга. Таким образом, ряд видоизменений может быть математически передан прогрессией (арифметической или геометрической), прогрессией, направленной к «метафизическому пространству», которое объективно не может быть достигнуто. Так на самом деле раскрывается закон гармонии.

У него имеется и другое следствие, которое непосредственно касается существ, пребывающих в видоизменении: это неизменность направления и последовательности видоизменений, через которые проходят все существа. Так как подобно тому, как деятельность запрещает дважды проходить через одну и ту же форму, так и гармония запрещает возможность не проходить через все формы, и поэтому имеется множество потоков форм. В этой логической необходимости мы теперь, будучи другими человеческими существами, обнаруживаем залог братского родства наших умов и параллелизм наших усилий.[23] И сохраняют ли они об этом союзе воспоминания, или утрачивают их, он

---

[23] Мы вернемся к этому в части VIII, озаглавленной «Условия индивидуального существования».

остается нерушимым у тех, кто в ходе видоизменения объединяет свои усилия; они аналогичным образом окажутся рядом друг с другом и в тех видоизменениях, которые возникнут.

Наконец, четвертый закон требует, чтобы непрерывное движение, разнообразное и гармоничное, было благоприятным и вело бы Вселенную к Совершенству. Непреклонная логика китайских магов ведет нас здесь к наилучшей проницательности относительно наших судеб. Желаемые Совершенством, определяемые как точное следствие этого желания, перемены могут быть только благоприятными и могут производить лишь превосходный результат для существ, являющихся для этих перемен материалом. Скажем для сведения, что нет восстановления вне Совершенства. Нет пространства ни физического, ни геометрического, ни метафизического вне Совершенства. Нет, следовательно, ничего, кроме счастливого окончательного восстановления. Такова необходимость четвертого закона. Но если мы сочетаем его следствия со следствиями третьего закона, мы сразу же поймем, что нет существенного различия в судьбе существ, пребывающих в видоизменении, что нет места для каких бы то ни было падений, которые нарушали бы закон блага, если бы они

имели общий характер, и которые бы нарушали закон гармонии, если бы они были частичными и временными. Переход существ через видоизменения Вселенной является, следовательно, регулярным, непрерывным, гармоничным и благотворным восхождением, причастными к которому Совершенство не могло нас не сделать, поскольку мы являемся его бесконечно малыми частицами и непрерывными эманациями.

Вот каковы, весьма кратко изложенные (так как китайцы создали об этом целые тома, и философы Запада не преминули бы создать столько же), движущие силы Универсальных Перемен. Они настолько характерны, настолько неизбежны, настолько точны, что, с одной стороны, честному человеческому интеллекту невозможно от них уклониться, а с другой — согласно наилучшему из методов нам так же легко свести судьбы Вселенной в один геометрический чертеж, как нам легко свести к шести линиям, без уменьшений, то, что Запад называет «невыразимой Вечностью».[24]

Принцип причинности проявляется в движении; всякое движение в механике передается, по сути

---

[24] Нам будет легко далее показать, как свободная воля человеческого рода прекрасно приспосабливается к устанавливаемым свыше общим законам.

дела, прямой линией; принцип активности проявляется в бесконечном разнообразии, и эта линия не может быть ни окружностью, ни разорванной линией: она может быть лишь линией гиперболы или параболы, подобной той, что описывают кометы в космосе, линией, ответвления которой уходят в бесконечность; эта гипотеза предполагает, разумеется, что мы принимаем во внимание лишь одну-единственную плоскость пространства: но принцип гармонии (который здесь соответствует циклической идее и символизирует все точки возвращения и принцип восстановления), принцип гармонии требует, чтобы видоизменения следовали друг за другом через равные интервалы и были бы одинаково удалены друг от друга: поэтому любая возможная плоская линия должна быть отброшена, поскольку между ее различными частями имеются различные расстояния: линия универсального движения наносится, следовательно, на кривой поверхности; расстояния между элементами этой линии находятся в арифметической прогрессии, чтобы соответствовать закону гармонии. Наконец, закон блага требует, чтобы видоизменения происходили в постоянном восхождении, и поэтому элементы изображения неизбежно и неизменно накладываются друг на друга.

Необходимое изображение резюмируется следующим образом: линия (принцип причинности): неопределенная и никогда не проходящая через одни и те же точки (принцип активности): детерминант кривых, пересечения кривых поверхностей, обвивающие одни из них над другими (принцип блага): все точки одного элемента которых равно удалены от соответствующих точек высшего и низшего элементов (принцип гармонии).

Нет другой такой поверхности, которая лучше бы соответствовала этим необходимым данным, чем цилиндрический геликоид; то есть чтобы линия универсального движения была точным пересечением спирали (кривой плоскости) с боковой поверхностью цилиндра, изображающего циклическое развитие, через которое проходят все существа. Разумеется, цилиндр, изображающий развитие, изображает его лишь с точки зрения нашего глаза, обязанного пересечь неопределенную кривую поверхность, чтобы достичь спирали: но поверхность, вдоль которой обвивается спираль, не имеет ни физического, ни геометрического пространства: она по желанию может либо быть перенесенной в бесконечность, либо предполагаться сведенной к одной только высоте цилиндра; таким образом, радиус основы цилиндра не имеет значения, а в реальности он равен нулю из метафизики чисел.

Единственный элемент спирали, который остается определить, — это ее шаг, то есть расстояние вдоль высоты цилиндра между двумя соответствующими точками его кривой (кривая, заключенная между этими двумя точками, образует один из кругов спирали, а все круги равны между собой); шаг спирали является постоянным (принцип гармонии), и это единственная величина, которую мы не можем определить математически, потому что мы сами пребываем в этом круговом движении и потому что мы утратили память о переходе от предшествующих движений по кругу.

Построим следующее весьма простое изображение: оно должно нас полностью удовлетворить. Из какой-либо точки спирали проведем на боковой поверхности цилиндра параллель его высоте. Мы определим момент развития и видоизменение в целом.

Вселенная (все существа) в силу принципа причинности приведена в движение и пущена в ход по спирали, начертанной на сторонах цилиндра (цилиндр, повторим, гипотетический и изображающий проявление воли неба, предполагаемое в остановленное мгновение, в которое воля включает все движения, из нее исходящие). Возьмем точку, указанную выше, и предположим эту точку началом видоизменения. В момент, когда Вселенная вступает в это ви-

доизменение, если оно предоставлено самому себе, оно следует определенной траектории, с точностью изображаемой касательной к спирали в данной точке. Но оно вдохновляется волей неба (принципа активности) и поддерживается небом (принципом блага): оно, следовательно, описывает указанную спираль, а шаг спирали — это точное математическое измерение *«притягательной силы Божественного»*. Нет прямого средства оценить это измерение; о нем узнают лишь по аналогии (принцип гармонии), как если бы Вселенная в своем настоящем видоизменении помнила о своем прошлом видоизменении и могла бы поэтому оценить обретенную метафизическую величину, и могла бы, как следствие, измерить восходящую силу. Это не значит, что такое невозможно, так как такое легко можно представить; но это недоступно способностям настоящего человечества.[25]

Во время всего движения Вселенной по кругу спирали, изображающей ее настоящее видоизменение, элементы, которые ею управляют, являются аналогичными (гармония) и нетождественными тем, которые управляли ею в предшествующих видоизменениях,

---

[25] Очевидно, что те, кто принимает круг за символ развития, просто забывают о первой причине.

а также тем, которые будут управлять ею в последующих видоизменениях. Изучение настоящего видоизменения Вселенной, если оно правильно предпринимается, может предоставить по аналогии ценные данные о судьбах (прошлых и будущих) всех существ. Это весьма полезный труд для тех, кто может ему предаться самостоятельно.

Дошедшая до конца движения по кругу, рассматриваемого в виде спирали, Вселенная приближается к концу своего видоизменения и переходит к следующему видоизменению, которое является более высоким, как того требует принцип блага. Но спираль везде и во всех своих точках является симметричной; между концом одного видоизменения и началом того, которое за ним следует, нет ни скачка, ни внезапной перемены: переход от одного видоизменения к другому совершается так же логично и так же просто, как и переход от одной ситуации к другой внутри одного и того же видоизменения: Вселенная всегда движется в рамках нормы и равномерно (закон гармонии). Переход неощутим; в нем нет ничего *удивительного* и ничего *болезненного*.

Вселенная, таким образом, переходит к следующему видоизменению, где она последовательно занимает аналогичные положения (гармония) на более высокой

искривленной поверхности (благо). И такое движение длится на протяжении всего развития; будет ли оно вечным? Будут ли видоизменения всегда сменять друг друга? Будет ли спираль бесконечно описывать свои круги вокруг цилиндра без основания? Это уже было сказано и это было обосновано тем принципом, что воля неба, проявляя себя в движении, не может его остановить. Но было бы совершенно неверно представлять движение небесной воли как свойственное переходу из одного пространства в другое, то есть перемещению, в каком бы мире ни желали это перемещение рассматривать. Мы увидим в Книге Лао цзы, объясняющей И-цзин, что «небесное движение» прекрасно соответствует на метафизическом уровне тому, что мы на уровне видоизменений называем покоем. И поэтому здесь нет серьезного возражения.

Когда же ряд видоизменений будет исчерпан? Вселенная, которая их проходит, узнает это, когда она узнает не только измерение шага спирали, то есть притягательной силы Божественного, но и когда она узнает расстояние, которое на высоте идеального цилиндра отделяет ее от Совершенства.

Но какое имеет значение, что в настоящий момент мы не можем сделать такое определение, если мы знаем, как мы его сделаем позже, посредством оценки тех

или иных элементов, и посредством приобретения тех или иных способностей, которых недостает человечеству на данной стадии? Еще раз, математическая логика примиряет нас с нашим недостаточным пониманием.

Образный цилиндр, вокруг которого обвивается спираль развития в соответствии с тем же самым принципом активности, восходит к бесконечности. Так, поскольку параллельные прямые встречаются в бесконечности, то и боковая поверхность, и высота цилиндра встречаются в бесконечности в единственной точке, а пределом цилиндра является конус. Именно эту фигуру и предоставляет нам математика, когда мы рассматриваем конец видоизменений, то есть момент преобразования, то есть идею восстановления. И математика здесь абсолютна и восхитительно точна. Как раз в протяженности высоты цилиндра (ставшей вершиной конуса) и совпадают в единственной точке все элементы боковой поверхности объема, а следовательно и спираль, которая там разворачивается: гипотетический край высоты цилиндра является, очевидно, центром притяжения небесной воли: следовательно, именно в бесконечности развивающаяся Вселенная совпадает с Совершенством. Вселенная не может даже математически ни превзойти Совершен-

ство, ни ускользнуть от него в иной поток форм. Восстановление внутри совершенства — это общая и неизбежная судьба всех существ.

Если еще дальше углубиться в аналогичный символ, представленный геометрической фигурой, то можно утверждать, что после того, как она совпала с Совершенством, Вселенная вновь от него отделяется. Так как конус, даже порожденный цилиндром, предполагающим бесконечность, включает в себя другую коническую полость, противоположную вершине первой; и поэтому Вселенная могла бы начать новое движение по новой конической спирали, а границы полости удалялись бы в бесконечность. Ничто не противоречит этой математической истине. Но она не может быть символически перенесена в метафизику. Так как математическая бесконечность предполагает поверхности Римана и трансфинитные числа; и даже проще, в каждый момент алгебраического анализа приходится воображать понятие за пределами бесконечности. Это самое лучшее доказательство, что математическая бесконечность является не бесконечностью, но метафизической неопределенностью: небесное Совершенство не коренится в неопределенном, оно коренится в бесконечности: и если мы и можем принять неопределенное за образ бесконечного, мы не можем приме-

нить к бесконечности рассуждения о неопределенном. Символизм является нисходящим, а не восходящим.

Отдадим должное еще неведомым, но логичным и понятным чертежам небесной воли; и бесстрашно обратимся к неизбежно счастливому ходу и окончанию Судеб Вселенной.

VII. СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Если обратиться к цилиндру и к спирали, изображающим судьбы Вселенной, управляемые законами Перемен, то придется отметить, что и частные судьбы Человечества управляются теми же самыми законами столь же точным и незыблемым способом, и что следует лишь совершить логическое и адекватное применение этих законов к человеческому состоянию, чтобы получить решение тех проблем, которые в той или иной мере беспокоят наш род.

Человеческий цикл — это один из элементов спирали; вероятно, он является одним из витков; и человеческая жизнь может быть определена как начинающаяся и заканчивающаяся вместе с рассматриваемым витком, то есть как ограниченная в своих крайних точках двумя пересечениями витка с параллелью высоте цилиндра, проведенной через какую-либо точку его боковой поверхности.

Это следствие наших предыдущих предположений сразу же показывает, что человеческий цикл является совершенно нормальным циклом, что человеческое видоизменение не имеет рядом с другими видоизменениями, ничего удивительного и чудесного и что нет никаких частных решений или преобразований, которые следовало бы к нему применять.

Необходимо особо подчеркнуть, что нет ничего необычного в человечестве, и тем более в судьбе, которая его ожидает; единственная необычная вещь, которая возможна, — это то, что оно было не совсем тем, чем является. Оно на своем естественном месте является частью видоизменений Вселенной; оно представляет собой один из нормальных элементов Развития. Ничто не было «создано» для человека; ничего особенного человека не ожидает; он появился оттуда, откуда все появилось, он идет туда, куда все возвращается; и состояние, в котором он себя обнаруживает, имеет не больше значения, чем остальные.

Мы наделяем его величием, потому что мы в тот момент, когда мы о нем говорим, сами им и оказываемся; и это весьма разумно, если мы связываем с ним просто более сильное любопытство. Но мы имеем лишь наивное тщеславие, если это любопытство оборачивается для нас требованием особого отношения

к человеку; нас необходимо убедить — и это трудно и для нашей гордости, и для тех, кто пытается спекулировать на преимуществах, — что человек не пребывает в низшем положении, что он не находится в привилегированной ситуации, что он просто является таким, каким он и должен быть; что он не является ни исключительно счастливым существом, ни исключительно несчастным, и что он не заслуживает ни хвалебных восклицаний, ни снисходительных ругательств, которыми религиозные тексты поочередно его то изумляют, то порицают.

Человек — единственный, кто имеет душу, восклицают некоторые льстецы, которые стремятся, как и все им подобные, извлечь пользу из своей лести. Это предположение настолько же неверно, как и то, в котором утверждалось бы, что человек — единственный, кто имеет тело. И на самом деле это предположение ложно как в его общем смысле, так и в его претензии на истину. Человек, разумеется, имеет что-то такое, что его отличает, как далее мы намерены уточнить: это сама характеристика человеческого состояния. Но меняющиеся существа, которые за нами следуют и которые нам предшествовали, в той же мере обладают пост-человеческими и пред-человеческими характе-

ристиками, и мы не имеем права собой гордиться, так как именно закон активности их им предоставляет, и они не могли бы не приобретать их последовательно.

Но человеческая композиция, так же, как и любая иная, не включает в себя ни одного элемента, который обнаруживался бы только у человека. Это композиция, свойства которой обнаруживаются лишь у человека только с определенными коэффициентами, но последовательные элементы которой встречаются в одном или нескольких смежных состояниях; они не принадлежат человеку; человека создает одно лишь их объединение.

Математический чертеж показывает нам вполне регулярную и скоординированную спираль; ни одна точка не является эксцентричной; все являются регулярными и последовательными элементами, порождающими фигуру; человечество находится на одной из этих точек или, лучше, на одном из витков, состоящих из этих точек. Оно является, следовательно, совершенно нормальным; оно не располагает предпочтительным отношением Божества, и мы должны убрать в древний арсенал нашей гордыни и наших ужасов те похвалы и угрозы, которые были нам торжественно предоставлены во имя того привилегированного положения, которое является не чем иным, как бе-

зумным представлением, полностью противоречащим принципу развития и самому Совершенству.

Обратимся к спирали развития в точке пересечения, созданной параллелью высоте цилиндра на боковой поверхности; эта параллель разрезает все круги спирали; между двумя последовательными точками пересечения изображается виток Человечества: нижняя точка пересечения — это точка начала витка и нашего актуального положения. Это момент, когда Человечество рождается.[26]

Оно рождается, то есть оно выходит из предшествующего видоизменения без скачков и потрясений, поднимаясь по плавной кривой посредством непрерывного вращательного движения, вызванного притягательной силой Совершенства. — Закон причинности — это источник этого рождения, источник постоянства этого рождения, по крайней мере до тех пор, пока будет существовать поток форм: так как человеческая форма может раствориться во Вселенной; она, конечно же, и растворится в ней, но она не может окончательно погибнуть в том негативном смысле,

---

[26] Мы говорим о Человечестве, а не о человеке в отдельности. Мы изучаем здесь коллективного человека. Именно свободная воля рода и создает из коллективного человека индивидов.

какой наша объективность сообщает этому грамматическому термину, то есть медленно закончит свое существование по истечении срока своей формы и при ее замене другой, но она не завершится при полном движении внезапной катастрофой, которая разрушила бы единообразный ход ее судьбы. Предоставим поэтому без долгих рассуждений, на самом деле бесполезных, конец мира доброму королю Роберту, а замерзание нашего земного шара Камилю Фламмариону: эти гипотезы безосновательны, и в том случае, когда их рассматривают как материально и физиологически осуществимые, они нисколько не влияют ни на человеческую форму, ни на судьбы человечества. Земной шар, как носитель жизни, мог бы погибнуть лишь тогда, когда он стал бы бесполезным. То есть человечество не погибло бы вместе с планетой, но планета погибла бы, когда она перестала бы служить театром для человечества. И все это лишь излишние и поверхностные случайности.

Закон деятельности толкает человечество после его рождения по спирали его особого развития; человечество никогда не остается неподвижным на одной точке этой спирали, и оно никогда не проходит дважды по одной и той же точке. Значит ли это, что человеческий цикл состоит только из земной жизни, и что

нам никогда не придется после смерти вернуться на планету? Был бы весьма самонадеянным тот, кто дал бы определенный ответ на этот вопрос, каким бы этот ответ ни был. Разумеется, мы никогда не преодолеем то человеческое состояние, через которое мы сейчас проходим, так как закон деятельности, закон гармонии и закон блага были бы полностью нарушены. Но существует ли только «человеческая композиция» на земле? И только ли на земле может видоизменяться «человеческая композиция»? Попытаемся ответить по аналогии на эти столь волнующие вопросы.

В трех царствах, которые известны нам на нашем земном шаре, животное царство видит и ощущает растительное царство и царство минералов; растительное царство предчувствует и не видит; царство минералов и не предчувствует, и не видит.[27] Вот в целом то, что подпадает под наши чувства. Но мы предчувствуем, хотя и не видим, иную материю, нежели та, что классифицирована в этих трех мирах. Все то, что является электричеством, психикой, блуждающими силами, — это и есть материя, которая не подпадает под наш чувственный контроль и по отношению к

[27] Таково по крайней мере состояние современной экспериментальной науки.

которой человечество является тем же, чем растение является по отношению к человечеству. Можно продолжить эту аналогию. Минерал не ощущает, что мы его бросаем и что мы им пользуемся; мы вполне можем быть бессознательными инструментами земных существ, которые не имеют ни одного из наших пяти чувств, которые нам неведомы и которые используют наш разум так, что наш разум об этом не знает, точно так же, как наша воля использует минерал.[28] Мы управляем животными, растениями и металлами: почему, если это не следствие нелепой гордыни, никто не может управлять нами, и почему не может быть никакой формы Вселенной между Богом и нами? Это совершенно нелогично и начинает даже противоречить последним открытиям наук о психике и разуме. Эти высшие существа, эти бесспорно существующие, хотя и неизвестные сущности, эти абсолютно нормальные формы Вселенной — не являются ли они находящимся на более высокой ступени Человечеством? Кто осмелится утверждать, что это так? Но кто осмелится утверждать, что это невозможно?

---

[28] Предположение дает людям власть над другими существами, которые утрачивают свою волю в воле своих временных хозяев; было бы безумием утверждать, что наша гипотеза не основывается как на экспериментальных данных, так и на аналогии.

А с другой стороны, не является ли человеческий цикл неизбежно ограниченным той ролью, которую он, как мы видим, играет на этой земле? Разве человеку, чтобы оставаться человеком, не нужно ходить по земле своими ногами, собирать урожай своими руками, впиваться в кусок мяса своими зубами? Никто не стремится утверждать, что сущность человечества заключается в его форме, то есть, если перейти на более близкий к природе язык, в обладании и использовании пяти чувств и в обитании на нашей планете. Человечество может развиваться и вне планеты в том виде и при помощи тех средств, принадлежащих формальным условиям существования, которые будут для него сохранены. Все это вполне правдоподобно и соответствует аналогии.

Таким образом, для человечества находиться на этой земле вместе с другими органическими элементами, вместе с другой Жизнью — или перейти к другому видоизменению вместе с аналогичными, но усовершенствованными органами — это два варианта закона возрождений, одинаково доступных. И таким же является буддийский и пифагорейский метемпсихоз, который допускала вся Античность, и который мы допускаем вместе с ней как следствие, совершенно логичное и доказанное, Законов Перемен. Этот закон

возрождений касается человечества во всем человеческом цикле; это одно из его применений к земному человеческому роду, и именно для этого мы только что и сделали различие между человеком коллективным и человеком индивидуальным.

Человечество — это виток спирали; актуальный человеческий род — это одна из точек спирали.[29] Будем всегда остерегаться такого смешения, не принимать часть за целое, не впадать, как следствие, в самые туманные грезы и в самый грубый трансформизм. Земная человеческая жизнь — это одна из точек человеческого цикла; это одна из форм человечества; и человечество, в силу закона возрождений, проходит настоящую человеческую стадию, не задерживаясь на ней и к ней не возвращаясь. Но если человеческий род утрачивается для человека после индивидуальной смерти, то человечество остается коллективным человеком. И мы увидим далее, как ведет себя человеческое состояние в этих различных ситуациях. Мы увидим также, что и до, и после человеческого цикла в том, что образует природу человечества, существу-

---

[29] И именно она в таком случае и может служить символом круга жизни, характеризуемого инь-ян, который мы будем изучать далее.

ет один определяющий элемент, вечный и внутренне ему присущий.

Закон гармонии движет человечеством на протяжении всего его цикла вместе с общим и единообразным движением. Движение является общим, в том, что ни одна из частиц, образующих человечество, не могла бы его избежать случайно или намеренно от него отстраниться: оно единообразно в том, что изначальная причина (движение, вызванное проявлением небесной воли) воздействует на все человечество всегда одинаковым образом, и что оно, следовательно, движется по своему витку без скачков и без остановок. Этот закон гармонии имеет три следствия: в судьбе человечества нет ничего случайного; в ней нет существенного расхождения; в ней нет ни неожиданностей, ни исключений.

Нет ничего случайного: случайность на самом деле порождается сочетанием бессознательности элемента с отсутствием его движущей силы. Мы охотно допускаем бессознательность элемента как беспомощность в ходе видоизменения, а также беспомощное непонимание, если рассматривать ряд видоизменений. Но как допустить отсутствие движущей силы, то есть забвение, в котором небесная воля оставила бы самую малую из тех частиц, которые принцип причинности вбросил в движение, то есть в объективное су-

ществование? Это совершенно невозможно; так как если бы отдельный рассматриваемый элемент был бы предоставлен воле случая за пределами проявленной Вселенной, следовало бы отрицать бесконечность небесной воли; а если бы элемент был предоставлен воле случая в проявленной Вселенной, следовало бы отрицать всеведущее Совершенство этой воли. То есть утверждать, что этой небесной воли вообще не существует. Случайность и небо противоположны и исключают друг друга. И поскольку Вселенная и есть проявленное небо, то необходимо отрицать либо случайность, либо Вселенную даже при самом точном свидетельстве наших чувств. Мы, таким образом, пришли к следующему истинному положению: случайности не существует. И мы счастливы констатировать, что это положение было уже давно записано над входом в чисто западную высокую науку и на первых страницах творений тех учителей, которые ею занимались. В христианстве и во всех религиозных и философских системах, которые берут в нем начало, или это начало ему дают, эта действенная сторона принципа гармонии носит имя Провидения, слова, основное значение которого образует само отрицание случайности.

Что касается человечества, то нет никакого различия в судьбах тех различных элементов, которые его

составляют. Элементы, которые в данной точке одновременно — гармонично — вступают в видоизменение, вместе и выходят из этого видоизменения и вместе вступают в иное. Кроме того, все элементы проходят через все видоизменения одного и того же уровня. Наконец, так же, как и их происхождение, их конец один и тот же для всех. Именно этого и требует закон гармонии; и невозможно, чтобы этот закон был нарушен хотя бы в одном из своих пунктов. Мы увидим в ходе этих исследований, когда мы обратимся к текстам «Кан-Ин», или «Книге наград и наказаний», как преобразуется грубая догма Наград и вечных Кар, когда те, кто ее преподают, должны отказываться в силу того ужаса, который она внушает верующим, от денег и влияния. Теперь нам необходимо утверждать, что принцип справедливости, в равной мере неизменный, повсюду и везде достигает полного удовлетворения. Но свойство небесных атрибутов заключается в том, чтобы они соответствовали друг другу и ни в чем друг другу не мешали даже в своих самых крайних следствиях; принцип справедливости прекрасно подходит к закону гармонии, метафизическим проявлением которого он является; и Гармония, как и ее следствие, Справедливость, требуют, чтобы окончательная судьба человечества и Вселенной были общей и единой судьбой.

Отметим мимоходом, что применение закона Гармонии, так же как и применение закона Активности, не позволяет допустить прямой метемпсихоз заурядных последователей Пифагора. Одни элементы не могли бы оставаться в видоизменении — сохраняя или изменяя свои формы — в то время как другие элементы, вступившие в это видоизменение в то же время, когда и они, проходили бы его и покидали; одни элементы не могли бы продвигаться вперед, тогда как другие двигались бы назад под предлогом наказаний; так как раз и навсегда наказания, связанные с деяниями, совершаемыми во времени, неизбежно являются объективными и не могли бы применяться к законам, следующим из субъективности. Все существа следуют в потоке форм за гармоничным и регулярным движением; и один лишь закон блага определяет направление этого движения.

Наконец, в этом движении нет ни столкновений, ни скачков, нет ничего непредвиденного; то есть ход его методичен. Гармония воздействует на все существа, пребывающие в пассивности, и регулирует их исход в мир форм. Нет, следовательно, никакого непредвиденного творения; нет спонтанного зарождения; все существа существовали в одно и то же время, и первый установленный нами день их существования не явля-

ется днем их рождения; такая претензия — это еще порыв гордыни человеческих умов, использующих несовершенное понимание и органы чувств, на самом деле весьма неразвитые; она не более обоснована, чем мнение астронома (я полагаю, отдавая должное астрономии, что такой астроном не существует и никогда не будет существовать), который заявлял бы, что звезда была сотворена в тот день, когда он впервые увидел ее в свою подзорную трубу, тогда как на самом деле эта звезда была столь далека от нашей планеты, что исходящий от нее свет только недавно до нас дошел. Было бы смешно отвергать в принципах метафизики и в проявлениях субъективного то, что согласуется с законами какой-либо ограниченной науки. Поэтому нет никакого спонтанного зарождения. Но регулярность исхода в мир форм требует большего; она требует регулярной передачи формы, и она требует ее в самых малых деталях. Таким образом, человеческая *форма* всегда будет человеческой *формой*; и человеку так же невозможно родиться буйволом, как буйволу родиться человеком, или растению родиться куском металла. Такое выражение кажется забавным; оно покажется менее забавным, когда мы поймем, что оно утверждает невозможность того, что, проходя через все усовершенствования и какие угодно ступени, обезь-

яна рождает человека, и что тем самым оказывается бесповоротно обреченной та странная, порожденная парами мочи теория, которая скрывается за названием «дарвинизм». Самые последние приверженцы таких предположений, лишенных как физических, так и метафизических доказательств, не допускают возможности того, чтобы негритянская чета родила белого, но находят правдоподобным, что пара обезьян в глубине леса и под непроницаемым покровом тайны однажды порождает человеческое существо.

Разумеется, мы допускаем, что так же, как нет, образно выражаясь, ощутимой границы между самыми близкими к животным растениями и самыми близкими к растениям животными, так и между человеческой формой и другими животными формами, наиболее близкими к ней, имеется сколько угодно форм, и что они, будучи упорядоченными и расположенными на соответствующих уровнях, как можно более похожи на своих соседей. Между самой близкой к человеку обезьяной и самым обезьяноподобным человеком мы допускаем, если угодно, тысячу форм человекоподобных существ (хотя мы никогда не находили, ни в геологии, ни в зоологии, их абсолютно убедительных следов); и, таким образом, к большому удовлетворению некоторых ученых, очень гордящихся самими со-

бой и весьма скромных в том, что касается их предков, расстояние между человеком и обезьяной будет заполнено. Это верно в том, что касается внешнего подобия; но различие между ступенями, бесконечное или бесконечно малое, существует с такой же строгостью; человекоподобные создают человекоподобных; обезьяны — обезьян; а люди — людей; и так будет до тех пор, пока во Вселенной не иссякнет поток форм.

Наконец, этому человечеству, которое мы теперь знаем активным, подвижным, и которому, в соответствии с его движением, предназначена общая совместная судьба, этому человечеству такую судьбу назначает закон блага, который определяет одновременно и направление, и конец его активности. Этот конец превосходен, так как высший и единственный замысел воли неба является исключительно и неизбежно добрым. Нет ни ужасов ни вечных страданий; докажем это самым кратким и самым детским языком.

Если бы вечно существовало одно страдание вне Бога, то Бог не содержал бы в себе всего; он не был бы бесконечным, он не был бы Богом. Если бы вечно существовало страдание внутри Бога, Бог не был бы бесконечно добрым; он не был бы Богом. Вечное страдание не существует, следовательно, ни в Боге, ни вне Бога. То есть оно не существует вообще, и не может существо-

вать. Самые красочные угрозы, самые страстные порицания не могли бы быть следствием этой простой дилеммы, в которой оказывается замкнутым весь разум.

Между прочим, именно небесная воля вводит существа в поток форм; без этой вечной воли не существовало бы ни движения, ни формы, ни самой малой частицы «творения»; как же предположить, что эта воля, осуществляющая себя и при рождении и во время всех видоизменений существ, не осуществляла бы уже себя в момент окончательного преобразования? И допускала бы близость к гибели или падение? И как предположить, что такая воля, вечно себя осуществляющая, приводила бы исходящих от нее и только от нее одной существ к концу страдания и несчастья? Как предположить, что она ими не управляет? Как предположить, что она управляет ими где-то в ином месте, чем она сама, то есть в конце, тождественном началу? Это претензии, лишенные логики, справедливости, доброты, совершенно оскорбительные, в которых явно ощущается их человеческое происхождение, то есть посредственное и сепаратистское. Только ограниченное существо может придумать решение, противоположное благу, то есть негативное. — И из-за того, что решение является негативным и ограниченным, оно не может выйти из того круга случайности, в котором

оно было рождено, и оно неприменимо к проблемам, которые зависят от субъективного.

Таковы судьбы человечества, полностью управляемые четырьмя неотвратимыми законами, которые руководили рождением Вселенной и руководят ее ходом. — Но чем при такой неотвратимости становится свобода вещей? Мы основательно объясним это, когда речь пойдет об условиях существования индивидов. Человеческая свобода существует, и она существует в условиях, которые соответствуют субъективной справедливости и которые в достаточной мере возлагают на нас, с точки зрения предусматриваемого наказания, нашу личную ответственность.

Но, сделав такое утверждение, и до того, как оно будет раскрыто в другом месте, скажем здесь, что *свободы созданий не существует*, пока они брошены в поток небесной волей, и до того, как они этой волей взяты назад. Не будем забывать, к какому миру относится то, о чем мы говорим, и что именно на метафизическом, то есть на божественном, уровне основывается наш довод. Мы здесь перед лицом Божественной Воли. Любая воля существует лишь в том случае, если она исходит из этой воли; следовательно, никакая воля не может с ней сравняться: так как если бы воля была равна Божеству, она была бы Божеством, а не его эманацией.

Любая воля, сравнимая с Божеством, тождественна ему; следовательно, никакая воля не может, даже обладая таким равенством, восстать против Божественной воли. Поэтому нет воли, которая восторжествовала бы над Божеством; поэтому нет свободы вопреки Активности неба. Промыслы неба не могут быть нарушены, им нельзя воспрепятствовать, их нельзя остановить: ничто не может над ними преобладать; и все религиозные доктрины — даже доктрина Рима, выраженная на самой худшей латыни, которая только была (*et portæ inferi non prævalebunt, etc.*) — согласны в этом с метафизикой и естественной логикой. Всеобъемлющая Свобода существует лишь в Бесконечности и действует только через Бесконечность и в воле Бесконечности. — Существо, пребывающее в потоке форм, не может быть наделено всеобъемлющей свободой, иначе оно сразу же станет Богом. И Вселенной непреклонно управляют; и она неотвратимо движется к своей судьбе. И так же, как человек не рождается, когда захочет, и не избирает момента своей смерти, так и человечество рождается в определенном видоизменении и его покидает в условиях, предусмотренных волей неба. И оно пребывает нам, куда всю вечность его направляло небо.

Всеобъемлющая Свобода является одновременно и наиболее опасным, и наиболее нелепым подарком,

который пожелали сделать человечеству: опасным, потому что оно могло таким образом сопротивляться счастливой судьбе; нелепым, потому что те, кто намеревались его сделать, не остерегались, что, позволяя человечеству противостоять Богу, они делают человечество Богом. Но это изобретение гордыни и человеческой жадности мало заботилось о такой бессмыслице, соединенной с таким безбожием. *Всеобъемлющая Свобода*, которую человеческий род принял за гордыню, вела к *всеобщей ответственности*, к *Всеобщей Вине* и к *Вечному Наказанию*, единственному возможному исправлению этого всеобщего заблуждения. И изобретатели теоремы и ее последствий придумали в то же самое время, что они, посланники Бога на земле, могут посредством молитв, денег, преимуществ любого рода, предотвратить *Вечное Наказание*, исправить *Всеобщую Вину*, управлять общей ответственностью и заставить себя таким образом посредством изобретательного рикошета оплатить эту *всеобъемлющую свободу*, которая была преподнесена человечеству в бесплатный дар.

Мы прекрасно знаем, что разрушаем здесь самый живучий предрассудок рода тем, что мы лишаем его вместе с опасностью, которую он затрудняется считать воображаемой, защитников, порожденных этой опасностью, и потому что, если бы нас поняли, мы ли-

шили бы этих защитников того легкого заработка, с которым они процветают, и поверхностного влияния, благодаря которому они царствуют уже веками. Мы знаем, что мы нападаем здесь на убеждение, глубоко укоренившееся в нашем сознании, сформированном нашими предками, нашими воспитателями и бесчисленными годами: мы отдаем себе самый точный отчет в трудности такой задачи, которая и в нас самих, уже после того, как раз и навсегда установилась наша уверенность, иногда еще пробуждает древние страхи, мучившие нас в детстве. Трудно освободить свой дух и свой разум от самых неприступных препятствий, когда они являются извечными, и когда они заимствуют власть тех, кто нас обучал и кого мы любили. Но на самом деле нам невозможно допустить даже один раз победу неразумного чувства на логикой и поверить, что Бог согласится уравнять себя с человеком как раз для несчастья этого последнего, и что «*творцу*» понравится объявлять себя бессильным, чтобы сделать неотвратимо счастливым свое «*творение*» в той «*вечности*», которую он ему дал и которой оно у него не просило.[30]

---

[30] Мы намеренно используем здесь самый конкретный язык, чтобы сделать ясным для всех то, что мы желаем сказать.

Разумеется, мы этого ни в коей мере не отрицаем: на уровне относительного и в мире случайностей остается достаточно свободы, чтобы льстить нашей гордыне, достаточно наказаний, чтобы удовлетворять чувство справедливости, достаточно «покаяния», чтобы успокоить любителей дурных эмоций (и мы это в ближайшее время увидим). Но что небесная воля всю вечность управляет видоизменениями и преобразованиями Вселенной и готовит их, что все существа, которые нам известны, начиная с мельчайшей молекулы и до звезд, кружащих в глубине небес, подчиняются законам этой Предвидящей Воли, и что одно только человечество способно ей противодействовать, разрушать гармонию всеобщего блага, и быть во всей Вселенной одиноким и вечно несчастным, — этого ни логика, ни метафизика, ни то идеальное представление о Боге, которое мы имеем, не позволяет нам ни на мгновение допустить, а уж тем более обсуждать.

Между прочим, когда мы будем изучать условия существования человеческого рода, мы получим еще более решительное доказательство этого. Но примем также во внимание как чисто нравственное и такое же убедительное доказательство, что не существует ни одной теократической или религиозной системы, которая содержала бы эту отвратительную претензию

в своих изначальных догмах. Брахманизм, буддизм, христианство — все они были образами любви и гармонии, сошедшими с уст апостолов, просветленных и блаженных: одни лишь чисто человеческие применения, политические или социальные, сделали из них инструменты страха и господства. Приспособленные к амбициям индивидов, эти добавления были признаками дерзкой земной кооперации с божественным творением; и в глазах мудреца они имели не больше подлинного значения, чем те, что были созданы для частных прибылей. Созданные людьми, он не имеют значения за пределами человечества.

Чтобы не показаться пристрастными, не будем больше настаивать на этих столь ярких доводах, в которых логика должна подтвердить наши самые возвышенные надежды. Но запомним, что от имени самой воли неба ничто из того, что содержится во Вселенной, не имеет власти изменять в ней что бы то ни было.

Когда человечество, поднимаясь по восходящей кривой, прибывает к краю витка, образующего его видоизменение во Вселенной, оно преобразуется (то есть оно исчезает или, на более грубом языке, умирает). Но рассматривая кривую Вселенной в ее последовательных круговращениях, мы сразу же замечаем, что здесь не может быть ни исчезновения, даже на мгно-

вение, ни негативного феномена того рода, который мы называем смертью; здесь имеется совершенно нормальный переход от одного состояния к другому; этот переход в деятельности Вселенной включает в себя не больше непредвиденных потрясений, чем переход между двумя последовательными моментами существ в человеческом цикле. Нет, следовательно никакой нерегулярности в движении, а тем более в гармонии: и переход от одного витка к другому, или переход от человечества к тому видоизменению, которое за ним следует, выражается лишь *изменением в природе относительной конституции видоизменяющихся существ.* Мы увидим это более точным образом, более близким к человеку, в части, озаглавленной «Условия существования индивида». Но теперь следует знать, что феномен окончательного видоизменения коренится по сути дела исключительно в этом единственном изменении — которое неизбежно является улучшением — и это увеличение, а не уменьшение, и именно поэтому это, скорее, рождение, а не смерть. На самом деле, это ни то, и ни другое; и так же безумно было бы желать увидеть в этом конец, как безумно было бы назвать внезапной остановкой или даже сходом с рельсов прохождение поезда перед станцией, на которой расписание запрещает ему останавливаться. Эти ви-

доизменения всегда совершаются в нормальном порядке, постепенно и с пользой; и они должны вследствие этой абсолютной уверенности утратить то, что может в них быть временно болезненным для индивида. Коллектив существ переходит от одного состояния в другое через различные модальности и посредством механизмов, всегда сходных с ними самими, и в этом переходе нет ни одного мига смерти, исчезновения или только помрачения.

Божественная сущность, пропитывающая частицы Вселенной, божественное притяжение, направляющее их движение, — вот гаранты их непрерывности. И человечество причастно, как и вся Вселенная, к этой непрерывности на своем уровне видоизменения, и в том, что в этом видоизменении содержится Вечность.

Человечество, являющееся одним из циклов Вселенной, не является неизбежно последним; он кажется нам весьма высоким, потому что мы себя в нем обнаруживаем и потому что низшие циклы мы понимаем лучше, чем высшие; но мы все прекрасно чувствуем, мы даже убеждены, что мы не являемся существами, относительное совершенство которых непосредственно предшествует Всеобщему Совершенству. Даже в античной мифологии были гиганты, полубоги и скопище промежуточных существ между Олимпом и

нами; даже в христианской агиографии есть святые, ангелы и девять небесных хоров межу Богом и его творениями. Видимость универсальности мнений согласуется с предписаниями чувств и выводами логики и вынуждает нас понять, что мы образуем одну какую-то модальность в потоке форм и что мы изменяемся по какому-то одному витку неопределенной цилиндрической спирали.

Но если человечество не образует собой последнего витка, то по крайней мере существование этого последнего витка можно представить даже в настоящее время. Небесная воля, которая вводит существа в поток форм, — это та же самая воля, что притягивает все существа к себе, и, как следствие, все должно в ней смешиваться. Таким образом, рассматриваемый в бесконечности — которая и является метафизическим пространством Совершенства — цилиндр творения становится конусом, а виток, который проходил по его боковой поверхности, неотвратимо соединяется с вершиной конуса вместе с высотой объема, причем эта высота как раз и является, как мы видели, геометрическим пространством притяжения небесной воли, а затем, в своей вершине, метафизическим пространством самого Неба.

Мы, следовательно, можем рассматривать в качестве особого и высшего случая конец последнего вит-

ка, то есть его встречу с вершиной цилиндра, то есть завершение последнего видоизменения, которое мудрецы Китая называют «последним механизмом преобразования» и которое, как согласованно уточняют логика, метафизика и математика, является возвращением Вселенной к той Воле, которая дала ей движение, возвращением всех существ в то Совершенство, из которого они вышли. Это возвращение не является «победой над противоположными элементами» и тем более оно не представляет собой чрезвычайного преобразования; оно, как и все другие переходы, которые ему предшествуют, является незаметным и вполне нормальным переходом. Если мы вернемся к части, озаглавленной «Законы Перемен», мы увидим, что «преобразующий механизм» нисколько не меняет сущность созданий, образующих Вселенную; он просто включает в себя удаление форм, то есть Конец Предела; и именно это традиционный текст и уточняет, утверждая, что «поток форм» завершается.

Имеем ли мы в этом последнем цикле совершенное знание обо всех предшествующих циклах? Имеем ли мы яркое предвидение об окончательном преобразовании? Или иными словами, рассматривают ли существа последнего цикла как благо то, что они лишены своих форм? Или же они видят в этом свою смерть,

как мы сами верим, что видим смерть в конце человеческой индивидуальности? Здесь нельзя навязывать единое мнение; но аналогия требует, чтобы конец последнего видоизменения вызывал то же самое впечатление у существ, что и конец всех предшествующих видоизменений. И мы поставили здесь этот вопрос только для того, чтобы еще раз установить, насколько неверно называть *смертью* рассматриваемый переход и насколько неразумно его опасаться.

Это возвращение к Всеобщему Совершенству, которое определено Концом Предела, является как духовным, так и физическим, то есть одновременно и концом потока форм и концом индивидуальности частиц, и смысл его прекрасно передается самим этим определением; это «возвращение в объятия Бога», «Растворение в Великом Целом», «Небо», «Рай». Одним-словом, которое резюмирует всю человеческую мысль по этому поводу, это Нирвана, которую желтые народы называют *Ниббан* (что одно и то же слово).

Величайший из китайских мистиков, который был, возможно, первым философом в мире, Лао цзы, в совершенстве выразил то, чем является Нирвана, метафизическое пространство Активного Совершенства, или непроявленной Воли Неба. (И на самом деле она перестает быть проявленной, когда иссякает по-

ток форм.) Мы увидим в глубочайших творениях Лао цзы, как нам следует понимать Нирвану, то есть как понимали ее древние тексты Индии, которые являются и нашим достоянием, то есть всего мыслящего человечества. Западная критика и полемика напрасно исказила это понимание, превратив Нирвану в негативность; современное понимание и нападки усугубили искажение. Но эти недоучившиеся ученые не подумали, что, сделав так, они услужливо уравняли с ничто всеобщую активность; и таким образом они совершили в метафизике ту же самую грубую ошибку, которую совершил бы в математике ученик невежественный или непонимающий, который принял бы, намеренно или нет, нуль за «отсутствие» цифры, или за цифру, и позабыл бы, что это число.

Можно ли представить, что существа, однажды смешавшиеся в Нирване, смогут вновь из нее выйти, чтобы вернуться в другой поток форм, и чтобы таким образом увековечить их своеобразное движение? Мы видели, что математика неизбежно отвечала утвердительно; так как, возвращаясь к нашему графическому изображению, циклический цилиндр остается цилиндром, а спираль судеб вечно вращается вокруг его боковой поверхности; или цилиндр, рассматриваемый в математической бесконечности, становится кону-

сом, а всякий конус предполагает другую коническую плоскость, противоположную вершине, разветвления которой бесконечно удаляются в бесконечном пространстве. И поэтому спираль бесконечна и с одной, и с другой стороны. Но такая необходимость не существует в метафизике прежде всего потому, что метафизическая бесконечность не допускает, подобно математической бесконечности, ничего запредельного ни в пространстве, ни в объеме, ни в мышлении; затем потому, что вечность действия (требуемая проявлением Совершенства) не требует неотвратимо потока форм; коллективное движение — это такое же движение, как и неопределенная совокупность индивидуальных движений: форма не является необходимой для движения. И, наконец, потенциальное движение, непроявленное, также является движением. Нет необходимости перемещаться, чтобы двигаться, и тем более нет необходимости действовать, чтобы желать и чтобы мыслить.

Нет, следовательно, никакой необходимости. Но в настоящем состоянии нашего разума мы должны заявить, что возможность существует. Так как то, что возможно сегодня, возможно и неопределенным образом. Только далеко не все понимают, что притяжение небесной воли, после того как все восстановлено, все вновь расщепляет. И, повторим, нет необходимо-

сти принимать эту концепцию, как если бы она была полезна для Вечной Активности; движение не более существенно для активности, чем форма существенна для бытия. И здесь перед нами единственный пункт, в котором примордиальная традиция остается безмолвной, как если бы человеческому роду было бесполезно получить мнение свыше. Именно поэтому существуют два мнения, оба приемлемых, одно — что существо восстанавливается в Единстве, чтобы пребывать там вечно; другое — что исход в поток форм вечен, но что индивидуальные частицы являются бесконечно многочисленными, и одна и та же частица не вступает дважды в поток форм (что явно показывает, насколько безразличен человеческому роду выбор между двумя мнениями).

Можно поэтому вполне свободно оценивать, следуя своей собственной сентиментальности, «Преобразование», или окончательный механизм Вселенной. Так как все избранные пути ведут к единой цели. И эта цель, общее и блаженное Восстановление, желанна одновременно и для письменной Традиции, и для метафизического разума, и для математического разума, и для соответствия трем атрибутам, которые все религии приписывают сущности своих Богов: Благу, Справедливости и Славе.

VIII. УСЛОВИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Мы видели, чем были и что предвещали судьбы человечества, рассматриваемые как виток цилиндра эволюции, как цикл в видоизменении Вселенной. Но мы знаем, как следствие, что этот человеческий цикл включает в себя все человечество, то есть весь человеческий род, который мы знаем, и все его возможные разновидности, предшествовавшие виду или следующие за ним. И мы определили законы, неизменно и неумолимо управляющие человеческим циклом, который является совершенно нормальным циклом и который не имеет ничего особенного — по крайней мере для нас, потому что мы в настоящий момент в нем себя и обнаруживаем.

Тот естественный интерес, который мы проявляем к циклу, где мы развиваемся, который мы знаем немного лучше, чем остальные, и который мы желаем

знать более глубоко, приводит нас к изучению движения человеческого рода в цикле и условий индивидуального существования в роде.

Эти два направления исследований совершенно аналогичны и включают в себя феномены, одинаково ограниченные и одной и той же природы. Мы сразу же уточняем, что, покидая здесь область чистой метафизики, мы будем тем не менее вынуждены, руководствуясь логикой и простым здравым смыслом, принимать в области объективных феноменов лишь те решения, которые согласуются с доказанными решениями метафизических проблем. Таким образом, мы приступаем, оснащенные точным и совершенным руководством, к вопросам, которые кажутся наиболее волнующими и наиболее туманными человеческому существу. И мы не должны ни на мгновение отступать от пути, который нам показывает это руководство, не должны поддаваться личной чувственности, способной испугаться логических решений, которые, кажется, наносят ей рану, и даже не принимать в расчет врожденный бессознательный эгоизм индивида.

Утверждая, что род по отношению к циклу — это то же самое, что индивид по отношению к роду, мы показываем этим арифметическим доводом, что мы можем ограничить себя изучением условий индивидуального

существования, что гораздо легче, поскольку это наше личное исследование; достаточно сделать обобщения по аналогии, чтобы применить их к роду. И это достаточно простая работа, чтобы оставить ее нашим читателям. Впрочем, начало и конец индивидов, о которых мы все, по крайне мере физически, осведомлены, довольно ясно освещают нам начало и конец рода. Его изучение, располагающееся между экспериментальным исследованием индивидов, которые его образуют, и метафизическим изучением цикла того видоизменения, к которому этот род принадлежит, не может уже содержать в себе, для нашей логики, ничего неясного или рискованного.

Человеческий род — это момент цикла; индивид — это момент рода. Но с точки зрения исследования, которое необходимо провести, что-то одно можно взять в качестве типичной единицы.

Эта типичная единица подчиняется на своем уровне четырем фундаментальным законам тетраграммы, и она занимает положение момента на вращающемся цилиндре. Необходимо сразу же расположить ее на спирали и на витке таким образом, чтобы схема, согласно обычаю, предоставила нам по аналогии данные для изучения.

Индивид, которого мы рассматриваем, является частью рода, и он необходим для образования рода; его

относительные атрибуты и его существенные качества образуют характеристики рода; важно только одно: это число индивидов; можно вообразить род, представленный одним индивидом, и род, представленный бесчисленным количеством индивидов: следовательно, число индивидов не учитывается; и каким бы ни было их количество, их может быть больше или меньше, а сам род не изменится. Это называют математической неисчислимостью. И мы явно видим, что индивид для рода — то же самое, что точка для линии, которой свойственно входить в состав неопределенного числа точек. И поэтому графическим изображением индивида будет точка на витке, изображающем его род.

Если состояние индивида на витке — это точка, то развитие индивида по отношению к вращающемуся универсальному цилиндру будет изображаться определенной площадью.

Заметим сразу же, что это не абсолютно верно; прежде всего в силу метафизической причины, так как если индивидуальное развитие изображается площадью, точка прибытия будет сходной с точкой отправления, и поэтому там не будет активности (но монотонность и неподвижность возобновления), и там не будет блага, поскольку тяготение к совершенству не будет ощущаться; затем, в силу математической при-

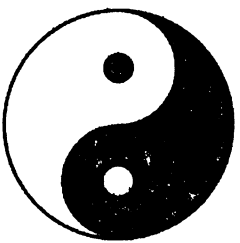
чины, так как если развитие А является именно площадью, то оно возвращалось бы к своей исходной точке, чтобы начать развитие Б, и поэтому моменты развития индивидов не проходили бы по витку. То есть число точек, которые его составляют, было бы бесконечным.

Но это число является лишь неопределенным, и поэтому развитие, начавшееся с точки А, на витке возвращается в точку Б, которая является следующей точкой, бесконечно приближенной, но математически отличной.

Таким образом, в реальности индивидуальное развитие — это виток, функция спирали, но шаг его является бесконечно малым. Именно поэтому, учитывая, что мы живем, действуем и рассуждаем в настоящее время об ограниченных вещах, мы можем и даже должны рассматривать графическое изображение этого развития как поверхность. И на самом деле оно обладает всеми его атрибутами и качествами, и отличается от поверхности лишь рассматриваемое с точки зрения Абсолюта. Таким образом, на нашем уровне круговращение жизни — это непосредственная истина, а круг — это прекрасное изображение индивидуального человеческого цикла. Мы, следовательно, возвращаемся здесь к западной концепции, которая,

как мы уже дали понять, не является ложной, но она плохо применима к движению Вселенной, тогда как она должна применяться лишь к действиям одного только человека.

Круг индивидуальной судьбы каждого изображается у народов желтых рас символом *инь-ян.*



Необходимо несколько кратких пояснений к фигуре, изображенной выше. Инь-ян — это круг, и мы только что сказали, почему. Это круг, изображающий развитие, индивидуальное или какое-то иное, и он относится только к двум измерениям универсального циклического цилиндра. Не имея толщины, он не обладает и непроницаемостью, и он изображается просвечивающимся и прозрачным, то есть графические изображения развития, предшествующие этому моменту и следующие за ним, видны через него и запечатлеваются взглядом.

Спираль, которая в форме S разделяет круг инь-ян, не является только символом универсальной спирали; она представляет собой линию, описываемую, выражаясь на языке математики, самой этой спиралью. Рассмотрим инь-ян с той единственной точки зрения, с какой ее только и можно на самом деле рассматривать, то есть в конечном счете рассмотрим ее по отношению к Совершенству и «с высоты геометрического и метафизического пространства небесной воли».[31]

Одна из ветвей кривой в виде S — это математическая проекция на горизонтальную плоскость (описательная геометрия) отрезка спирали, которая по универсальному цилиндру (становящемуся конусом в бесконечности) идет от точки витка, где инь-ян касается края, и до точки восстановления в Совершенство. Другая ветвь кривой в виде S — это проекция (благодаря прозрачности круга инь-ян) отрезка спирали, который идет от точки активного Совершенства, рождающего мир форм, и до той же самой точки соприкосновения витка с кругом инь-ян. Это и есть вся линия универсальной кривой, начиная с воли, которая

---

[31] Для объяснения этой фразы обратимся к части «Законы Перемен».

отпускает от себя все сущее, и кончая волей, которая восстанавливает единство.

Одна половина инь-ян черная; это та, которая изображает развитие под кругом; другая — белая; это та, которая, изображает развитие над рассматриваемым кругом. Эти две половины равны: так как, поскольку исходной точкой и целью является бесконечность, рассматриваемая точка витка может по отношению к бесконечности всегда и вполне достоверно предполагаться на равном расстоянии между исходной точкой и точкой прибытия. Два маленьких внутренних круга, один — черный на белой поверхности, другой — белый на черной поверхности, являются здесь прежде всего напоминанием о прозрачности символа, а затем демонстрацией того, что эти противоположности по цвету не образуют реальности, и что белое существует под черным и вместе с ним, а черное — под белым и вместе с ним, и что на самом деле инь-ян являются полностью белым и полностью черным, в зависимости от того, рассматриваем ли мы его по отношению к его началу, или по отношению к его цели. Впрочем, тем, кого пустая видимость могла бы еще обмануть после этого разъяснения, необходимо напомнить, что инь-ян — это символ индивидуального человеческого развития, то есть деятельности. Этот символ должен, следовательно,

быть взят как активный сам по себе: и чтобы рассматривать его таким, каким он должен быть, необходимо заставить его вращаться вокруг его центра. Теперь мы видим, что он одноцветный и что поэтому никогда не следует пытаться найти в нем, даже при поверхностном взгляде, малейший признак дуализма.

Своим существованием инь-ян соответствует принципу причинности: двигаясь вокруг своего центра со скоростью особого человеческого развития, он соответствует принципу активности; обладая цилиндрической формой, он соответствует закону гармонии; предшествуя неопределенному числу концентрических кругов и следуя за ними, он соответствует закону блага. Но отметим здесь — и эта мысль требует особенной глубины — что три первых принципа находят свое соответствие внутри инь-ян, а соответствие четвертому принципу (принципу блага) обнаруживается вне инь-ян, то есть чтобы обеспечить такое соответствие, следует рассматривать положение ближайших кругов. Внутри одного лишь рассматриваемого круга закон блага не находит соответствия. Иными словами, внутри индивидуального человеческого развития притягательность небесной воли не ощущается. Такая удивительная констатация следует из математического рассмотрения графического изображения;

и она ведет нас к метафизическим следствиям, если и не самым непредвиденным, то по крайней мере весьма примечательным.[32]

Напомним, что мы уже доказали: свободы существ не существует в той мере, в какой они являются частицами и функциями универсального развития. Абсолютная свобода, которая включает в себя свободу препятствовать промыслам небесной воли, исключается этой волей и Богом. Но мы предчувствуем некоторую свободу индивида. И вот математика нам доказывает, что в круговращении жизни рода и индивида притягательность воли неба не дает о себе знать, то есть что внутри своего частного развития индивид пользуется своей свободой действий. Рассмотрим пределы и условия этой свободы.

---

[32] Никогда не следует упускать из виду, что если взятый отдельно инь-ян может рассматриваться как круг, то в последовательности индивидуальных видоизменений он представляет собой элемент спирали: любое индивидуальное видоизменение является, в сущности, вихрем в трех измерениях; существует лишь одно-единственное человеческое состояние; и никто никогда не идет уже пройденной дорогой. Это позволяет в корне пресечь всякую попытку более или менее изобретательного приспособления примордиальной традиции к пантеистическим или даже спиритуалистическим теориям (в том особом смысле, который сообщают этому термину некоторые западные экспериментаторы).

Вхождение в инь-ян и выход из инь-ян не в распоряжении индивида: так как эти две точки хотя и находятся внутри инь-ян, но принадлежат витку, описываемому на боковой поверхности цилиндра, и они подвержены притяжению небесной воли. И на самом деле человек не свободен ни в своем рождении, ни в своей смерти. Что касается рождения, то он не свободен ни принять этот момент, ни отказаться от него. Что касается смерти, то он не свободен ее избежать; и тем более он в силу справедливой аналогии не должен быть свободен и от момента своей смерти, и именно поэтому, заметим мимоходом, самоубийство является ненормальным и противоречащим интересам индивида деянием.

В любом случае он не свободен ни от одного из условий этих двух деяний; рождение неотвратимо выбрасывает его в круговорот существования, которого он не требовал и не выбирал; смерть забирает его из этого круговорота и неотвратимо вбрасывает в другой, предписанный и предусмотренный волей неба, и он ничего не может изменить. Таким образом, в том, что касается его рождения и его смерти, земной человек — это раб, то есть по отношению к двум важнейшим актам его индивидуальной жизни, к которым в итоге и сводится его особое развитие с точки зрения бесконечности.

Но между его рождением и его смертью, на этом лишенном толщины круге, на этой невесомой поверхности универсального объема, где притяжение воли свыше не проявляется, индивид свободен. Он свободен абсолютно в начинании и в направленности всех своих земных деяний. Воля неба уже не является его господином: он руководствуется смутным сознанием, разновидностью умственного инстинкта, который не является одним и тем же у всех индивидов, который развивается, сгущается или утончается у каждого из них и который находится в арифметическом отношении к интеллектуальным способностям индивида и к значению социальной среды, в которой он движется. И именно это сознание и является движущей силой его личных деяний.

Именно в области духовных феноменов, в которой проявляется это сознание, заурядный инструмент, именно здесь рождаются такие условия, как добро и зло. И именно личная вера в добро и зло, ограниченные друг другом, создает из добра и зла объективную реальность в человеческом разуме. Именно сознание человека создает добро и зло, и именно свобода человека, позволяющая ему следовать за добром или за злом, порождает ответственность.

Мы никогда чрезмерно не опираемся на эти рациональные очевидности: сознание, порождающее добро

и зло, — это специфическая, временная и приземленная особенность, даже для рода; свобода действовать крайне ограничена во времени и в возможностях индивида; деяния, исходящие от этой свободы и оцениваемые сознанием, являются поэтому относительными актами, исключительными для рода и индивида, имеющие значение лишь в той объективности, в которой они родились, и безразличные с точки зрения бесконечности. Заслуги или провинности, благодеяния или оскорбления имеют то же значение, что и деяния, которые их производят; и наказания, применяемые в силу самого факта справедливости, относящейся к сущности бесконечного, имеют то же самое значение, ту же самую степень важности и те же самые последствия, что и акты, которые их мотивируют.

Человек — существо ограниченное и относительное; он может совершить лишь относительные деяния, порождающие относительные заслуги и вызывающие относительные наказания. Тот, кто действует во времени, может быть оценен лишь во времени: фигура, вписанная в двухмерное пространство, не может иметь три измерения; мы здесь жестко ограничены аксиоматической очевидностью самой простой геометрии. Следовательно, деяние человека, которое представляет собой временный и конечный акт, каким бы

виновным ни желало считать его обыденное сознание, не может вызвать вечного и бесконечного наказания. Поэтому вечные наказания — ад, не христианский, но католический и римский — не существуют.

Но нелогичные сентименталисты воскликнут, что заблуждение, адресованное Бесконечному Существу, Богу, требует вечного наказания. Это двойной абсурд. Как можно верить, что Бог мог быть оскорблен человеком? Необходимо быть Богом, чтобы суметь оскорбить Бога: и те, кто пытаются убедить нас в столь ужасном могуществе, никогда об этом не думали.

Но есть и нечто иное. Относительная свобода человека, как мы видели, предполагает неосуществление притяжения, то есть безразличие небесной воли. И действительно, человек не смог бы действовать свободно, если бы небесная воля не позволяла ему это делать. Она устранилась от этого: она не может быть оскорблена тем, от чего она устранилась, и она не управляет только тем, чем она не желает управлять.

Мы, следовательно, не отрицаем наказание и тем более ответственность, и тем более свободу; но ограничения, налагаемые на свободу, в той же мере смягчают и наказание, которое мы считаем временным, относительным и случайным. И теперь, когда мы признаем его во всех отношениях объективным,

мы признаем его и необходимым. Это наказание осуществляется в соответствии с волей неба, в индивидуальном круге, где деяние было совершено, или в последующем круге; это не имеет значения, так как наши деяния «вибрируют» и записываются на всем нашем личном существовании, неопределенном, но не бесконечном. И наказание, которое, как деяние, производится во времени, может задерживаться на неопределенное время на протяжении циклов. Таким образом, продукт деяний существования — это один из элементов, определяющих последующие существования.

Но не будем забывать: этот элемент, чисто объективный, элемент радости или страдания, не может оказать никакого влияния на ход общего развития. Совершаем мы благо или зло, цикл, который нас ожидает, — один и тот же для всех нас; одни приходят к счастью, другие — к слезам; но ступень, на которую мы восходим в конце каждого круговорота жизни, одна и та же, и мы все неотвратимо приближаемся к одной и той же ценности, к бесконечности, которая всем нам суждена.

Это проблема исключительно даосизма, и мы будем изучать ее в трактате «Кан-инь», который полностью ей посвящен, — как определить сумму вибраций наших деяний и наказания, которые из этого

следуют. Но принцип устанавливается здесь; он соответствует, как мы говорили, нашему сознанию и нашему представлению о свободе; он соответствует одновременно и Доброте, и Справедливости неба; он оставляет нетронутыми нерушимые законы традиции. Он ставит на подобающее место ограниченный дуализм добра и зла, а также заслуг и наказаний за человеческие деяния. И он доказывает столь категорично, что нет необходимости еще раз к этому возвращаться, что вера, наивная или заинтересованная, в вечные наказания является одновременно и нравственным варварством, метафизической бессмыслицей и оскорбительным отрицанием важнейших атрибутов Божества.

Между своим рождением и смертью человеческое существо, следовательно, свободно; мы видели причину и средства этой объективной свободы; мы видим каждый день ее проявления; мы увидим ее последствия в той части книги «Рациональный путь», которая касается Запада и морали. Но за пределами области феноменов мы видим, чем являются это рождение и эта смерть, время которых, обстоятельства и результаты независимы от воли того, кто им подвержен.

Согласно всем нашим предшествующим формулам и в соответствии с неопровержимой логикой гео-

метрии, рождение — это вхождение развивающейся частицы в человеческий цикл; смерть — это выход этой частицы за пределы человеческого цикла: но чтобы войти в человеческий цикл и играть там роль индивида как элемента рода, необходимо, чтобы эта частица вышла из низшего цикла в человеческий цикл, или, если использовать более грубый обыденный язык, необходимо, чтобы она в этом цикле умерла. Но, выходя из человеческого цикла, утрачивая индивидуальность рода, развивающаяся частица вступает в более высокий цикл, чем человеческий, и если использовать наш вульгарный язык, она рождается в этом новом цикле; рождение и смерть сопровождают, таким образом, и дополняют друг друга; человеческое рождение — это непосредственное следствие смерти; человеческая смерть — это непосредственная причина рождения. Ни одно из этих обстоятельств никогда не происходит без другого. И поскольку времени здесь не существует, мы можем утверждать, что между внутренней ценностью феномена рождения и внутренней ценностью феномена смерти имеется метафизическое тождество. Что касается их относительной ценности, и в силу непосредственности последствий, смерть на краю цикла X превосходит рождение в том же самом цикле и

выше всего значения притяжения небесной воли в цикле X, то есть математического значения шага спирали развития.[33] Все предыдущее может показаться парадоксальным, потому что для того, чтобы лучше быть понятыми, мы используем слова *рождение* и *смерть*, чтобы обозначить переходы между циклами, и потому что наивное человеческое тщеславие приписывает преувеличенное значение вхождению в человечество (рождению) и преуменьшенное значение выходу за пределы человечества (смерти), как если бы человечество занимало вершину параболы, по ту и по эту сторону от которой можно только опускаться. Не существует ошибки одновременно и более роковой, и более забавной. С точки зрения метафизики очевидно, что в последовательности циклов смерть является движением вперед от рождения, потому что вход в цикл X + 1 выше, чем вход в цикл X. С точки зрения геометрии это очевидно на примере кривой развития вселенной. С точки зрения психологии это очевидно, когда на примере человека мы рассматри-

---

[33] Мы повторим, что не знаем значения этого геометрического элемента, потому что мы не помним циклические состояния, которые мы проходили, и мы не можем, следовательно, измерить метафизическую высоту, которая сегодня отделяет нас от того, из чего мы вышли.

ваем, какие элементы приносит с собой рождение, и какие элементы затрагиваются смертью.[34]

---

[34] Любопытен алгебраический расклад. Изобразим переменные следующим образом: смерть = С. Рождение – Р. Человеческий цикл = Ч. Цикл, низший по отношению к человеческому, = Ч – 1. Цикл, высший по отношению к человеческому, Ч + 1. И такое положение может быть создано для любого цикла. Представим алгебраически, через уравнение, положения, выраженные выше. Мы имеем:

$$С\,Ч = Р\,(Ч + 1) \text{ и } Р\,Ч = С\,(Ч - 1).$$

Раскроем эти положения. Мы имеем:

$$С\,Ч = Р\,Ч + Р, \text{ и } Р\,Ч = С\,Ч - С.$$

Заменим С Ч их значением. Мы имеем:

$$С\,Ч = С\,Ч - С + Р, \text{ то есть } С = Р.$$

То есть все коэффициенты и индексы устраняются сами собой, феномены смерти и рождения, рассматриваемые сами по себе и вне связи с циклами, являются совершенно равными. Предположим также, что Х равен неизвестному значению совершенства, достигнутого в ходе какого-либо видоизменения. Мы имеем:

$$С\,(Ч - 1) + Р\,Ч + Х = С\,Ч + Р\,(Ч + 1)$$

$$\text{или } С\,Ч - С + Р\,Ч + Х = С\,Ч + Р\,Ч + Р\,Х = С + Р.$$

Коэффициенты здесь также упраздняются и мы получаем, что Х (совершенство) явно получен сложением смерти и рождения и совпадением этой смерти и этого рождения. И — странная вещь — мы замечаем, что даже алгебраически этот Х, субстанция и функционирование которого нам известны, не может быть выражен количественно.

Здесь не время указывать, какие семь элементов традиция знает в человеческом роде. Мы увидим это в той части этих исследований, которые будут касаться физиологических и психических наук, прямо исходящих из учения Лао цзы. Но теперь мы можем утверждать — и это утверждение ничем не удивит тех, кто проник в тайны индийского Тернера и Септенера, — что эти семь человеческих элементов примордиальной традиции могут быть резюмированы в Тернере и что они прекрасно соответствуют Тернеру: тело, душа, дух, каким его знают и определяют западные адепты Высшей Науки. Основываясь на этом Тернере, знакомом всем — что и само римское католичество, в соответствии со своими фундаментальными текстами, должно признать — мы и намерены продолжать далее наши исследования и доказательства.

Человеческое существо не является единой сущностью, это агрегат и в реальности агрегат элементов, довольно слабо между собой связанных, потому что они существенно отличаются друг от друга. Эти три элемента, создающие того человека, которого мы знаем, существуют независимо друг от друга; есть тела, лишенные души и духа, как земная материя; есть души, лишенные духа и тела, как невидимые флюиды, испускаемые физическими, небесными или блуждающими

силами; есть духи без тела, как те, которых католики называют «хорами ангелов», и которые соответствуют абсолютной реальности.

Мы не говорим здесь ничего нового, но представляем под новым углом восприятие древних вещей. Элементы, составляющие человека, не нуждаются в том, чтобы быть вместе, чтобы существовать; но именно их объединение и образует человека. До их объединения еще не было человечества; после их разъединения человечества уже нет. Человечество сформировано их временной связью.

Следовательно, не на основе самих элементов, но на основе их соединения и их связи и осуществляются феномены рождения и смерти, свойственные нашему роду. Мы должны даже сказать, что эти элементы, взятые каждый в отдельности, являются безразличными к рождению и к смерти, которые могут затрагивать лишь их модальности — или их качества.

Эта истина уже предполагалась и предчувствовалась — если не была доказана — для духа и души. Она не менее точна и в том, что касается материи. Было бы безумием утверждать, что акт рождения творит материю, из которой формируются человеческие тела: так как эмбрион лишь оплодотворяет, то есть провоцирует развитие человеческой формы в уплотненных

частицах материи. Было бы безумием утверждать, что акт смерти убивает материю: он ее разрушает, то есть смерть освобождает ее от человеческой композиции, забирает у нее форму, в которой она только и могла быть частью человека, и отдает ее потоку форм, где она не останется неиспользованной, пока Вселенная будет находиться под господством Предела.

Человеческое рождение — это, следовательно, формула композиции агрегата (выражаясь на языке химии: формула производства киновари). Поскольку мы все пребываем в процессе развития, то есть, говоря в соответствии с ограничениями, в прогрессивном процессе, посредством циклов, через круговращения спирали, ведущей нас к небесной воле, то это рождение является благодеянием, то есть агрегат, таким образом сформированный, включает в себя элементы, более высокие по отношению к элементам предыдущего агрегата, рождение которого в человеческом состоянии только что вызвало непосредственное разъединение. Выход из предчеловеческого состояния соответствует рассеиванию во вселенском потоке элемента, низшего по отношению к последнему человеческому элементу, или наиболее плотной и наиболее рудиментарной части материи. Вхождение в человеческое состояние, которое с ним совпадает, соответствует приобретению

высшего элемента, Духа, или частицы Духа, которой не обладало предшествующее состояние. Мы, разумеется, всегда говорим об ограниченной материи, так как с каждым днем становится все более научно вероятным, и все более метафизически необходимым, что различные элементы, из которых состоят существа, являются различными состояниями единственной и одной и той же Вещи (добавим: единственной Материи), очищенной и возвышенной, через индивидов, под благотворным притяжением небесной воли, посредством непрерывных усилий личности.

Феномен смерти тождествен абсолютно, и нам кажется возможным определить аналогичные следствия, но в противоположном смысле, лишь потому, что мы приобрели дурную привычку рассматривать ее только с точки зрения человеческого состояния. Выход из этого состояния (смерть) соответствует рассеиванию тела, утрате человеческой материальной формы, которая является самой низшей частью нашей композиции. Но вхождение в сверхчеловеческое состояние (рождение), которое совпадает с человеческой смертью, включает в себя приобретение духовного элемента, значение которого мы не знаем и который превосходит самый лучший из наших человеческих элементов. Именно поэтому человеческая смерть, по-

скольку она совпадает с наилучшим рождением, превосходит метафизически человеческое рождение.

Итак, перед нами сложившийся человеческий агрегат. Ни один из его элементов ему собственно не принадлежит, поскольку все они являются частью других агрегатов, либо низших, либо высших. Ни один из них не создается исключительно человеческими феноменами. Агрегат, следовательно, образован только временным объединением этих независимых элементов. И человеческая природа состоит в следующем: нигде в ином месте эти элементы не обнаруживаются объединенными вместе, на том уровне и с теми коэффициентами, которыми они обладают в нашем состоянии. Человеческое своеобразие — это не своеобразие сущности или природы; это своеобразие степени и метода. Эта степень, этот метод, одним словом, это особое расположение и есть ИНДИВИД.

Но это далеко не все в человеке; и мы здесь прикасаемся к метафизической основе, имеющей отношение к нашему настоящему состоянию. Элементы человеческого агрегата, конденсацию которых мы свели к трем главным из них, являются независимыми друг от друга и облачаются, в развитии Вселенной, в различные и даже разнородные качества, взаимодействие которых имеет тенденцию удалять их друг от друга: мы

выше это уже установили. Тем не менее человеческий агрегат, если он и не столь однороден, как хотелось бы, то все же весьма прочен; он обладает *intus* силой сплочения, которой он подчиняется.

Можно было бы сказать, что эта сила была божественной волей; такое может быть, такое является очевидным следствием; но это не сама небесная воля. Обратимся к бесспорным геометрическим представлениям предшествующих частей; мы увидим в них, что в человеческих состояниях воля неба не дает себя почувствовать, и что именно для этого человек и обладает относительной свободой, и что графический символ его состояния может быть кругом, а не круговращением спирали. Эта сила не является волей неба; и это уже не сила элементов, образующих человечество, которая является личной, независимой силой и, как следствие, центробежной по отношению к человеческой композиции. Эта сила, являющаяся эманацией воли неба, нам, собственно, и принадлежит: это сила, удерживающая вместе человеческий агрегат, которая рождает и воодушевляет индивида, это — ЛИЧНОСТЬ.

Индивидуальность и личность: различные состояния, которые не принадлежат к одному и тому же уровню, которые не обладают одной и той же орга-

низацией, одним и тем же существованием, и вторая выше первой всем тем превосходством, которое вечность имеет над временем; термины, из которых досадная привычка сделала синонимы или во всяком случае аналогии, и смешение которых породило, в научных рассуждениях и в народном воображении, самые отвратительные заблуждения; когда мы узнаем, что личность есть источник всех последовательных индивидуальных состояний, представивших ту силу сплочения, о которой мы только что говорили, мы поймем, как гармонизируются и устраиваются те предложения и системы в целом, которые кажутся враждебными вследствие ошибки в определении или смешения объектов.

Индивидуальность — это, по видимости, личность, рассматриваемая в цикле; в реальности она не является даже этим; так как личность существует целиком вне индивида, и на нее не влияет ни его рождение, ни его смерть, ни одно из его изменений внутри цикла. Индивидуальность как раз и является равнодействующей усилий личности, направленных на композицию, например, на человеческую композицию. Как следствие, индивидуальность безусловно связана с композицией и преобразуется вместе с ней; личность существует всегда подобная себе самой.

Таким образом, человеческий индивид, который является результатом физиологических и психологических влияний элементов человеческой композиции друг на друга, человеческий индивид возникает, развивается и исчезает в то же самое время, что и композиция, выражением которой он является. Личность, поскольку она оказывает воздействие на композицию, называется человеческой личностью; но это лишь *аватар*, лишь временное измерение ее ценности: сегодня она оказывает воздействие на человеческую композицию, вчера — на композицию, которая ей предшествовала, завтра — на композицию, которая за ней последует; и она всегда подобна себе самой, так как природа и определяющие моменты силы независимы от точки ее применения. Индивид, следовательно, приземлен и ограничен: личность бессмертна: и она содержит в себе неопределенную последовательность индивидов.

Мы теперь ясно видим, из чего состоит «человеческая личность», частица универсальной личности. Она состоит из человеческого агрегата, образующего индивида; она состоит также из изменений, порождаемых сближением элементов индивида; она, наконец, состоит из изменений, которые личность, своим усилием сплочения, сообщает индивиду.

Можно по допустимой аналогии сделать вывод, что в этой человеческой триаде первый термин соответствует телу, второй — душе, третий — духу, разумеется, не в их сущности, но в их проявлении. Но не следовало бы, из страха ошибки, проводить слишком далеко следствия этой аналогии, созданной главным образом с целью упрощения, а затем не создавать новые категории.

Таким образом, оказывается разъясненным, доказанным и отомщенным за все оскорбления буддийский и пифагорейский закон перерождений, который многие из самих его адептов истолковывают посредственно. Не следует понимать под ним индивидов, так как он противоположен условиям их существования; следует понимать под ним личность, которая, когда индивид (то есть поле воздействия и усилия) исчезает, овладевает другим индивидом, то есть которая, когда индивид умирает, возрождается в другом индивиде. Отметим, что выбор индивида таков, что он всегда соответствует четырем извечным законам деятельности, свободы, гармонии и блага, и что таким образом животный метемпсихоз является, здесь также, забавной бессмыслицей и подлинным варварством. И таким образом личность — которая в данный момент была, есть и будет человеческой личностью, в соответствии

с моментами цикла, которые рассматриваются, — будет идти от существования к существованию до *«восстановления в высшем существовании, в Боге»*. Нигде лучше, чем здесь, чтобы показать как и когда устанавливается согласие по поводу определений, и имеется лишь один-единственный способ выразить истину, нигде не будет более уместной эта фраза, которую я намеренно подчеркнул, фраза оккультиста, который был западным человеком, фраза моего друга и брата Станислава де Гуайаты.

Именно в этой неизменности личности и удовлетворяется наше туманное желание бесконечности; именно ей должна быть доверена самая явная привязанность, которую мы имеем к самим себе, через себе подобных: ее будет достаточно, если мы сможем возвысить эти привязанности и отделить нас самих от низших влечений, которые слишком тяжелы, чтобы следовать за нами в нашем бесконечном восхождении по спирали развития. Именно эта неизменность в христианстве является бессмертием души. Именно она является одновременно свидетелем и залогом нашей вечности.

И так же, как это различие, столь глубокое, столь необходимое, и которое кажется утонченным лишь потому, что оно слишком долгое время недооценива-

лось, объясняет нам закон перерождений, приверженцами которого в рамках какого-либо традиционного культа мы все могли бы быть, так оно нам объясняет и рациональный феномен человеческой смерти, и причину трагического разрыва, и ужас, который она нам внушает.

Мы с избытком представили доказательства, что любая смерть (и человеческая смерть не составляет исключения) является благотворным переходом из какого-либо состояния к состоянию более высокому. Кроме того, самые глубокие мыслители стремились к смерти как к единственному средству самосовершенствования. Но все человечество, и сами мыслители, восставали всем своим существом в момент перехода. И когда мы видим, как умирает перед нами один из наших близких, несмотря на все метафизические рассуждения, которые мы можем сделать, мы охвачены ужасом и грустью; и мы плачем и об ушедшем и о нас самих, которым суждено за ним последовать. Как объяснить это всеобщее впечатление, которое было бы безумием, если бы другие факторы, на которые мы только что указали, не вступали в игру?

Дело в том, что мы находимся под особым воздействием при этом переходе тех элементов, которые этот переход затрагивает наиболее значительным образом.

Рассмотрим психологически роль человеческой смерти в развитии нашей личности.

Тело — то есть форма — и форма, характерная для рода, не имеет больше оснований для существования и на самом деле исчезает более или менее скоро, чтобы обрести иные контуры, чтобы стать иной формой, которая нам безразлична в той же мере, в какой нам безразлична любая человеческая форма, которая не одушевлена. Только в этом коренится страх и причина страдания.

Личность — как мы видели — существует: и она существует, возросшая и усовершенствованная во всех существованиях, через которые она прошла, и во всех индивидуальностях, которые она одушевила; она возросла своими собственными усилиями, которые индивидуальность, на которую она оказывала воздействие, передала ей в момент своего разделения. И этот багаж, который личность несет с собой в иные циклы, — это священное наследие наших идей, наших представлений, наших трудов и наших страданий. И поскольку, чтобы вновь индивидуализировать себя, личность восходит на новую ступень, именно в этом коренится сожаление.

Но мы показали, что человеческая композиция включает в себя еще изменения, вызванные столкно-

вением ее элементов между собой, и суммы ее элементов с ее личностью.

Здесь перед нами не идеи, рожденные личностью и волей неба. Здесь перед нами ее впечатления, ее привязанности, одним словом, ее человеческие чувства. Унесет ли их с собой личность? Нет, поскольку они были достоянием человека. Обнаружим ли мы их однажды вновь? Ощутим ли где-то в другом месте? Нет. Для этого было бы необходимо вновь обнаружить все элементы, образовавшие эти впечатления, то есть элементы человеческой композиции, соединенные тем же самым способом, с теми же самыми коэффициентами: то есть необходимо было бы вновь обнаружить, в ином цикле, все характерное для человеческого цикла. Вот что невозможно. Некоторые человеческие элементы обнаруживаются вновь, но не все и не того же значения; они, следовательно, больше не влияют тем же самым способом друг на друга; и личность больше не воздействует на них с тем же самым результатом. «Человеческие чувства» являются, следовательно, особенностью человека и вместе с ним и исчезают. И в то время как его тело возвращается в материю, чтобы войти в иной поток форм, в то время как его неизменный дух ведет личность к восхождению, его душа, которая, если угодно, является более разреженной материей, но

которая материальна, по словам даже владык католической церкви,[35] его душа исчезает в психическом мире, в эфире вибраций, в области блуждающих сил, которая нам очень плохо известна, но о которой сегодня мы тем не менее знаем, что ее уменьшенная энергия является буквально астральной. Все это, бывшее характерным для душевной жизни человека, мы не обнаружим никогда.

С точки зрения разума мы не могли бы об этом сожалеть, поскольку ее исчезновение сразу же восполняется элементом аналогичной сущности и высшего качества. Но импульсивно мы предпочитаем то, что у нас имеется, и то, что нам известно, тому, что нам неведомо; но мы все привязаны к этому пучку впечатлений и чувств, тем более что это и было природой нашего человеческого состояния. Эта исключительно человеческая чувственность, эмоциональная цепь, связывающая нас друг с другом, и была тем, что было для нас всего дороже. И именно это, только это одно растворяется без возможного возвращения в индивидуальность в универсальном!

И заметим, что для нас это страдание еще более тя-

---

[35] *Anima: materia prima* (Св. Фома Аквинский. Гл. 75). См. также буллу папы Климента V на ту же тему.

жело, потому что корень страдания по поводу утраты этого элемента находится как раз в самом этом элементе. Не своими чувствами и не своим разумом, а своими ощущениями мы оплакиваем исчезновение той совокупности чувств, которую представлял собой человек, умирающий рядом с нами. И это настолько верно, что наши самые жгучие сожаления адресованы не гениальному человеку, который поддерживал наш ум, не нашим родителям, которые поддерживали нас кровью, но тем, чья жизнь протекала параллельно нашей, чьи действия были близки нашим и, следовательно, чья чувственность насыщала нашу и определяла чаще всего ее изменения.

От этого неразумного, но естественного страдания, свойственного человеческому альтруизму, то есть обобщенному эгоизму, немногие способны остаться невредимыми: так как сам разум объявляет себя здесь бессильным. И отклонения от нашей чувственности побеждаются здесь лишь обузданием со стороны более могущественной воли. Но дело совсем не в этом. Ограничимся препарированием смерти и продемонстрируем ее точное вскрытие вплоть до тех самых чувств, которые она в нас пробуждает.

И тем не менее, сказав о том, чем является рождение и чем является человеческая жизнь, не будем

завершать изучение последнего условия человеческого существования. Так как, как мы говорили, вечная личность взбирается по спирали развития, оплодотворенная в своих модальностях возвышенной совокупностью познанных идей и пережитых впечатлений. И, таким образом, даже в том, что касается чувственного человеческого состояния, это последнее полностью не погибает. Тем более не погибают состояния, которые ему предшествовали. Наша личность, очеловеченная и индивидуализированная, со своими собственными изменениями, — это наследие предшествующих циклов, которое мы не осознаем. Поскольку мы не имеем о нем никакой памяти, мы не могли бы его и отвергнуть. У нас есть ясное влечение к будущему: у нас есть смутные, подобные туманным озарениям, воспоминания о прошлом: это влечение и эти смутные воспоминания свойственны нашему человеческому состоянию. Логично, чтобы при восхождении через циклы знание будущего и память о прошлом освещали наш разум. И мы тогда сохраним как аксиомы эти глубокие истины, представление о которых, такое же целостное, нам всем сегодня требуется.

Признаем же, что не только для нашего развития, но и для окончательного формирования нашей сущности переход в человеческую стадию нам выгоден и что

нам остается самое лучшее во всех этих перерождениях, древний закон о которых мы только что подтвердили. Признаем, что ничего из того, что мы делаем, говорим, мыслим, не исчезает абсолютно. Признаем, что даже эта чувственность, которая вынуждает нас рассматривать как наихудшее из зол исходную точку земной стадии, найдет в конце всего свое полное удовлетворение. Пусть простят нас в конце довольно строгого исследования за намеренный поворот в область сентиментального. Нашей целью было лишь стремление доказать превосходство традиционной логики и предусмотрительное всемогущество небесной воли.

Поскольку целью Перемен является единство, все чувства, вызванные физической красотой, все идеи, вызванные чувственной красотой, включенные в последовательность видоизменений, стремятся к метафизическому пространству, где все красоты, ставшие великолепием, и все идеи, ставшие истиной, растворяются, познанные, в Совершенстве.

Таким образом, личности, которые через различные индивидуализации сблизились в ходе циклов, сближаются в каждое мгновение еще больше: эти земные союзы, каким бы именем их ни называли, и как бы мы ни опасались, что смерть их расторгнет, стягиваются друг к другу через видоизменения по мере того,

как наши элементы усовершенствуются; поэтому — хотя человеческие связи и кажутся нам тесными — мы все здесь удалены друг от друга больше, чем это будет когда-либо в будущих циклах. Наша жесткая и строгая логика ведет нас к неизбежному результату, который удовлетворяет чувственность, избавленную, разумеется, от своего врожденного эгоизма, удовлетворяет лучше любых мечтаний и любой мистики. Сходства, которые мы устанавливаем в человеческой среде, являются итогом усилий других циклов, предшествовавших нашему; они являются также подготовкой и обещанием более тесных и бескорыстных связей даже между теми, кто их формирует и образует из них модальности своей личности. Таким образом, чистые идеи, те, кто их замышляет, те, кто их пробуждает и кто обожествляет в них самих себя, все мы, возвысившиеся, поднятые потоком благотворных Перемен, восходим, вечно единые, к Универсальному.[36]

---

[36] Заметим, что в этом метафизическом исследовании мы рассматриваем человеческую стадию и остаемся за пределами всех иных стадий. То, что мы сказали о ней, может обобщенно применяться к любой иной особенной стадии, к любому иному индивидуальному вихрю спирали. Мы только уточним еще раз, что индивид проходит только один раз через один и тот же род, и что его вихрь — это только применение к индивиду витка спирали, изображающей

Мы здесь завершаем это краткое изложение *Метафизического пути*, соблюдаемого и сохраняемого традицией желтых народов, которая является — до иных открытий — единственной традицией, сохранившейся до наших дней без интерполяции, несокрытой и незатемненной. Мы сделали бы это изложение еще более кратким, если бы не опасались затруднить понимание таких деликатных материй. В других исследованиях, аналогично кратких, мы позже увидим вместе с философией Лао цзы «Рациональный путь», а вместе с философией Кун цзы (Конфуция), «Социальный путь», выводимые столь же строго и прямо из той же самой традиции.

Но в последних строчках мы хотели бы предоставить практическое следствие метафизического очер-

---

развитие рода. Что касается связей вихрей между собой и стадий между собой, китайская традиция переносит их изучение в другую часть своей философии. На самом деле последовательность стадий имеет нечто регулярное и нечто скоординированное, что принадлежит к области Разума. Видоизменения, которые распространяются на существа, преобразования, которые восстанавливают единство существ и Нирвана (Ниббан), которая является увенчанием и окончанием рядов, должны изучаться после их изменений и после взаимных влияний. Сам текст Вэнь Вана ясно об этом говорит: «Видоизменение и преобразование — это рациональный путь деятельности». Мы обнаружим изложение этого учения в философии «Рационального Пути», то есть в даосской системе Лао цзы.

ка, который мы только что набросали. Мы хотели бы извлечь из этого учения последовательный и адекватный метод работы для тех, кто был бы достаточно любопытным, чтобы не только прочесть предшествующие строки, но и приступить к труду, который они позволяют совершить и который они рекомендуют.

Такой метод работы логически выводится из принципов, только что нами установленных: скажем о них несколько скорых слов.

Судьба деяний человека раскрывается в деятельности, которой наделяет его циклическое видоизменение, частью которого является актуальное человечество. Мы не являемся распорядителями этой деятельности — ни ее целей, ни даже ее средств. Так, чтобы повиноваться воле неба, мы должны согласовать наше изменение с ним, а также, как ясно выражается Чжоу гунь, заставить замолчать человеческие желания, которые нарушили бы благо, возникающее в результате деятельности. В чем же может еще заключаться такое личное и разумное изменение человеческого существа, как не в изучении деятельности неба, нашего образца, изучении, которое по мере возможного заставит нас участвовать в этой деятельности?

Деятельность Неба является причиной того, что все видоизменяется и преобразуется; ее изучение ни-

когда не может быть полным; оно не является точным, едва ли оно было выражено, даже если оно и могло быть в этот момент точным. Изучение неба никогда поэтому не заканчивается; оно никогда даже и не начинается. И мы не должны опасаться посвятить ему все силы нашего разума.

Как же это изучение должно происходить? Оно должно происходить с целью деятельности, параллельно деятельности неба и под небом; такова великая символическая формула; то есть вместе со всеми принципами, всей свободой, всей гармонией, всем благом — вместе со всеми принципами, то есть опираясь на принцип деятельности неба и на те принципы, что из него вытекают; вместе со всей свободой, то есть освобождаясь от любой страсти, которая сковывает; вместе со всей гармонией, то есть логически, нормальным образом выводя все следствия из всех принципов; вместе со всем благом, то есть следуя правилу способного к совершенствованию разума, данного нам Небом. При таких условиях труд одаренного человека будет для него благоприятным. Впрочем, при изучении нет ошибки, в которой мы не могли бы быть полностью виновны перед небом; и ответы, которые мы могли бы от него получить, вновь появятся в другом месте и в другой момент; они нам не предписы-

ваются, если они не происходят от нашего непосредственного желания, то есть если при изучении мы соблюдаем принципы, согласно которым небо меняется, и если они происходят только от относительного несовершенства нашего настоящего видоизменения.

На таком уровне любое представление, даже ложное, даже безумное, является заслугой и оказанной почестью. Несостоятельные идеи, отвратительные термины — вот из чего складывается наше изучение в силу нашей природы и заурядности наших средств. Значит ли это, что мы должны от него отказаться, и довольствоваться простодушной детской верой? Разумеется, нет: разум, предоставленный человеку, которым он может гордиться, только если он им пользуется, толкает его на преступную неподвижность; она расценивается им как равнодушие. И разыскивая истину, мы опасались бы встретить одни лишь заблуждения и к ним привязаться, и нам не доставало бы доверия небу и судьбе, которой оно нас наделило. Видение, бестрепетное, того, что выше нас, — это долг видоизменения нашего разума, чтобы он достиг своего окончательно преобразования.

В этом центре, который есть Единое и Целое, нет заблуждений; перед лицом Сущности нет осязаемого различия ни между двумя противоположными ут-

верждениями, высказанными нами, ни между тем, что мы называем истинным и ложным. Человеческая ложь и человеческая истина настолько далеки от Истины, что если рассматривать их по отношению к ней, то они смешиваются в бесконечности в нечто единое, и даже неточность, которую нам дозволяется совершить, когда мы совершаем ее чистосердечно, следует по Пути Неба.

Какой бы путь мы ни выбрали, мы всегда следуем к Центру, неизбежно. Любой пройденный при изучении шаг, в любом направлении нас к нему приближает. Понятия, естественно, ложные, которые мы сегодня высказываем, вызывают вибрации во всей нашей личности и за пределами границ, которые наши чувства устанавливают в существующем сегодня мире. И поднимаясь от витка к витку через видоизменения, которые нас ожидают, они избавляются от заблуждений, в то же самое время, когда они отвергают те нелепые формы, в которые мы их неизбежно облачали.

Всякий труд, всякая мысль, всякая мечта приносят нам выгоду. Мы не должны пугаться ложных шагов и тревог, за которые мы отвечаем лишь перед нашей природой и нашей сегодняшней судьбой. И лишь накапливая ошибки, одаренный человек однажды восходит на высоту истины.

IX. ИНСТРУМЕНТЫ ПРЕДСКАЗАНИЯ

(Тексты и документы)

Я намереваюсь привести здесь некоторые тексты и документы, взятые из «И-цзин» и из различных комментариев или философских истолкований афоризмов Фу си и Вэнь Вана. Мы видели, что «И-цзин» приспосабливалась ко всем условиям человеческого существования, как и ко всем ограниченным наукам, а также к самому исследованию метафизики и субъективного. «И-цзин» имеет также предсказательный смысл. Наряду с политическим символизмом именно эта часть примордиального текста наиболее популярна.

Скажем далее, что эта часть хуже всего истолкована и наиболее неудовлетворительно понята. Ибо мудрецы и философы Дальнего Востока никогда не интересовались областью эмпирического, и они никогда не обращали свои излюбленные исследования

на предсказательную сторону «И-цзин». Одни только странствующие жрецы, именуемые даосами и занимающие среднее положение между нищенствующими монахами и фокусниками, обратили свою страсть на это изучение и в то же время научились на нем зарабатывать себе на жизнь. Оставленная для спекуляций посредственных умов, предсказательная традиция «И-цзин» не замедлила уйти во мрак; и можно сказать, что сегодня она полностью утрачена.

Нам не свойственна та наивная смелость, которая требуется, чтобы попытаться ее восстановить; так как тексты Книги почти непостижимы без устной традиции, или по крайней мере их смысл настолько туманен, что из них можно извлечь какие угодно истолкования. Так, необходимо признать, что уже столетия (мы можем точнее сказать о двадцать одном столетии), устная предсказательная традиция отсутствует.

Лао-цзы и Конфуций ее знали; Лао-цзы пренебрегал ею как низменной игрой. Конфуций передал ее своим ученикам; но ее следов не обнаруживается со времен уничтожения Книг и расправы над Книжниками, устроенной Императором Цинь Ши-Хуан-ди (213 г. до н. э.).

Наша забота о точности склоняет нас к признанию, что мы нигде не встречаем ни письменных объ-

яснений, ни авторских комментариев к предсказанию. Если они существуют, они скрыты в глубине последних святилищ, или же они столь ревностно охраняют свой клад, что даже дальневосточные посвященные высокой степени не подозревают об их существовании.

Это мнение было также мнением Филастра, у которого я заимствую, при неумении сделать лучше, отрывки его великолепного перевода «И-цзин», на который я уже указывал. Неудивительно, что при таких условиях мы предъявляли почти непостижимые тексты и почти не поддающиеся расшифровке картины; было бы тем не менее полезно, чтобы эти тексты и эти картины не исчезли бы полностью из памяти людей: возможно, какой-нибудь каббалист или какой-нибудь ученый, глубоко осведомленный в западных науках, сможет найти там пункты сходства и общие черты с предсказанием, каким нам его передали Греция и Средние века. В любом случае, мы не считаем, что по крайней мере в том, что касается Дальнего Востока, свет может быть пролит там, где Филастр был вынужден объявить себя заблудившимся в потемках.

Филастр на самом деле (и это причина, по которой мы выбирали его переводы там, где мы не были

обязаны переводить текст впервые) был не только знаменитым социологом, которого никогда не видели купола наших университетов. Он провел бóльшую часть своей жизни в Китае и в Индокитае: заслуженный морской офицер, абсолютно сведущий и искренний философ, он извлек немалую пользу из своего пребывания у желтых народов, чтобы проникнуть в их разум, их традицию и их общество. Он сумел благодаря своей высокой культуре и незаурядной способности к ассимиляции победить недоверие осторожных мандаринов Империи и преодолеть пороги, который обычно закрыты и которые считаются в редких случаях открытыми лишь для людей той же расы. Он собрал, таким образом, наиболее ценные учения; и, получив определенные серьезные преимущества, он приобрел такие наставления и сотрудничал с такими собеседниками, что его перевод «Примордиальной Традиции» представляет собой наилучший памятник, который можно было когда-либо надеяться возвести на западном языке, в честь китайской философии.

Эти преимущества не предоставлялись без определенных обязательств перед народами желтой расы, которые его приняли, и перед мудрецами, которые возвысили его разум.

Такие обязательства на Дальнем Востоке приобретают особенно выразительную и принудительную форму. Филастр заметил это слишком поздно, когда после смерти в Тонкине героического Гарнье он принял миссию уполномоченного вести переговоры от имени Франции с империей Аннама. Обязательства его сердца находились в противоречии с обязанностями его должности; он напрасно пытался их примирить, и он был жертвой запутанного положения. Руководствуясь духом почтительности и повиновения к своим учителям, он попытался заключить договор, который и для него не был невыгодным. Таким образом, он, казалось бы, пренебрег интересами свой страны и в то же самое время, несмотря ни на что, он предал самые тайные желания его совести. Он был освобожден от своих обязанностей, покинул Дальний Восток без малейшей надежды на возвращение и был вынужден довольствоваться на юге Франции ничтожной педагогической должностью, где он недавно и умер в бедности, в неизвестности, получивший от своих трудов и своей науки лишь постоянство своего смирения.

Я желал бы особо выделить эти черты подлинно трагического существования, чтобы выдвинуть на первый план следующий вывод: интеллектуальный тупик ведет к социальному краху индивида.

A. Небо — единица, тройка, пятерка, семерка, девятка. Земля — двойка, четверка, шестерка, восьмерка, десятка. Таковы числа неба и земли. Положение чисел 1 и 6 внизу; 2 и 7 вверху, 3 и 8 слева, 4 и 9 справа, 5 и 10 посредине.

B. Число пять указывает на расширение того, что порождает; число десять — на расширение того, что рождено. Единица, двойка, тройка, четверка изображают положение четырех символов: шестерка, семерка, восьмерка, девятка — это числа, которые им соответствуют.

C. Есть пять небесных чисел и пять чисел земных: в каждом ряду числа согласуются парами. Сумма первого ряда — двадцать пять, сумма второго — тридцать; их общая сумма — пятьдесят пять. Именно она и завершает стадии расширения и сжатия. Небесные числа нечетные, земные числа четные. 1 и 2, 3 и 4, 5 и 6, 7 и 8, 9 и 10 образуют согласующиеся группы. Равным образом в пяти положениях два соответствующих числа согласуются: 1 и 6, 2 и 7, 3 и 8, 4 и 9, 5 и 10. Единица видоизменяется и порождает воду, 6 ее преобразует, 2 порождает огонь, 7 его преобразует, 3 порождает дерево, 8 его преобразует, 4 порождает золото, 9 его пре-

образует, 5 видоизменяет землю, 10 ее преобразует. Таким образом, пять веществ и пять планет подвергаются феноменам сжатия и восстановления, движения и возвращения.

D. По примеру тайного центра картины потока небесное число пять умножается на земное число, и получается пятьдесят. Но когда обращаются к судьбе посредством этого числа, ограничиваются использованием сорока девяти.

О способе совершать предсказание, используя траву ши

Зажмем стебель между мизинцем левой руки и следующим пальцем. Разделим то, что остается, отсчитывая по четыре стебля. Зажмем в промежутке у среднего пальца левой руки. Как только операция завершена, все собирается; соединяем и разделяем, как и в первый раз, создавая группы в двух руках, и возобновляем ту же самую операцию.

E. Число жребиев, относящихся к положительному, двести шестнадцать, относящихся к отрицательному — сто сорок четыре, в целом триста шестьдесят, число, равное дням кругообращения.

F. Картина потока имеет четыре лика: великое положительное — это 1, и связанное с ней число 9; малое

положительное — это 3, связанная с ней 6; малое отрицательное — это 2, и связанное с ним 8. Правило подсчета и отсеивания стеблей (стеблей травы ши, которая изображает в предсказании черты гексаграммы) состоит в том, чтобы вместе считать то, что остается после трех видоизменений, отбрасывать с самого начала единицу, считать каждую группу из 8 как двойку. Единица окружается 3; двойка окружается прямоугольником из 4; 3 использует целостность, 4 использует разделение. Объединяя все, получаем числа 6, 7, 8, 9 и после трех сокращений все оказывается еще раз объединенным. Остаются три единицы в излишке, которые, повторенные трижды, дают 9. Стеблей, следовательно, будет $4 \times 9 = 36$, число, которое образует предел положительного, 1. $36 = 3 + 6 = 9$; $9 + 1 = 10$.

Если, наоборот, остаются три двойки, то это дает 6, а число стеблей будет $4 \times 6 = 24$, которое образует предел отрицательного – 4. $24 = 2 + 4 = 6$; $6 + 4 = 10$. Такова тайна преобразования; она имеет исключительную цель показать образование чисел.

Гексаграммы содержат 192 положительные черты и столько же отрицательных. Так, $192 \times 36 = 6912$, и $192 \times 24 = 4608$, в целом 11 520 формул предсказания. Совершим четыре операции: разделение на две группы: откладывание одного стебля: исключение

четырех: собирание остального. Три видоизменения определяют формулу; восемнадцать определяют гексаграмму.

Шесть черт являются полными, и их рассматривают одни как движение, другие как покой, из чего следует, что единственная гексаграмма может последовательно становиться какой-то одной из шестидесяти четырех черт и служить для определения предзнаменования. Эти видоизменения представляют собой 4096 различных жребия: $4096 = 64^2$.

Все эти вопросы дополнены и развиты в наставлениях Чжоу ли, которые сегодня утрачены, наставлениях чиновникам, отвечающим за предсказания, но сегодня совершенно невозможно их получить.[37]

Опыты

A. Человек спрашивает; и именно в знаках он и получает ответ; он получает, словно эхо, приказ, который предписывает его судьбу. Нет ничего далекого,

[37] Параграфы A, C, E переводятся определяющими формулами Вэнь Вана и Чжоу гуня; параграф B — из комментария Чжэн цзая; параграфы D и F, из труда Чжоу ся, озаглавленного «Исчезновение мрака».

ничего туманного, ничего скрытого. Он имеет знание о существах, которые приходят.

В. Отсчитав по три стебля для видоизменения, мы еще отсчитываем по пять стеблей: ищем числа семь, восемь, девять, десять, чтобы определить символ движения или покоя. Необходимо выявить аналогии и различия в изречениях, с тем, чтобы узнать об отличиях между членами объединений; затем возникает испытание тройкой и пятеркой, чтобы сравнить существа и изречения (эти два текста взяты из произведений Вэй Фэя).

Знаки

А. *И* включает в себя исходную крайность, именно здесь рождаются два правила: двойка рождает четыре символа, которые рождают восемь триграмм. Порядок всегда хорошо прослеживается, когда речь идет о предсказании.

В. Инструментами предсказания были стебли травы и черепаха; ими определяются счастливые и несчастливые предзнаменования вселенной. Небо показывает символы, мудрец выводит из них предзнаменования. Из потока появляется картина, из озера книга, и свя-

той формулирует их правила. Формулы, привязанные к символам, служат тому, чтобы определить предупреждение.

C. Счастливые и несчастливые предзнаменования всегда являются результатом судьбы, начертанной формулами: в ходе видоизменений эти предзнаменования становятся очевидными. Фу си видел символы на небе, а формулы на земле.

D. Фу си завязал узлы на веревке для охоты и рыбной ловли. Он получил триграмму *ли*. Шэнь нун изогнул дерево, чтобы сделать плуг. Он получил триграмму *И*. Он создал рынок, чтобы люди всей вселенной совершали там обмены; он получил триграмму *Ши хэ*.

Хуан ди, Яо и Шунь ши управляли страной; они руководили народом, чтобы тот не был праздным; они просвещали его, чтобы народ придерживался блага; они получили две триграммы Совершенства. Они разрубили дерево, чтобы сделать лодку, они рубили дерево, чтобы сделать весло; так они получили триграмму *Кань*. Они связали быков для повозки, они оседлали лошадей; они взяли это в триграмме *Сунь*. Они сделали еще одни двери, чтобы принимать опасных гостей; они взяли это в триграмме *Ю*. Они взяли дерево, чтобы изготовить молот, и вырыли яму в земле, чтобы делать раствор; они взяли это в триграмме *Ся Ги*. Они изогну-

ли и обрезали дерево, чтобы сделать лук и стрелы; они взяли это в триграмме *Гэнь*. Они воздвигли колонны и наклонили формы, чтобы соорудить жилище; они взяли это в триграмме *Дачжэн*. Они начали использовать внутренние и внешние гробницы; они взяли это в триграмме *Да гу*. Они изобреди буквы для письма и дощечки; они взяли это в триграмме *Гу*.[38]

Соответствия

Вначале святой тайно воспринял загадочные причины света и создал предсказание. Он утроил небо, удвоил землю и нашел свою опору в числах. Он постиг смысл бытия и полностью объял природу человека, чтобы дойти до судьбы. Небо и земля определяют положение, гора и водоем легко смешивают свой эфир, гром и ветер вступают в соприкосновение, вода и огонь не уничтожаются. Познай, что прошедшее следовало обычным путем; познай, что грядущее выше обычного пути.

Гром сотрясает; ветер рассеивает; дождь увлажняет; солнце иссушает; преграда останавливает;

---

[38] Параграфы B и D переведены из формул Вэнь Вана и Чжоу Гун; параграф A — из Ки Мун, Чжоу ся, параграф C из комментария того же автора.

удовлетворение радует; небо управляет; пассивность объемлет.

Высшее следует из движения; оно уравнивается во вселенной; оно видит себя в преобразовании; оно действует в пассивности; оно говорит в радости; оно сражается в активности; оно прилагает усилия в перемещении; оно завершает изречение в окончательной незыблемости.[39]

Движение, которое и есть Дракон, — это таинственная причина всех существ.

Тянь — активность, Кунь — пассивность, чжэнь — движение, сунь — проникновенность; кань — погружение, ли — ясность; гэнь — незыблемость, дуй — радостность.

Тянь — лошадь; кунь — кобылица, чжэнь — дракон, сунь — петух, кань — свинья, ли — фазан, гэнь — лисица, дуй — овца. Приводятся отдаленные примеры.

---

[39] Эти соответствия требуют графического объяснения восьми изначальных триграмм: три непрерывных черты *тянь*, небо; одна непрерывная черта между двумя прерывными — *кань*, вода; одна прерывная черта над двумя непрерывными *дуй*, водоем; прерывная черта под двумя непрерывными *сунь*, ветер; прерывная черта между двумя непрерывными — *ли*, огонь; непрерывная черта над двумя прерывными — *гэнь*, гора; непрерывная черта под двумя прерывными — *чжэнь*, гром; три прерывных черты — *кунь*, земля.

Тянь — голова, кунь — живот, чжэнь — ноги, сунь — бедра, кань — ухо, ли — глаз, гэнь — рука, дуй — рот. Приводятся примеры с частями тела. Тянь — отец, кунь — мать, чжэнь — мужское начало, сунь — женское начало, кань — супруг, ли — супруга, гэнь — мальчик, дуй — девочка.

Тянь — это солнце, все круглое, драгоценный камень, принц, золото, холод, лед, быстрая лошадь, белая лошадь, сухое дерево, все, что справа, одежда, речь.

Кунь — это земля, ткань, топор, хозяйство, равенство, буйволица, колесница, внешность, толпа, рукоятка инструмента, черное, все прямоугольное, темнота, сумка, трубка, муха.

Чжэнь — это дракон, гром, желтое, влияние, великий путь, старший сын, торопливость, бамбук, пение, грива, возвращение к жизни, повторение, ворона.

Сунь — это дерево, ветер, старшая дочь, нить, белое, работа, длина, возвышение, ветвь, обоняние, широкий фронт, благодеяние, поиск.

Кань — это вода, скрытая тайна, крыша, тетива лука, болезнь, кровообращение, красный цвет, жар, тонкая нога, чехол, бедствие, луна, вор, жестокое сердце, нора, музыка, терновник, лисица.

Ли — это огонь, солнце, свет, девушка, потомство, оружие, черепаха, живот, ящерица, плод, ствол, корова.

Гэнь — это гора, тропинка, камень, дверь, монах, мизинец, мышь, твердость, нос, тигр, волк.

Дуй — это водоем, ребенок, предсказатель, язык, разрыв, жестокость, наложница, баран, постоянство.[40]

Примечание. Можно сделать выводы из предшествующих текстов: 1) что искусство предсказания получило на самом деле определенную форму у Вэнь Вана и Чжоу Гуня; 2) что правила предсказания были связаны с наукой о числах и что нумерация производилась стеблями травы ши; 3) что манипуляции стеблями травы ши приводили к рассмотрению одной из шестидесяти четырех гексаграмм; 4) что такое изучение должно было производиться принятием в качестве умственного руководства одной из 64 гексаграмматических позиций, в соответствии с формулировкой вопроса, и что поэтому существовало 64 способа изучения гексаграммы, выпавшей при манипуляции, и следовательно 64^2 либо 4096 способов ответить на поставленный вопрос; 5) наконец, что согласно заданному вопросу смысл каждой из триграмм, составляющих гексаграммы, указывался в соответствиях.

Можно, руководствуясь аналогией, найти и многое другое в предыдущих текстах. Но традиция, даже с одной лишь точки зрения искусства предсказания, не позволяет нам расценивать то, что может быть обнаружено в этих текстах, как на самом деле то, что тот, кто их написал, хотел, чтобы было там обнаружено.

---

[40] Весь этот текст взят из 4 главы «Десять взмахов крыла» Кун-цзы Конфуция.

Содержание

В. Ю. Быстров. У истоков учения о традиции 5

Пояснительная записка 36
I. Примордиальная традиция 40
II. Первый памятник познания 57
III. Графические изображения Бога 76
IV. Символы слова 95
V. Формы вселенной 117
VI. Законы перемен 138
VII. Судьбы человечества 166
VIII. Условия индивидуального существования 198
IX. Инструменты предсказания (тексты и документы) 240